

ВЛАДИМИР
ПОСЕЛЯГИН

АДМИРАЛ

САШКА

БРАТИШКА

АДМИРАЛ

БФ-коллекция

Владимир Поселягин

**Адмирал: Сашка.
Братишка. Адмирал**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-445

Поселягин В. Г.

Адмирал: Сашка. Братишка. Адмирал / В. Г. Поселягин —
«Издательство АСТ», 2023 — (БФ-коллекция)

ISBN 978-5-17-154302-0

Кто-то мечтает получить новую жизнь и начать ее по-другому, однако в реальности не все этого хотят. Судьба решила все за Александра Полякова. Новая жизнь, новая семья, а еще большая ответственность. Ведь попал он в сорок первый год. Правда, в январь, но от этого лучше не становится. Ленинградская область, окрестности озера Чудское и послезнание. Так что стоит выбор – оставить на погибель новую семью или, хрипя от натуги, вытащить их из этой беды? Это очень трудно, особенно когда новому телу нет и двенадцати лет. Но ответственность, характер, а главное, воля с упорством к победе остались с Александром.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-445

ISBN 978-5-17-154302-0

© Поселягин В. Г., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Владимир Геннадьевич Поселягин

Адмирал

© Владимир Поселягин, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Казалось бы, обычный случай для попаданца, ночные воды реки, удары волн о борта белоснежного катера, удочка, звук квока, натянутая сомом крупная леска и – внезапный удар грома и вспышка молнии в чистом звездном небе, сводящие на нет радость добычи, которую уже удалось подтянуть к борту. Природа бушует или кто-то там, на небе свои божественные игры устраивает? С учетом того, что на небе ни облачка, иначе бы звезд не увидел, второе как-то само приходит на ум, несмотря на закорючелый атеизм.

– Не понял, откуда гром? – удивился мой помощник, а также старший по техобеспечению моего же яхт-клуба.

В прошлом боцман на разных судах, выйдя на пенсию, старик устроился в клуб и взял на себя всю техническую оснастку. Я ни разу не пожалел, что взял Пахомыча на работу, вот только он был чисто гражданским специалистом. На флоте срочником служил, но на транспорте, видимо, слышать такие громы ему не приходилось, в отличие от меня.

– Это не гром, – ответил я, разгибаясь, но крепко удерживая леску, намотав ее на бортовой фланец, чтобы не резала руки от рывков сома. – Ты что, никогда артиллерийскую канонаду не слышал?

– Так это учения идут?

– Тут нет полигонов. Странно все. Может, склад загорелся и боезапас рвется? Так зарево было бы видно. До Москвы километров сорок, никто тут стрелять не будет. Случилось, похоже, что-то.

– О, там зарево, похоже, действительно склады горят.

Я рассмотрел в темноте движение, Пахомыч указывал направление, как вдруг послышался свист, и рядом метрах в ста в воду ухнул снаряд. А в небе две новые вспышки, похоже, еще два снаряда разорвалось. Причем тот, что разорвался о воду, вызвал неслабый гейзер, чего просто не могло быть. На складах снаряды даже в нашем бардаке с вкрученными детонаторами не хранят. Тут послышался схожий свист приближающегося снаряда.

– Наш! – заорал я. – В воду!

Видимо, от рывка сом стал биться сильнее, да и оглушило его первым разрывом, потому тот, резко дернувшись, натянул леску, и мою руку прижало к леерам катера. Я слышал, как с шумом обрушился в воду Пахомыч, тот знал, зря я такое кричать не буду, слышал, как шелкнуло лезвие моего складного ножа, который я всегда ношу на поясе в чехольчике, но перерезать леску, что прижала мою руку к штырю, не смог. Просто не успел. А говорили, своего снаряда не услышишь. Только вот что странно, склады залпами не горят, а грохот доносился именно в виде залпов. Могу ошибиться, но как будто дивизион «Гвоздик» дал полноценной залп. Что же произошло?

* * *

Захрипел, боль в груди всколыхнулась, но стала гаснуть, когда я почувствовал теплую ладошку у себя на лбу. Черт, неужели повезло? Выжил? Но с какими потерями? То, что без

ранений не обошлось, это ясно, главное, чтобы руки-ноги были целы. Остальное переживем и подотремонтируемся.

– Как там Пахомыч, уцелел? – прохрипел я.

Хрипел и сам не узнавал себя. Проведя языком по зубам, удивился еще больше. Частокोल был не мой, ну вот не мой и все. Непривычный, хотя все зубы были на месте. Попытка открыть глаза не увенчалась успехом, похоже, на них была повязка. Однако мой вопросительный хрип не пропал даром.

– Мама, Сашка очнулся! – крикнул тот, кто сидел рядом со мной, явно куда-то в сторону. Кричали женским, даже девичьим голосом. Звонкий, с бархатными нотками. Черт, неужели у меня появился музыкальный слух? До этого ничем подобным я не страдал.

Со слухом у меня было все в порядке, скорее даже улучшился, и только по этому одному крику я понял, что находимся мы в небольшой комнате, не эхо, но нечто подобное отразилось от стен потолка и, возможно, пола. Но главное, запах, запах жилого дома, пирогов, керосина, чего-то скисшего, вроде квашеной капусты, и забродившего, явно бражки. Так в больнице пахнуть не могло. Ничего лекарственного унюхать я не смог, даже от повязки. Аналитиком я был отличным, сразу стал раскладывать по полочкам все, что произошло, мне оно так как-то привычнее, анализ получался более широким и, скажем так, подробным.

Начнем с тела. Оно не мое, сто процентов. Зовут, похоже, Александром, тут попадание, не придется привыкать, это хорошо. Пока я размышлял, вернее начал это делать, на крик отреагировали, да и другие звуки проявились, на которые я ранее как-то не обратил внимания. Вьюжило, похоже, снаружи, слышалось завывание ветра в печной трубе. Кто-то открыл в соседнем помещении дверь, и до меня донеслась морозная свежесть воздуха, но с примесями... Непонятными примесями народного хозяйства. Что-то вроде взопревшей соломы, помета кур, ну и остального, что может быть в сельском хозяйстве. Уже интересно, не знаю, в кого я попал, но то, что снаружи зима, это понятно отчетливо. Причем неизвестный, по-стариковски кряхтя, веником стал отряхивать валенки. Про появившийся идеальный слух я уже говорил? Так вот, оббивал он именно валенки, да и как веником по ним проходил, тоже расслышал и без труда распознал. Помимо этих звуков, было несколько взрослых голосов, но также множество детских. Мне показалось, что их было больше десятка, но я чуть позже разобрался, что там исходит от пяти детей до десяти лет от роду... Хотя нет, шестерых. Подала голос еще одна девочка. Лет двенадцати вроде. Вот от ее голоса как будто что-то колыхнулось в груди, родное и теплое. Непонятно. А все что не понятно, настораживает.

Так и не дали мне проанализировать мое состояние. С одной из сторон почему-то собрались все, кто находился в этом неизвестном здании, как я подозреваю, обычной деревенской избе. Детишки шушукались, где-то чуть далече агукал ребенок, но не младенец, за год точно был, слишком звуки издавал осмысленные, хотя и непонятные.

Тут вдруг послышался девичий шепоток, все, кто собрались рядом с моим ложем, молчали, видимо, переглядывались с сиделкой:

– А Сашка проснулся?

Голосок слышался откуда-то ниже моего ложа. Да и оно само было несколько непривычным. Мало того что в шею кололся явно мех, видимо что-то подстелили под меня, так еще этот мех подогревался снизу. Я был в легком поту. Хм, если бы я не знал, что живу в двадцать первом веке, подумал бы, что лежу на печке, на меховой шкуре. Однако и тело другое, перенос? Вполне возможно, значит, и печка тоже возможна. Пока остановимся на этом и нужно что-то решать с неизвестными аборигенами. Определиться на местности, что делать. Одно понятно, наилучший выход это потеря памяти. Я не самый большой любитель книг, но про попаданцев читать приходилось, так что тему знал. Тем более что-то давило в левую сторону головы и там чувствовалось заметное онемение со всполохами легкой боли, как при травме. В жизни у меня всякое случалось. Плечо ныло, еще в нескольких местах тянуло.

– Проснулся, – пробормотал я. – Что с моими глазами? Руки-ноги чувствую, а с глазами что?

– Ожил! – радостный многоголосый гул дал мне возможность и без зрения определить, кто стоит рядом.

Точно старушка лет семидесяти, старичок, что все аскал, ась да ась. Потом женщина, лет тридцати пяти по голосу, сыночком меня называла, видимо, это тело ранее принадлежало ее сыну. Потом голосок девушки, моей сиделки, примерно лет двадцати, но тут я могу ошибиться. Дальше снова девчонка, лет двенадцати, следом две девчушки лет восьми, возможно погодки. Еще были мальчишка и две девчушки, возраст не определяю, но точно еще маленькие, а если вспомнить еще ребенка в соседнем помещении, получалось со мной восемь детей. Неплохо. Если родные, то мать-героиня тут живет, без разговоров.

Все это пронеслось молнией в мыслях, анализ занял секунды две максимум, так что буря объяснений, по-другому это было не назвать, меня не смела. Почувствовав касание на лице, я увидел, как повязку приподнимают на лоб. Свет, о счастье, свет керосиновой лампы, значит, мой нос не обманул, была лампа, но главное зрение было, это не могло не радовать. Пока мне поднимали повязку, я успел из этой смеси разговоров вычленить главное. Я был ранен, причем подстрелен бандитами, когда прикрывал нашего раненого участкового, Дмитрия Пантелеевича Пахомова. Видимо, когда я задавал вопрос про Пахомыча, его восприняли по отношению к участковому. С тремя ранениями он лежал в своей хате нашей деревеньки, с ним был привезенный из райцентра врач.

В общем, как я понял, дело было так, Сашка возвращался с охоты, двигаясь на лыжах, двух зайцев взял, сейчас бульончику принесут покормить, второго зайца семье участкового отдали, чтобы раненого главу семьи кормить. Что-то я отвлекся. Так вот, Сашка, бывший хозяин этого тела, сразу направился на выстрелы. Опытный охотник, еще бы, отец лесник, сразу вычленил в выстрелах, что стреляют из наганов и ТТ. Последний был только у участкового. Выстрелы слышались на дороге, что вела к складам леспромхоза. Сашка рванул на помощь и подоспел вовремя. Банда, что налетела на бухгалтерию леспромхоза и взяла кассу, на свою беду, возвращаясь, повстречалась с участковым на узкой лесной зимней дороге. Кто палить первым начал, никто разобрать не смог, но Сашка из своей мелкокалиберной винтовки убил четверых из шести бандитов. У всех аккуратные дырочки в висках. Поляковский почерк. Я уже без особого удивления узнал, что не только по имени схож с бывшим хозяином тела, но и по фамилии. Вот только по отчеству совпадения не было. Отец у Сашки Кондрат, а у меня Михаил. Пятый бандит участковым был застрелен, а вот шестой оказался на удивление упорным, палил не переставая, как будто имел с собой вагон патронов. При перестрелке три пули схлопотал участковый. Но он ранен был еще, когда пешим вышел к саням бандитов, не подозревая, кого несет ему навстречу. Ладно, возницу снять умудрился да лошадь ранить, а тут и Сашка подоспел. Вот со мной чуть хуже. Четыре попадания. Одна в плечо, нужна операция, пулю вынимать, другая по касательной по спине, третья попала в приклад винтовки, разбив его, от удара пули тот приложился по боку, похоже, пара ребер сломано, ну и самое легкое, на мой взгляд, касательное по голове. Там мелочь, череп цел, но зато можно использовать ранение для имитации амнезии. Вырвав клоч волос, пуля улетела, но теперь у меня был железобетонный повод говорить, что никого не помню. Это было правдой, я реально никого вокруг не знал.

Все это вываливалось таким скопом, что было трудно вычленить что-то членораздельное, но я старался, и даже получалось. Меня ругали, хвалили, девчушки всхлипывали, жалея. Старичок одобрительно покряхтывал, старушка кончиком головного платка утирала слезы. Осматривая всех, не ошибся с количеством, полом и возрастом, кто столпился у печки, негромко спросил у всех присутствующих. Негромко, вот только мой, вроде как невинный вопрос вызвал гробовое молчание в избе:

– А вы кто?

* * *

Потянувшись, я нагнулся и, подхватив тушку филина, закрепив ее на палке, побежал легкой трусцой в сторону нашей деревни. Да, я все же прижился и акклиматизировался, если это можно так назвать. Было ли тяжело? Было, не скрою, еще было тяжелее поставить себя именно так. Все эти месяцы до конца весны только этим и занимался. Совсем недавно отцветали весенние ручьи и вокруг зацвело.

Добежав до лосиной кормушки, я посмотрел следы, отец попросил, он сюда не успевал. Были лоси, под утро, а сейчас время к вечеру близилось. Устроившись в стороне на поваленном стволе дерева, я достал из небольшой котомки остатки обеда и стал ужинать, хотя можно сказать, что полдничать. Пока крепкие молодые зубы перемалывали слегка зачерствевший хлеб с салом, перьями чеснока и зеленым луком, сорванным сегодня с огорода, я так же прокручивал в памяти все с момента попадания в это новое свое тело. Прошлый владелец так и не проявился, и я понял, что не проявится никогда. Но перед уходом он мне много что подарил. Об этом чуть позже.

Так вот, попал я в тело Александра Кондратьевича Полякова, причем, похоже, попал в тот момент, когда он получил по касательной ранение на голове. Очнулся я на печке спустя шесть часов после ранения. Семья Поляковых была большой, хотя для местных как раз нормальной, обычной. Глава семьи Кондрат Гаврилович Поляков, лесник. Мать Анна Георгиевна Полякова счетовод в леспромхозе. На момент нападения банды та по счастливому стечению обстоятельств была дома, выхаживала заболевшую дочь. Простыла. Прошло все без осложнений. Старшим ребенком в семье была Татьяна, симпатичная дивчина семнадцати лет от роду, в этом году окончила школу и готовилась поступать по велению отца в сельскохозяйственный техникум в Ленинграде. Всей семьей ее собирали, завтра отъезжаем.

Следующие дети у Поляковых были близнецы, это Сашка, теперь уже я, и Марина. А за последние пять месяцев я уже несколько свыкся с тем, что являюсь именно Сашкой, сыном лесника и лучшим следопытом района. Так вот, у меня была сестра, Марина. Мы были очень похожи, но и различны по характерам. Мой изменился, это видели все, причем кардинально. Сашка все же был добряком. В принципе, я тоже, но добрым остался только по отношению к семье, а на остальных мне было начхать. С семьей я свыкся, можно сказать, полюбил, именно она меня выхаживала, а никто другой. Сложные у нас с сестренкой отношения. Близнецы, говорят, чувствуют друг друга, не знаю точно, слухи все, но, видимо, слухи имели под собой основу. Марина, видимо, имела какую-то связь с братом, а тут ее не стало. Пришлось приложить немало сил, чтобы стать в семье своим, включая отношения с Мариной.

Следом идут две младшие сестренки-погодки, девяти лет Валентина, Валькой ее все кличут, и Лукерья, восьми лет. Лука и все тут. Второй сын Дмитрий, семи лет, мелкий постреленок, которому до всего есть дело. Пацан как пацан, младший брат, так что приглядываю за ним, обучаю всему. А то в бабском окружении растет, ничему хорошему они его не научат. После братишки три сестрички. Ольга пяти лет, Анька четырех лет и Наташа, вот ей два через пару месяцев будет. Это еще не все, судя по большому животу у матери, семейство снова увеличится, и произойдет это месяца через два. Я думал, что детей было восемь, но нет, с Татьяной девять, а с новым ребенком уже десять. В отличие от других крупных семейств, у Поляковых все дети рождались здоровыми и выживали в слабом младенческом возрасте. Не редкость, конечно, но повезло, реально повезло. Смертность в деревнях в малом возрасте высокая, факт, который сложно скрыть.

Помимо них в семействе были бабушка с дедушкой со стороны отца, тоже Поляковы. Дед, Гаврила Иванович, бывший артиллерийский унтер, контуженный и раненный в войну. Последствия контузии были видны и сейчас. Иногда дед замирал, а потом как в припадке тряс

головой. Такое бывало в моменты сильных волнений, а так старичок как все, седой да борода-тый. Ольга Пафнутьев-на, наша бабушка, была мастерицей на все руки, и именно на нее было возложено все домашнее хозяйство и присмотр за маленькими. Если бы не Таня и Марина, трудно ей было бы. А так помогают, когда не в школе. В последнее время к этому стали и Валю с Лукой привлекать, взрослеют девчата.

Осенью, примерно за четыре месяца до ранения Сашки, сгорел дом Поляковых. Тогда полдеревни выгорело, лютый ветер был, искры во все стороны летели. Раньше в деревне с два десятка домов было, а теперь всего семь. Хорошо на окраине дом бабушки с дедушкой был, туда и переселились, пока отец и мать занимались заготовкой материала, благо лесопилка была не так и далеко, в леспромхозе, где работала мама. Все хорошо, лес вокруг, лесопилка есть, но земляные полы в хате деда меня до сих пор убивают. Это меня, а вот им привычно. Дом разделен на две комнатухи с печкой посередине, она и для обогрева, и для готовки. Именно на ней я очнулся. Как мы в этой избе помещались, сложно сказать, но теперь хоть знаю, что такое спать друг на друге.

Так вот, началось все именно с ранения. Похоже, именно тогда я и был подселен в тело вместо почившего Сашки. Когда очнулся и вдруг выяснилось, что я никого не узнаю, как раз в хату в сопровождении отца пришел врач из больницы, что в райцентре находилась. Он меня осмотрел, опросил и с отцом с печки перенес на общий кухонный стол. Ему лампу принесли побольше, снаружи давно стемнело. Потом выгнал почти всех на улицу, после чего дал поню-хоть какой-то дряни и прямо на столе провел операцию, и довольно качественно извлек пулю, ничего не повредив. Вон, рука в порядке. Он же и упомянул такой диагноз, как амнезия. Это я на следующий день узнал, когда очнулся после операции. Доктор часто к нам приходил, а когда я снова стал ходить в школу, то приходил к нему на осмотры. Да и сейчас хожу, что уж говорить. Ладно хоть реже, в последнее время раз в две недели.

Рассказывать подробно, как я познавал мир, не буду, хочу уточнить главное. То, что время не мое, я уже понял, был январь сорок первого года. Тысяча девятьсот сорок первого года. Находились мы в Ленинградской области, в двенадцати километрах от озера Чудское, того самого, и в шести километрах от реки Нарва. До школы в районном поселке Сланцы ходили через лес каждый день, а что тут на лыжах, туда шесть километров, это напрямки, по дороге все пятнадцать будет, и обратно. Малые под присмотром бабушки, это такой семейный детсад, ну а родители работали. Леспромхоз, его склады и контора находились у перекрестка дорог, в паре километров от нашей деревни, большая часть жителей там же и работали.

Там три дороги сходилась, не считая ту, что от нашей деревни шла. Почему бандиты именно на нее свернули, не скажу, видимо через деревню хотели проскочить. Шестой бандит, пока мы, раненые, кровью истекали, уйти умудрился с частью добычи. К счастью, довольно быстро у места боя оказался верхом почтальон, он то и помог участковому, ну и меня по стонам нашел. На повозку бандитов всех погрузил, распряг мертвую лошадь, свою завел и в деревню. Спас нас. Вот только поблагодарить его не получилось. Пока мы лечились, в соседней деревне отмечали что-то, и замерз он, уснул на улице в сугробе. Говорят, хорошим парнем был, два года как из армии вернулся. Жалко, я даже отблагодарить его не успел.

Так вот, вернемся уже к моей истории, все же дальше все тесно переплетено с моим перемещением. Я уже смирился с этим, в первое время злился, столько эмоций зря потратил, но все равно легкая тень досады иногда поднимается в душе. Хотел ли я этого перемещения? Сейчас не знаю, даже привык, интересно все стало, а в первое время очень тоскливо было и тяжело. На что я променял свою жизнь? У меня вообще все было в порядке. Я не говорю хорошо, хотя это определение тоже подходит, просто не люблю так говорить. Порядок – как на флоте, это по мне определение. Да, я сам поднял себя, поднялся, силой, волей и упорством сделал себя. Да и что рассказывать? Жизнь как у всех, родители, семья, школа, армия, Кавказ со Второй Чеченской, которую зацепил краем. Все было. Потом работа, тяжелая, отказывая

себе во многом, преодолел этот рубеж, в олигархии не выскочил, да и не нужно мне этого, но в порядке. Свой яхт-клуб, названный моей же дворовой кличкой «Адмирал». Были причины. Любимая жена рядом, чего еще надо? Живи и радуйся. Я именно это и делал, заслужил, своим потом и кровью. О подобном перемещении даже не думал, ну не мое. Однако случившегося не изменить, я это отчетливо понял недели через две, когда отходил после операции. Еще теплилась надежда на возможность обратного перемещения, но ее становилось все меньше и меньше. Как-то внезапно озарило, что всё, назад пути не будет. А так, если и рефлексывал я, то семье старался этого не показывать, мне проще забиться в угол, чтобы пережить всплески эмоций, но не делать этого на людях. Не терплю и не люблю.

Именно тогда я понял, нужно вживаться в этот мир и что-то делать. Как и любой нормальный попаданец, имел знания о будущем, а историю я помнил хорошо, имея светлую голову и довольно неплохую память, однако бежать с криками и сообщать об этом не хотел. Не знаю, что будет, но если даже поверят, то сидеть где-то взаперти и работать кем-то вроде оракула мне не хотелось категорически. Другого я просто не видел на этом пути. Однако совсем в сторону не убирал, как запасной возможный путь в жизни подойдет, но только в крайнем случае. Не хочу, чтобы меня постоянно держали под контролем, если, даже выдоив знания, отпустят обратно к семье. Вольная птица – это про меня.

Рыбаком я был страстным, чего не отнять, но и охотой баловался, не без этого, однако только тут мне открылись новые горизонты. Вот сейчас стоит рассказать о том, что я все же получил от Сашки, а это для меня как подарок с небес, и отказываться от него в здравом уме я даже не мыслил. Так вот, у Сашки было умение, хорошо развитое отцом, ну и, видимо, им самим. Это я говорю умение, но на самом деле это был самый настоящий Дар, подарок с небес. Атеист я, напомню и, несмотря на работающую церквушку в соседней деревне, в ней ни разу не был. Причины снова поминать небесных жителей были совсем другие.

Так вот, у Сашки был реальный Дар, причем в двух направлениях. Первый и, на мой взгляд, самый важный. Он был лучшим стрелком нашей области, да и соседних тоже. Положить в шестилетнем возрасте мелкокалиберную пулю точно в голову кабану с четырехсот метров, притом, что у его любимой винтовки «Тоз-8» прицельная дальность едва двести пятьдесят метров, это нужно иметь огромный опыт и везение, но все перекрывал тот самый Дар, данный природой. Правда, пуля вреда кабану не нанесла, вырубил ненадолго, но потом он сбегал, очнувшись. Слабая убойная сила. При этом Сашка постоянно выдавал такие результаты в стрельбе. Доказывая, что первый выстрел не случайность. Сашка был не только великолепным стрелком, но и следопытом. Два в одном. Когда я уже со всеми познакомился и заканчивал лечение, отец сильно озаботился, не растерял ли я умения, а к тому моменту я уже отождествлял себя как Сашку, вживался в роль, и многочисленные сестренки и единственный брат мне в этом изрядно помогли. Вот сейчас вспомнил о них, и как будто теплая волна прошла по сердцу. Теперь они за эти месяцы реально стали родными, и я их постараюсь никогда не бросать. По собственной воле, конечно же.

Отец был серьезным бородатым мужиком, и, несмотря на большую занятость, находил время, чтобы пообщаться со мной, поговорить. Когда я начал ходить, тот с одобрением воспринял мои пробежки вокруг нашего участка. Он был большой, метров четырехста бежать приходилось, пока не оббежишь все. Тропинку в снегу натоптал серьезную. А для детворы это было лишь веселье, вдогонку со мной бегали. Отец, когда увидел, лишь одобрительно усмехнулся в бороду и велел переходить на лыжи, так что дальше я уже бегал на лыжах. Не сразу, сначала на своих двоих приноровился, учился, тело незнакомое, даже ходить и двигаться заново пришлось учиться, однако ничего, на удивление быстро пошло, так что на лыжи я встал вскоре. Ну а когда отец убедился, что я довольно долго могу стоять на лыжах, больше часа, он меня в лес потащил. Хотел понять, растерял я свои навыки или нет. К моему на тот момент огромному удивлению, оказалось, что нет.

Пока шли, отец тыкал пальцем в следы, что нам попадались, и спрашивал, что это. Проводил таким образом экзамены, и я сдал их реально блестяще. Блин, да я даже половины животного мира этого района не знал, а тут откуда-то всплывали из глубин, похоже, не моей памяти нужные слова, и я отвечал, и, судя по счастливому лицу отца, отвечал правильно. Причем не только, кто прошел, но и когда и куда. Сам от себя такого не ожидал. Дальше мы вышли на большую и длинную поляну, судя по стволам деревьев на опушке, поляна создана природой с помощью огня. Пожарище, к гадалке не ходи. Когда мы покинули дом, отец велел взять мою винтовку, которую я в последние недели чистил и осматривал каждый день, привыкая. Я и взял, да всего с десятков патронов. Больше отец выделять для тренировки не хотел. Деревенские мы, один выстрел – одна добыча и никак иначе. В засаде можно сидеть хоть сутки, но только один выстрел, и без добычи не возвращайся. В чем-то отца я понимал, так что старательно целился. А отец с каждым разом уносил мишени все дальше. На четырехстах метрах я уже не был уверен в результате. Но попал, три пули и все в цель. Сам не ожидал. Винтовка была не новая, не сказать, что расстрелянная в хлам, но похоже, скоро и до этого дойдет, однако все на месте, ложе крепко держится, так что пока послужит. Да и уж больно она удобная для меня, и легкая, чуть больше трех кило, ну и ухватистая. Ложе теперь было ореховым, отец выстругал новое, мое старое было разбито пулей. У него был запас высушенного дерева, так что из чего изготовить ложе у него имелось.

Вот после того дня практически каждый я день уходил в лес и тренировался. Сашка для отца был помощником. Все тот ухватить просто не мог, хотя и имел в соседних деревнях аж двух заместителей, так что, получая поначалу мелкие задания, я вернулся в струю, в которой раньше жил Сашка. Тот был крепким, тренированным пареньком, но как-то однобоко тренированным. Охотник и следопыт. Бой с ножом, которым я владел на уровне армейских знаний, у него не был развит, тут уже я старался. Даже обломок косы превратил в метательный нож и учился, учился и учился. В лес часто уходил, нередко что без добычи. Ну не встречалась, шел бы на охоту, то что-нибудь да добыл, а так, выполняя поручения отца, больше знакомился с лесом. Нравилось мне тут, не без этого. Отец, когда знакомил с лесом, поперва я с ним ходил, показал границы своего участка. Часть по реке Нарва шла. По весне, когда снег сошел, снова ликбез был, и мы с отцом ходили по лесу, иногда покидая дом на двое, а то и на трое суток, но хоть знать стал, где можно ходить и где нет. А обширный у отца участок оказался, за день и не обойдешь. Даже болотистая местность в одном месте была, причем с топиями.

Навык Сашки в охоте и умении ходить по следу я перенял, причем, судя по довольному виду отца, перенял полностью. Мы не раз загоны устраивали на разную дичь, кабанов или лосей. Я больше тут загонщиком был. Когда важные люди на охоту к отцу приезжали, он там старшим был, я особо старался на глаза не лезть. Моя добыча в основном была из мелкой дичи, зайцы, лисы, мог волка пару раз взять, да только повывели их в окрестностях. Кабан уже редкость, всего раз и было. Это у меня добыча была не хуже, но в принципе Сашка ранее тоже на мелочь охотился, крупная пока не для него. Тупо не дотащить до дому, тяжело. Да и лесники мы больше, а не охотники, чтобы постоянно с дичью возвращаться. Раненого животного добить, из капкана браконьера достать, это завсегда, а чтобы чисто охотиться, то не всегда получалось. Кстати, зайца, что сегодня взял, как раз из капкана браконьера и достал. Причем капкан на место я не ставил, посмотрел, где следы браконьера проходили, и установил там ему ловушку, чтобы напоролся сам, замаскировав капкан. Отец такие мои методы не одобрял, более того, еще и запрещал их, но я всегда действовал по-своему. Сам капкан мелкий, вряд ли повредит ногу, но намек лиходею будет ясным.

Вот так я ходил по лесу, сначала на лыжах, потом, когда снег сошел, уже в крепких сапогах. Кстати, пора менять, уже тесными становились. Не расходишь. Я сейчас в таком возрасте, что рост скачет огромными шагами. По первому Дару, данному Сашке природой, вроде все, теперь о втором. Музыкальный слух. Я сам в принципе музыку люблю, тем более жена профес-

сиональная певица, но тут мой уровень вообще подскочил вверх. У Сашки была гитара, подарок отца на одиннадцатилетие, но она сгорела в доме вместе со всем имуществом. Повезло, что крики соседей все семейство тогда на ноги подняли, и они успели выскочить уже из горевшего дома наружу, кашляя от дыма. Причем в основном в чем мать родила. Так-то семейство у нас, похоже, крепкое было, не сказать, что зажиточнее, но крепкое. Ничего из имущества практически спасти не удалось. Сашка вытащил из дома лишь ящик с оружием и патронами. Отец выводил из конюшни служебных лошадей и телегу. Спас всех, да и живность тоже. Но дом сгорел, как и у соседей.

Вот так и стали они погорельцами и перебрались в дом деда. С учетом того, что они тоже в избе жили, вместе с ними, то тоже считались погорельцами. В доме у деда отец сделал склад и избушку лесника. Пришлось разгрести все и вселяться в уже студеные и дождливые дни осени. Одеждой и едой помогали другие соседи. Повезло, что при пожаре обошлось без жертв, ожоги у многих были, но никто не погиб. Некоторые семейства-погорельцы покинули деревню, по родственникам разъехались, другие остались. Сейчас вернусь и от дороги увижу шесть новых срубов, что уже стояли на опорных быках, среди них был и наш дом. Отец с охоткой рубил нам новую избу. Уже сруб поставил и сейчас под крышу будем подводить. Я в этом тоже участвовал, так что был в курсе. У соседей уже под крышу начали подводить, но отец не спешил и правильно делал. Печник работал внутри и поднимал две печи, кухонную и отопительную. Когда трубы поднимет до нужного уровня, тогда и крышу будем заводить. В этот раз отец твердо решил, будем железную крышу делать, не соломенную, как было раньше. Даже с кем-то насчет кровельного железа смог договориться. Обменом, живых денег в деревне почти и не видели. А на обмен у отца много что имелось, он и бортничеством занимался. Семья большая, кормить ведь надо. Ладно хоть погреб и ледник уцелели во время пожара, было чем прокормиться в студеную зиму. Да и живность дворовая уцелела. Включая собак. А у отца их было пять, считая охотничьих лаек. Один дворовый пес, Шарик, в будке на привязи жил, ну и четыре лайки. Три с отцом ушли, его второй день нет, а вот одна, молодая сучка, была со мной. Белкой звали. Кстати, я сижу и ем, а ее нет, непорядок. Уже должна объявиться. Может, что интересное нашла? Действительно нашла, выскочила из-за деревьев и по только-только проклюнувшейся травке рванула ко мне с добычей в пасти. Птичку, видимо, умудрилась отловить, трупик свежий. Так что на мою еду псина не претендовала, улеглась неподалеку и тоже захрустела пищей, изредка отфыркиваясь от перьев. Я даже не морщился, привык уже, нормально все.

Так, что-то я отвлекся. У Сашки действительно был второй Дар. Гитара сгорела, но мне уже все уши протрещали, какой тот самоучка и как он хорошо, да даже великолепно научился играть на гитаре. Сам научился, даже ноты разбирает. Вот тут проверить было сложно, несмотря на одаренную жену, сам я в музыке разбирался... Скажем так, где попса и где рок понять смогу, любил, кстати, последний, в остальном все сложно. А тут Татьяна принесла вдруг гитару. Одолжила у одноклассницы, а та у брата. На три дня дали. Я попробовал, так, с большим сомнением, и понял: все, пропал. Теперь я понимал жену, что это такое. Знаете, как было тяжело отдавать гитару через три дня, но пришлось, не моя. Отец тоже не чуждый музыки, особенно когда струны не звенели, они пели, но он лишь покачал головой. Первую гитару, погибшую в огне, он купил скорее по везению, средства были, копили на зимнюю одежду мне и Татьяне, ну и продавал один рабочий лесопилки. Не новой та была. Играл я не по нотам, а больше по памяти, причем музыку из своего родного мира, собирая этим огромное количество слушателей. Необычная для тех она была, заводная. Даже исполнил несколько композиций жены, Екатерины Даниловой, если кто не слышал, интернет наше всё. Странно даже, не думал, что по памяти смогу все исполнить, а ведь смог, и легко. Вот такой был дар у Сашки. Гитары не было, но не беда, отец реально сейчас не мог позволить такие траты, мы дом строили, так что это мое дело, сам добуду. Я даже знал когда. Очень скоро.

Думаю, стоит прояснить этот момент подробно. Но начну не с него, скорее с себя. Вжился я в новую роль не сказать, что со скрипом, но было тяжело, столько экзаменаторов вокруг, что пристально следили за всем моим поведением, особенно из младших родичей, донося родителям о любом моем странном поведении. Ну да ладно, вжился, благо амнезия помогала сгладить многие углы, да и отец был доволен, главные умения остались, а остальное нарастет, тем более ранения были не такими и тяжелыми. Больше из-за большой потери крови чуть не помер, так что для него как раз со мной все в порядке. Быстро на ноги встал и так же быстро пришел в норму. Для него я мало изменился. Вот мне роль, отведенная Сашке, была не сказать что по нраву, тем более на будущее были огромные планы. Начну по порядку. Как я уже говорил, сообщать кому-либо о себе я не хотел категорически, прекрасно понимая, чем это может закончиться, а свободу, даже такую иллюзорную, терять хотел еще меньше. С чего я начал? Начал по-новому ставить с себя. Это было непросто, но постепенно мнение родных и окружающих о себе менял. Все же я был руководителем, именно руководителем, не только работягой, иначе вверх бы не поднялся, так что так по-тихому, не торопя коней, я стал создавать мнение у родни, что не последний человек в семье. Причем достиг довольно заметных успехов, если даже отец со мной советуется относительно постройки дома. Кое-что я знал и действительно давал дельные советы. Так что уважением стал пользоваться даже большим, чем Сашка до меня. Поверьте, это немаловажно для моих планов.

То, что Таня поедет учиться, да еще не куда-нибудь, а в Ленинград, на семейном совете было решено еще год назад. Она в принципе была не против, хотя сама мне призналась, любила мне поплакаться в жилетку, что мечтает стать детским врачом, но раз отец сказал в лесохозяйственный техникум, значит туда и пойдет. Однако пожар изменил и эти планы. Популярно объясню, средств, чтобы отправить дочь учиться, у родителей попросту не было. Именно это и оплакивала Таня, вот она учиться хотела, да и город посмотреть тоже. Вот тут я и собрал семейный совет и твердо сказал, нужно отправлять Таню учиться. Сейчас или никогда, позже будет поздно. Аргументов перед советом собрал много, вот их постепенно и выкладывал. Дед с бабкой были только за. Готовы все отдать, лишь бы вывести старшую внучку в люди, вот отец с матерью сомневались. Была причина. У матери всего одно выходное платье было, да еще одно, в чем она по дому ходила и на работу, остальное забрал пожар. У Тани так вообще одно платье, в школу в нем ходила. Экзамены чтобы сдать, платье матери брала. Так что бедны мы были как церковные мыши. Ну не совсем прямо так, но близко. Все уходило на постройку дома, а его кровль из носу, но нужно было построить до осени. Вон, доски ждем для пола и потолка. Для стропил есть, их запасти успели. И ведь не скажешь, что бессмысленно это, не будем мы в нем жить, костыми лягу, а не будем, однако тайну подобную я хранил при себе. Вот и строились.

Все же я смог убедить и родителей тоже. Более того, даже смог их убедить, что лично сопровожу Таню до Ленинграда и помогу ей устроиться не только в техникум, но и на такую работу, чтобы было время на учебу. Стипендию, конечно, никто не отменял, но помогать мы ей фактически не будем, так что на пропитание Таня должна заработать сама, она была согласна даже с этим. Легко. Девчонка действительно была боевая, работающая, острая на язык, отличница и аккуратистка. В общем, устрою ее и, убедившись, что освоилась, вернусь обратно. К моменту совета я уже имел некоторый авторитет, все знали, что слов на ветер я не бросаю, да и вообще вел себя серьезно, поэтому почти неделю шли разговоры, пока отец не дал добро. Еще убедило их с матерью то, что денег нам нужно по минимуму, крохи. Только на дорогу. Дальше Таня, устроившись на работу, начнет кормить себя сама. Вот еды нам планировали дать побольше. Добавлю еще, что именно завтра мы покидаем нашу деревеньку и отправляемся в путь. Отец на телеге добросит нас до райцентра, там посадит на поезд, и дальше движем в плацкартном вагоне до Ленинграда. В Сланцах, куда мы ходили в школу, была железная дорога, в основном там ходили товарные и грузовые составы, но и пассажирскими не были обделены. Раз в сутки проходили поезда на Ленинград и обратно. Сам поселок был новым,

отстроенным не так давно, с десятков лет назад, у месторождения горючего сланца. Поселок новый, но стройка шла в нем и сейчас активно. Отец, кстати, именно в Ленинграде учился, вот и решил, пусть в бывшей столице учится и старшая дочурка. Наивный.

Ладно, главное сделал, убедил родителей, что Татьяну нужно отправлять в город учиться, да и себя предложил в качестве надежного сопровождающего, причем в моей надежности как раз никто и не сомневался, могу себя поставить, так что можно переходить к остальному плану. Везти Танюшу в Ленинград я не собирался (я не настолько ее не люблю, чтобы совершать подобное), версия с Ленинградом и техникумом это для родителей. Мы же поедем в Москву. Я понимаю, что денег нет, но эту проблему я решу, как раз в моей компетенции. Так что Москва, медицинский институт и надежда, что Таня переживет эту войну и станет дипломированным специалистом. А уж родителям я при возвращении объясню, что так надо, найду подходящие слова. Не думаю, что мама будет возражать, она как раз одобрит, врач в семье это хорошо, вот отец может расстроиться. Смену себе растил. Кстати, если он думает, что я пойду по его стопам, то зря, я выбрал себе ту же профессию. Не наскоком, после долгих раздумий, я тоже решил стать врачом, у меня ведь снова всё впереди, можно выбирать, принимая взвешенное решение. В прошлую свою молодость о будущем как-то я не задумывался, а сейчас еще как подумать успел. Взрослый мужик в теле пацана, да и повадки это выдавали, дед не раз задумчиво поглядывал на меня. А так нужная и необходимая профессия. Так что пусть на других надеется, детей у него много, а я тут пас.

Причина отправиться в Москву была не только в ней. У меня были свои причины посетить Златоглавую. Сообщать о себе я не хотел, но вот терзало в груди, томила не то чтобы тоска, но что-то вроде неопределенности. Ну не могу я вот так зажать язык между ягодиц и молчать. Нужно дать информацию, нужно, но так, чтобы на меня не вышли. Нельзя допустить катастроф с фронтами, блокадой Ленинграда и остальными бедствиями, нельзя. Так что у меня один выход. Написать письмо и отправить его по адресу. Сталину писать не буду, напишу Берии, а если до него дойдет, он проверит и поверит в написанное, то сам решит, передавать его дальше или нет. Вот только, как только поймет, что информация верна, искать меня будут по-серьезному, но надеюсь, что все же не найдут.

Пока письмо не писал, все сделаю в Москве, когда Таню буду устраивать. На месте определюсь, что и как. Нужно лишь подумать, как объяснить ей, что на врача нужно учиться именно в Москве, а не в Ленинграде, где также было схожее образовательное учреждение. Ничего, я что-нибудь придумаю. Страхнув крошки с брюк, я поправил котомку и, встав, подхватив прислоненную к стволу винтовку, направился к дороге, что вела к нашей деревне. Тут до нее близко. Выйду недалеко от места боя, где был ранен, а скорее всего убит Сашка, а я занял опустевшее место, в этом я уже был уверен. Естественно, я тщательно смотрел место боя, когда более-менее встал на ноги. Меня сюда Димка, братишка, сопровождал. Теперь стало понятно, почему был ранен участковый, да и Сашка тоже. Не самое удобное место попало. Бой велся со стрельбой практически в упор. В этом месте дорога ныряла в небольшую балку, там сейчас огромная лужа, и выныривала из-за густых кустов, голых из-за зимы. Так что встреча бандитов с участковым была неожиданной для обеих сторон. Так и разгорелся бой. Как объяснил Пахомыч, это его прозвище у нас на деревне, он бы пропустил их, не сообразив, что банда, но они первыми стрелять начали. Причем издалека и удачно. Ранили в ногу, но и он успел достать из кармана полушубка свой ТТ. И лошадь тяжело ранил, и возницу достал. Снег укрытие плохое, так что получал ранение за ранением, когда подоспел Сашка, и бандиты, решив, что с участковым покончено, переключились на него. Деревья тут буквально заросли густым кустарником так, что чтобы тщательно и прицельно бить, нужно было выйти на опушку, что свело преимущество винтовки по дальностью на нет и она была почти на равных с револьверами. Бандиты действительно частили, а Сашка стрелял редко и точно. Если бы не тонкая молодая береза, за которой тот укрывался, прикончили бы пацана, без вариантов. Да и он,

может, охотник и хороший, но вот не боец, совсем не боец. Ничего в тактике не понимает. Я пока на месте крутился, с пяток подходящих мест для обороны обнаружил. Кстати, пули я выковырял, отцу на дробь.

Выйдя на дорогу, я обернулся и посмотрел в ту сторону, где за поворотом и было место того боя, в котором мне в действительности поучаствовать не пришлось, хотя все лавры победителя достались именно мне. А как же, помимо благодарностей от начальника районной милиции, мне торжественно была вручена грамота юного помощника милиции и подарок. Хотелось бы часы, но нет, это был свисток, посеребренный милицейский свисток. Ничего, часы я себе тоже добуду. Редкость, оказывается, даже у отца их не было, а вот у участкового были. Кстати, посмотрев на дорогу, я обнаружил знакомую фигуру в длинной темно-синей шинели с рядом пуговиц, перетянутой портупеей. Участковый наш оклемался и уже вернулся к службе. Это он, как раз стараясь не забрызгаться и обходя лужи, шагал в сторону деревни. Так что я остановился, вместе дойдем. Белка, присев рядом, прижалась к ноге, так что я стал поглаживать ей макушку, отчего псина млела.

Когда участковый подошел к моему сухому островку, отряхивая грязные сапоги, то протянул руку, здороваясь. Рукопожатие у него было хорошее, уверенное и крепкое.

– Я смотрю, удачно сходил? – кивнул тот на глухаря и зайца.

– Да, глухаря сам снял, зайца из капкана браконьера достал. Завтра мы с Таней уезжаем в Ленинград, мама решила курицу зарезать, нам в дорогу сварить, вот и пришлось в лес за дичью идти, так что спас несущку. Повезло, вспорхнул с ветки, снял его на лету, а то пришлось бы на верхушку за добычей лезть, а так сам к ногам упал, Белка принесла.

Молодая псина, услышав свое имя, повернулась ко мне, но убедившись, что я не зову ее, продолжила обследовать кусты на противоположной опушке. Мы же, неторопливо общаясь, так и следовали, пока не вышли к деревне. Сразу привлекали к себе внимание свежие срубы, на всех велись работы и до нас доносились перестуки топоров. Дом участкового от пожара не пострадал, но он приютил одну из семей на зиму, так что у них тоже было тесно. Сейчас-то полегче, я вон сам перебрался на сеновал, сплю там, закутавшись в толстое одеяло, ночами холодало. Да еще Димка, что хвостиком направился следом за мной, подогревал с одной стороны. А так нормально, свежий воздух, здоровая пища, что еще нужно организму? Так что тренировки свои я не забросил, и мешок, висевший у нужника, околачивал, и пробежки совершал, совершенствовался, так сказать, физически. Однако и ножом учился работать. Кстати, участковый в этом деле оказался искусным мастером, даже не ожидал, так что, заметив мои тренировки, подумал и взял все в свои руки. Так что за три месяца он мне поставил удары, ну и дал основы. Дальше уже сам буду учиться, и ведь учился. В лес уходил и учился. Тренировал кисти рук, а я разрабатывал обе руки. Ну и доводил удары до автоматизма. Теперь я мог и защищаться от ножа, и выходить с ним против противника, даже нескольких, если только те одного со мной возраста. Со взрослыми тоже можно, но сложнее. Крепким учителем оказался участковый. А вот с самодельным боксерским мешком сразу не задалось, начал учиться наносить удары, вернее тренировал тело, и сразу заметил снижение точности при стрельбе. В общем, не захотел повредить руки и пальцы и бросил это дело. Правда не до конца, раз бить не могу, перешел к захватам и разным броскам, вроде как через бедро. То есть драться учился, тот же участковый еще и самбистом оказался, но недоученным, ну и по остальному защищаться, а вот в драку мне лезть противопоказано, руки могу повредить, чего я не хотел категорически. Так что тут или нож или винтовка, в обоих случаях у противника никаких шансов. А нож теперь я всегда ношу с собой, даже в школу с ним ходил до окончания экзаменов, они закончились два дня назад. Танька вон уже и аттестат успела получить, вчера торжественно вручили, вот мы и не стали ждать и решили выехать в Ленинград, пока есть свободное время. По школе и учебе скажу так, я в принципе помнил многое из школьной программы своей еще той жизни, так что, почитав учебники, а мы с Мариной сидели за одной партой, ну и конспекты, смог вер-

нуться в учебную колею. Более того, даже улучшил показатели, Сашка при всех своих плюсах оказался троечником, а я вышел в отличники.

У дома деда мы расстались, участковый направился к себе, ну а я, открыв калитку и запуская Белку во двор, уже на наше подворье вошел. Передав глухаря бабушке, та сразу потащила его к бадье с кипятком, ощипывать, потрошить не требовалось, я еще в лесу это сделал, прошел к покосившемуся амбару. Зайца повесил на натянутую веревку, бабушка им чуть позже займется. Строения у деда были, так сказать, старыми, многое мы подремонтировали, но не думаю, что нужно объяснять, почему дед с бабушкой переехали к нам и жили до пожара. Отец вообще планировал снести у деда на подворье все и отстроить тут еще один дом, или Танюше к свадьбе или уже мне, однако повезло, разобрать ничего не успели и нам было где пережить эту зиму. В амбаре, где отец держал лошадей, своей у нас не было, без нужды просто, находился крепкий такой ящик, обитый жостью, оружейный. Именно его Сашка и вытащил из дома. Выбор был тяжел у парня, и я его понимал. Одной рукой ящик волоком тащил, в другой не менее серьезное богатство, сапоги, которые сейчас на мне. Гитара и остальное согрело в доме. Вся одежда, что сейчас на мне, это уже или помощь соседей, или родители в райцентре приобрели. Куртка на мне хорошая, теплая. Вроде и тепло вокруг, в одной рубашке ходить можно, да дунет студеной ветерок, быстро сляжешь. Вот Лука так простудилась, сейчас в доме отлеживается, сопливит.

Открыв створку, я подошел к оружейному ящику, у меня, как и у отца, был свой ключ, и, отперев его, достав средства для чистки, занялся винтовкой, проводя чистку. Не выглядывая из амбара, у бабушки был хороший слух, громко спросил через открытую створку:

– Бабуль, а что, отец уже вернулся? Его двустволка на месте.

– В обед еще пришел. Сейчас на стройке, рубит. С топором ушел и Егором, помощником своим.

– Понятно.

То, что отец вернулся, и так было заметно, остальные лайки были во дворе, Белка по приходу сразу к ним рванула. Закончив с чисткой, я узнал, как дела по дому, мелюзга так и крутилась вокруг, и направился к стройке. Отец обрадовался моему приходу, так что мы впятером подняли шесть бревен наверх, это для потолка, будущие балки. Когда закончили, отец, вытирая лоб, спросил:

– Как сходил?

Рассказав о следах у кормушки, добавил, что достал живого зайца из капкана, но главное взял глухаря, причем на лету.

– Один патрон потратил?

Вопрос был в тему, патроны отец получал бесплатно по своей линии охотоводства. Но мало, так что приходилось их экономить. А вот гильзы я всегда собирал и убирал в коробку. Отец их сдавал.

– Да, один. Зайца ножом добил и разделал. Шкуру снял, отмокает в растворе.

– Заяц это хорошо. Поделимся с соседями, а то давно они мясным духом не питались. Понемногу, но всем на похлебки и супы хватит. Домашнюю животность сейчас все берегут.

– Танька где? – спросил я.

– Как утром ушла в Сланцы, так и не возвращалась. До вечера не жди, с подружками прощается. Когда еще увидятся.

– Если вообще увидятся, – пробормотал я себе под нос.

– Что? – не расслышал отец.

– Да так, о своем. Есть чем помочь?

– Да, давай кирпичи поднимать будем, печник, дядя Федор, будет трубу отопительной печки выводить, печь-то почти готова. Второй завтра займется.

– Давай.

Отец спускал вниз на веревке что-то вроде мешка, я укладывал туда кирпичи, штук по четыре-пять и тот их поднимал наверх. Сам печник с остальными, они ему помогали, начал поднимать трубу. Отец надеялся за пару дней закончить, и можно крышу подводить. Это уже без меня, как я уже говорил, у нас с Таней ждет дальняя дорога и такая же далекая столица. Но об этом пока никто не знал.

Как только поезд, скрипя тормозами, встал у перрона, я протиснулся мимо проводницы и вышел наружу, тут же разворачиваясь. Сегодня рано утром отец отвез нас на повозке в Сланцы и посадил на поезд, благо билеты были куплены заранее еще неделю назад. И вот, к ближе к полудню, состав добрался до места назначения, Ленинграда.

Повернувшись, я взял два наспинных мешка из рук сестры и, положив их чуть в стороне, на деревянный настил перрона, подал руку, чтобы она тоже спустилась следом за мной, что та легко и сделала. Мы отошли чуть в сторону, пропуская других пассажиров, и вышли из здания вокзала, где я не без интереса осмотрелся. Причем и сестричку осмотрел, сравнивая с другими девицами. Сестра у меня фигуристая, это бросалось в глаза, даже грудь третьего размера хорошо гармонировала со всем. Красивая у меня сестра, тут не отнять. Курносая, с черными выющимися волосами. Мы были похожи, сразу понятно, что брат и сестра.

Так вот, мы с Таней покинули перрон и вышли из здания вокзала. Там я достал из мешка свою слегка лысоватую щетку, и та стала стряхивать с меня пыль и грязь. Один мужик, протискиваясь по коридору, хорошо так прошелся мешком, что нес на плече, по моей куртке. Отряхиваться в вагоне я не стал, тем более мы к перрону подходили, а вот сейчас можно. Проблема была только в том, что мешок был испачкан в глине, причем влажной, а ее след было не так и просто убрать.

– Плохо убирается, стирать надо, – пробормотала Таня, работая щеткой.

В это время к нам подошел тот же мужик и, приложив руку к сердцу, искренне сказал:

– Еще раз извините, даже не знаю, как так получилось.

– Да ладно, бывает, – успокоил я его. – Вы только скажите, чего вы такое несли влажное и грязное?

– Саженцы. Персиковые саженцы.

– На север персиковые саженцы? Да вы авантюрист, – усмехнулся я.

– У меня брат селекционер, вот и привез ему. Уже отдал. Он меня ждет, так что пойду.

Еще раз извините.

Мужик ушел, а я еще раз осмотрел куртку и вздохнул. Одежду было жалко, мало того, что она у меня одна, в ней я и в школу ходил и по лесу, охотясь, так еще за два дня до начала нашего путешествия мама ее хорошо так постирала. Все ночь сохла и часть дня. К счастью, экзамены все в школе я сдал, и с Мариной перешел в пятый класс. Кстати, нам обоим исполнилось двенадцать лет. В прошлом месяце. Мне родители подарили тогда куртку, она как раз сейчас на мне, а дед с бабкой кепку, без головного убора тут не ходили. Кепка тоже при мне, уже как-то свyksя с ней. Стиль деревенский был такой.

– Да не вертись ты, – сердито сказала Таня.

Поглядывая по сторонам не без интереса, я рассматривал машины и велосипедистов. Хм, машину в третий раз в этой жизни я увидел, как раз когда мы к райцентру ехали, нас «полупортка» сегодня обогнала. Еще одна была в леспромхозе, но она там редко бывала, постоянно в разъездах. Еще один раз был развозной фургон, передвижная лавка на базе ЗиСа, его шоферы еще ласково называли «Захаром», а тут машин хватало, я две видел со своего места. Велосипеды так вообще впервые, не до того еще все подсохло, чтобы на велосипеде ездить, хотя в деревне вроде велики были, два точно и не у нашей семьи.

Заметив, как нас с интересом рассматривает девушка лет пятнадцати на вид, что проходила мимо вокзала в компании подружек, оттуда слышался смех, я прикинул, как выгляжу со

стороны. М-да, по одежде мы с сестрой явная деревня, та это тоже видит и заметно смущается, однако ничего, решим и этот вопрос. А так внешне выглядел я вполне неплохо. Раньше, еще в той жизни, я был, без особой скромности заметим, брутальным мужчиной, невысокий брюнет с постоянной щетиной. Стилль такой. В некотором роде живчик, душа компаний, большой любитель организовывать разные вечеринки, свадьбы и дни рождения, ну и поучаствовать конечно же тоже. Вон как наше с Мариной день рождения справили, до сих пор вспоминают. Причем с немалой надеждой, что на этом я не остановлюсь. Впечатлил.

Сейчас же у меня было тело мальчишки, сухое и жилистое, я бы даже сказал тренированное. Вполне не погрешу против истины. Похоже, вырасту я в высокого парня, отец под метр восемьдесят, как в принципе и дед, телосложения у нас схожи, так что точно буду высоким. А так я снова стал брюнетом, лицо типично курносое, симпатичное, Таня и Марина говорят, даже красивое. Отрицать не буду, симпатичен. Так что привлекал внимание одноклассниц, но там сложная ситуация, дружки у Сашки были, но тут я потихоньку возвел барьер. Летом в моих планах покинуть эти края, причем со всей семьей и навсегда, но после начала войны. А вот перебраться я планировал в Москву, к Тане, сложная и долгая дорога предстоит. Однако сначала нужно ко всему этому подготовиться. Этим как раз и начал заниматься.

– Все, что ли? – с нетерпением поинтересовался я.

Таня критично осмотрела меня со всех сторон и кивнула.

– Пятна я все не убрала, тут только стирка поможет, но хоть так, – возвращая мне щетку, ответила та и тут же живо спросила: – Ну что, идем узнавать, какой трамвай идет до техникума?

– Идем, только не на техникум, а на другой железнодорожный вокзал. На тот, откуда поезда на Москву идут. Мы едем в Москву, – спокойно ответил я, убирая щетку на место. – Будешь на врача учиться.

Нужно дать Тане осмыслить эту новость, та еще ничего не знала, так что, если уж шокировать, так сразу. Вот только дополнительного времени ей не потребовалось. Взвизгнув, она повисла у меня на шее. С учетом того, что она была выше, получилось у нее это немного комично, но девушка радовалась искренне, и я радовался тоже, что не обманулся в своих ожиданиях.

– Ты главное приемную комиссию пройди, сдай, чтобы приняли, а потом и спасибо говори.

– Ты же знаешь, мне совсем немного не хватило, чтобы стать лучшей ученицей.

– Да, голова у тебя светлая. Но учеба в городе и учеба в селе разные вещи, придется тебе поднапрячься. Ладно, документы собраны подходящие и для поступления на врача, паспорта вот только нет, но надеюсь решить эту проблему уже в Москве. Заодно и пропишем там тебя. Есть нужные ходы. В общежитии института должны прописывать. Хоть и временно, но должны.

Сестра была сильно возбуждена перспективами, что ее ждали, поэтому болтала не умолкая. Тут нам попала девушка в красивом платье, сестричка посмотрела на нее, сравнила со своим маминым выходным платьем и взгрустнула.

– Ничего, и эту проблему решим, – успокоил я ее.

Оставив сестренку на месте, я опросил прохожих и выяснил, как добраться до нужного вокзала. Немного наличности у нас было, так что собрались и, дождавшись нужного трамвая, добрались до места. Правда, с пересадками, прямого пути не было.

На Московском вокзале мы прошли сразу к кассам. Оказалось, московский поезд уже ушел, завтра будет следующий. Все по расписанию. Подсчитав выданные финансы, я определил, что на два билета до Москвы нам никак не хватит.

– Идем, – дождавшись у касс сестру, сказал я и тут же стал командовать. – Там буфет, посидишь, вещи наши посторожишь, а я пробежусь вокруг, осмотрюсь. Тут рынок неподалеку, две остановки трамвая, до него проедем, ну и заодно с жильем вопрос решу.

Та не возражала, так что, оставив сестричку скучать за одним из столиков, специально чай ей подслащенный купил, чтобы не прогнали, и покинул здание вокзала. Ленинград большой город, так что рынок тут был, да не один, но тот, что располагался неподалеку, не сказать что крупный. Добравшись до него, я сперва покрутился по рядам, а потом ушел чуть в сторону и, достав из кармана семечек, бабушка жарила, стал щелкать ими, наблюдая за жизнью на рынке. Идея у меня была проста, отобрать нажитое непосильным трудом у ударников кошелька и ножа. Точнее у щипачей, карманных воров. Грабить простых обывателей я не хотел, если прижмет, пойду на это, на мне вся семья и Танюша висит, но не скажу, что мне это по нраву. Даже совсем не по нраву. Воспитание такое, да-с. А вот воров, да и подобных им совсем не жалко. Вот уж кто жаловаться не побежит, идеальные кандидаты в невольные спонсоры.

Или мне не везло, или я не видел карманников на рынке. Тишина и покой, если это можно сказать о рынке. Хотя работы им тут непаханое поле. А возможно, что и не было, это же не крупные рынки, небольшой, все на виду, вычислить быстро смогут. Хотя нет, я не в первый раз обращал внимание, что покупатели, расплатившись и убрав кошель, по ходу движения нет-нет да проверяют, на месте ли тот. Это рефлекс, значит, воруют тут, есть такое дело. Вот только, похоже, у карманников был выходной. Не видел я их и все тут. Хм, передо мной было только часть рынка. Не сменить ли место наблюдения, а то так, сидя на одном месте, я слишком привлекаю внимание? Сказано – сделано. Перебравшись на новое место, лузгая семечки, я продолжил наблюдать. Дважды менял место для наблюдения, пока не услышал крик:

– Держи вора!

Причем орали с другой стороны ранка, и там наметилось какое-то движение. Воришка, мелкий пацаненок в рваной одежде на голое тело, удирал со всех ног. Причем это не шалопай, что стянул прошлогоднее яблоко с прилавка. Нет, его сопровождало еще несколько парней старше возрастом, двигаясь по сторонам. Это группа, а когда мелкий на бегу избавился от улики, незаметно передав кошелек напарнику, при этом продолжая удирать во все лопатки, босые ноги так и мелькали, я довольно улыбнулся. Дождался.

Проследив, как кошелек, пройдя несколько рук, оказался под пиджаком неприметного парня лет двадцати на вид, я упал ему на хвост и двинул следом. Причем шел не только двигаясь за нужным объектом, но и сам проверялся, мало ли кто приметил меня и так же следует за мной. Вроде не было. Да и парень шел один, все напарники разбежались. Уверен, встретятся дальше, в одном месте. Вот этого допустить нельзя. Вот только места, чтобы незаметно его перехватить, обыскать и забрать добычу, я не находил. Просто не было их, постоянно у людей на виду. Однако, к моему удивлению, тот свернул в один из парков города и направился по тропинке через него, явно срезая путь. Я стороной обогнал его, мало ли кто там из леса наблюдает, не следует ли кто за курьером. Оказалось, никто не наблюдал. Еще по пути я подобрал круглый большой камень, так что, когда парень проходил мимо, топая по брусчатке сапогами, явно не по размеру, вышел из-за дерева, за которым укрывался, и метнул в него. Вошел он точно в затылок, и тот молча и без звука рухнул. Звук только от шума падения. Вокруг никого, даже гуляющих нет, несмотря на вечер, повезло, да и я подгадал нужное время. Все же прохожие были, на тропках пока я следовал за воров, тут и там мелькали фигуры.

Подскочив к парню, поглядывая по сторонам, это чтобы не застали на месте, скажем так, преступления, я быстро обыскал его, заодно проверив пульс. Был, хоть и слабый. Не слабо я, похоже, его приложил, хотя крови на затылке не было. Камень, кстати, выкинул подальше за деревья, улика все же. Обыск мне дал отличную явно серебряную зажигалку, наручные часы на руке, пачку папирос тоже забрал, сам не курю, но мало ли пригодится. Тем более едва початая пачка «Беломора», тут и собеседника можно угостить для налаживания разговора, ну или посыпать табаком след, если от собак придется уходить. Так же в карманах была железная мелочь, и рубли, банкнотами. Немного, рублей двадцать всего. Это, похоже, были личные средства вора, все это я забрал. Дальше уже с кошельками. Их оказалось два, если и было больше, то,

видимо, тот успел от них избавиться. Но оба кошелька были полны, наверное, всю добычу сюда складывал. Хорошо, похоже, они кого-то раздели из богатеньких буратин.

Пересчитывать потом буду, оба кошелька убрал за пояс под куртку. Ножа даже перочинного у того не было, что удивило. Не то чтобы мне нож нужен, у самого на руке под мышкой спрятан отличный охотничий нож, просто ради интереса. Легкая финка мне бы тоже пригодилась. Последняя надежда найти колюще-режущее – это голенища сапог. Стал ощупывать, и есть, но не нож, а серебряные часы на цепочке. Те, что на животе носят, в форме луковицы. Не поленился и содрал сапоги, это было не трудно, реально на два размера больше те были. Под подкладкой обнаружилось по три золотых монеты. Вот это, похоже, личный запас воришки.

Были еще документы на парня, он, кстати, не местный, видимо гастролер, но их я не тронул, вот все остальное прибрал. Парк покинул так же, не по тропинке, и вернулся к рынку. Там уже заканчивались работы, вечерело, быстро нашел бабку, что сдавала комнату, договорился с ней и направился на вокзал за Таней. Вот там уже заметно паникующая моей пропажей Татьяна только обрадовалась моему появлению. На меня тут же посыпались жалобы и обвинения, что бросил ее тут одну. Так что пришлось посидеть за столиком, пока сестрица бегала в туалет. Ну да, обещал, что часа на три, а почти пять прошло. Да у меня и надежда, что все выгорит, была откровенно слабой, а тут все сработало, что не могло не радовать. Подсчеты потом, но похоже, на обустройство в Москве, включая покупку нового гардероба Татьяне, хватит, да и мне на обратную дорогу тоже. Посмотрим, может, и на гитару тоже хватит.

Когда сестричка вернулась, то после моего инструктажа подошла к окошку касс и, отстояв очередь, там было два человека перед ней, приобрела билеты на московский поезд. Сестрицу сильно удивило, что у меня нашлись деньги на такую покупку, какие у меня финансы, выданные отцом, она знала неплохо. Однако с вопросами пока не лезла, видимо оставив это на потом.

Убрав билеты в нагрудный карман рубахи, я подхватил мешки, и мы дошли до рынка. Там бабка уже собирала товар, что выставляла на продажу, я это все понес, Таня оба наших мешка, так и дошли до домика старушки. Поселила она нас на веранде, благо пара топчанов там имелись, да и одеял, лоскутных, также выдала, чтобы мы не замерзли ночью. Мы покушали остатками того, что мама дала на дорогу, и занялись делами. Таня умывалась у колодца на огороде участка, а я, достав из-за пояса кошельки, быстро пересчитав наличку, убрал ее в свой мешок, скрутив в валик, а вот кошельки, когда Таня вернулась, вынес наружу и прикопал под вишней. Мне лишние улики ни к чему. Часы также убрал в мешок, пока Таню не будем настаивать, откуда у меня все это взялось. Все потом, в Москве.

Утром мы попрощались с бабушкой, она нас сопровождала до рынка, оставшись, а мы доехали до вокзала и прошли на перрон. К путешествию мы подготовились, буханку хлеба прикупили, остальное все свое. Был большой шмат соленого сала, лук, чеснок, соленые огурцы. Все скоропортящееся мы уже съели, так что теперь на это перейдем. Таня вчера перед сном, когда мы лежали на топчанах, все же не удержалась и начала задавать мне вопросы. Мол, почему именно в Москву учиться, хотя и тут можно, ну и откуда деньги. Про Москву сказал так, столица она и есть столица, пусть там осваивается и живет дальше. Возвращаться не нужно, будет в будущем москвичкой, столичной жительницей. Ну а то, что деньги появились, смог кое-что продать из своей добычи в лесу и занять небольшие деньги, мол, до Москвы хватит, как и на обустройство. Таня отметила то, что деньги на билеты до Москвы я дал ей не сразу, на что я пояснил, что как раз продавал часть добычи, и средства теперь есть, успокоив ее.

Погрузка в вагон, когда подошел поезд, это произошло в восемь утра, прошла нормально, наше купленные места это две полки, Таня на нижней будет, а я сверху, над ней. Проводница убедилась, что мы устроились, я почти сразу завалился спать, подложив свой мешок под голову, а Таня стала общаться с молодой семьей из Ленинграда, что ехали к друзьям в Москву. С

ними был полуторагодовалый малыш. Все хорошо, но с ребенком путешествовать это не то. Так и оказалось, сами сутки в поезде до Москвы прошли нормально, жалоб нет. Ребенок да, это был беспокойный малыш, как моя младшая сестричка, орал и ревел постоянно, отчего к нам даже соседи с другим мест заглядывали и просили приглушить звук. Не знаю, может, что психологическое, но ребенок реально орал без продыху, как голова только не лопнула, аж покраснел весь. Родители успокаивали нас, а скорее себя, такое с ним бывало только в поезде.

Ленинградский вокзал Москвы встретил нас суетой спешащих людей. Вдали виднелись трубы какого-то предприятия, выбрасывающие в чистое небо столбы черного угольного дыма. Суета сует.

– Осторожно, – придержал я заметно возбужденную прибытием сестру за руку, она чуть не попала под явно самодельную багажную тележку, которую толкал носильщик. – Идем за мной.

– Ты так уверенно идешь, как будто все знаешь, – не могла не поделиться своим наблюдением сестричка, торопливо шагая следом, стараясь успеть за моим широким шагом. При этом рассматривая все вокруг с деревенским любопытством.

Шла налегке, оба наших заспинных мешка нес я. Кстати, поменять их надо, слишком много внимания ими привлекаем. Сидоры у пассажиров есть, а вот такие деревенские мешки, как у нас, если и есть, то очень мало. Я всего одного паренька с ним увидел. Тот даже обрадовался, что он не один такой.

Насчет ее замечания, что ж, она права, сам я тамбовский, но в последнее время, до момента попадания в это тело, проживал именно в Москве. В принципе, без красного словца скажу, что знаю ее хорошо. Но это ту, современную Москву, а вот эта мне незнакома, но это не значит, что я буду теряться и стоять с потерянным видом. Как-то не мое. Так что энергичным шагом мы покинули здание вокзала и, догнав трамвай, он как раз отходил от остановки, повисли на задке. Сам трамвай был переполнен. Сестра зеркально повторяла все мои действия, как я и велел, так что не потерялась и, улыбаясь, стояла рядом, держась за лестницу. На задней площадке мы были не одни. Еще два мальчишки примерно моего возраста устроились рядом. Но они чуть раньше сошли, а мы на следующей остановке. Просто трамвай нам был не по пути, может, и был прямой маршрут, однако нам не трудно сменить его. Опросив ожидающих трамвая пассажиров на остановке, выяснив, какой номер нам нужен и на какой остановке выходить, стали терпеливо ожидать нашего транспортного средства.

– Смотри, мороженое, – показала сестренка жалобными глазами на появившуюся будку мороженщицы.

Ее привезли на прицепе повозки. Возница помогал отцеплять и устанавливать у края тротуара.

– Успеем, – прикинул я. – Пошли, пока очередь не набежала.

Как мы ни торопились, но в очереди оказались аж пятыми. Ничего, отстояли и с некоторой жадностью, но и с немалым наслаждением, поели холодного лакомства. Что ни говори, а вкусно, может, тут и вкусовые рецепторы у моего нового тела лучше, но такой удар по ним удалось выдержать с трудом. Как и новый жалобный взгляд Татьяны. Сам с трудом отказался.

– Успеешь еще, тебе тут жить, – осадил я ее, напомним, зачем мы приехали.

Тут и трамвай наш показался, так что мы вернулись к остановке, ополоснув руки из армейской фляжки. Отец дал с возвратом. Немного удивительно, но та была стеклянной с деревянной пробкой, как я узнал, обычное дело в армии.

Добравшись до нужной остановки, сошли, и я указал сестрице на здание, которое находилось с другой стороны улицы:

– Вот мы и приехали. Разреши представить тебе Второй Московский государственный медицинский институт. Если все получится, учиться будешь именно в нем. Вон лавка, посиди,

да за вещами присмотри, а я прогуляюсь, разведу обстановку, нужно узнать, закончила работать приемная комиссия или нет. В этом году приемная комиссия работает не по графику.

– А ты откуда знаешь?

– От доктора, что меня лечил. У него сын тут учился, в прошлом году диплом получил. Позвонил и все узнал по моей просьбе. Все, сиди и жди.

Оставив сестренку на лавке, добравшись до входа в здание института, там жизнь была ключом, время экзаменов, так что студентов и студенток хватало, обернулся и, убедившись, что Танюша на месте, прошел внутрь. Проскользнуть мимо строгого вахтера удалось без труда. Так же без труда отловил симпатичную студентку и все, что нужно, узнал от нее. Приемная комиссия еще работала, но осталось три дня. Вот это плохо, так что я заторопился обратно к сестричке. Правда, будет еще один набор, в конце лета, но как вы понимаете, ждать нам его не с руки. Да и набор будет, если не наберется за этот студентов в нужном количестве, в чем я лично сомневаюсь. Конкурс сюда нехилый.

Добежав до скамейки, заторопил ее:

– Бери все документы и бегом за мной.

Один мешок за спину, второй в руки и вперед, показывать дорогу к нужной аудитории. Успели, не разошлись преподаватели из комиссии, так что после опроса приняли документы у Тани и внесли ее в журнал приема. Более того, она даже успевала сегодня на один из экзаменов, как раз по математике, где Танюша была сильна. Немного пожурили за то, что нет паспорта, и попросили обязательного принести. Вместо паспорта пока подошел комсомольский билет, но это как временная мера. Сотрудники в приемной комиссии прекрасно знали, что многие, кто приезжал из деревень, не имели подобных документов, их очень неохотно выдавали на руки. Еще бы, выдашь, так колхозники быстро по городам разбегутся. Такое скрытое рабовладение. Это мое личное мнение. Причем достаточно ужесточенное рабовладение. Ладно бы деньги платили, а то какие-то трудовни. Жили люди в деревнях только за счет личных хозяйств. Выживали. Нам-то полегче было, однако продуктового налога тоже никто не отменял, сдавали мясо и яйца. Не без этого.

Я как на иголках просидел на скамейке у дверей в аудиторию, пока Танюша общалась с преподавателями из приемной комиссии, а когда та вышла с широкой улыбкой и сказала, что ее допустили до экзаменов, и сам просиял. Преподавателей не то чтобы поразили ее школьные оценки, но произвели благоприятное впечатление. Ну и описала, что там было, сказав, что есть проблема с паспортом. Отправив ее к нужной аудитории, там сама найдет, не ребенок чай, я поспешил наружу. Танюша знала, я ей сказал, что пошел искать временное жилье. В комиссии сестренке уже сообщили, что общежитие переполнено поступающими, заселение начнется, когда пройдут экзамены, не сдавшие уедут, остальные останутся, их и расселят. Если выйдет раньше моего возвращения, то подождет на знакомой лавочке, мы уже договорились об этом.

Проблемы со снятием комнаты не было. Опросил людей, прошел в ближайшие дворы рядом с институтом, вот там бабули и подобрали мне нормальное жилье с отдельной комнатой. Оказалось, что хозяйева квартиры на днях уехали в экспедицию, геологами были, вот их домработница таким образом и подрабатывала. Кстати, сами хозяйева не возражали. Уплатил сразу за неделю вперед, сказав, что пока не знаю, может, и задержусь. Сообщил, сколько человек будет проживать, ну и оплатил питание. Нас будут тут кормить, завтраки и ужины так точно, вряд ли мы будем на квартире во время обеда. Старушка-домработница повздыхала, пожелала сестре удачи, передам обязательно, так что, осмотрев комнату, было две кровати, это была комната домработницы, сама она в хозяйской ночевала, оставил вещи и поспешил уйти, нужно решать дальнейшие дела. Что где находилось, я у домработницы спросил, так что до здания отделения милиции добрался быстро. Нужного мне человека уже не было, паспортный стол закрыт, вечер, но дежурный, который был не сильно занят, достаточно подробно мне объяснил, что

делать, тему он знал. Если сестра поступит, ей обязаны дать временную регистрацию в общежитии, под это дело можно получить и паспорт, и временную прописку. Ситуация не сказать, что стандартная, но такое уже бывало, так что он знал, что говорить и что делать. Так что завтра с сестрой обязательно сюда. Нужно только справку взять из деканата что сестра поступает... Нет, не дадут. Пока не поступит, не дадут. Ладно, подождем.

Когда я добежал до улицы, где находился нужный мне институт, сестра уже сидела на лавочке. Подойдя, присел рядом и сказал:

– Можешь не говорить. Вижу, что сдала.

– Ага, – не могла не улыбнуться широкой улыбкой она. – Высший балл.

– Узнала, какие экзамены завтра будут?

– Да, вот записала, – протянула мне кусочек бумаги.

– Надо будет блокнот с карандашом купить, – рассеянно пробормотал я, изучая, что было написано на листочке округлым аккуратным девичьим почерком. – Завтра у тебя весь день занят. Плотно, я смотрю, загрузили, чтобы ты в оставшиеся дни уложишься. Ладно, без тебя справлюсь.

– Ты комнату снял? Мешков, вижу, нет.

– Снял. Тут недалеко, пару шагов дворами, – ответил я, вставая, и мы направились к нужному дому, общаясь на ходу. – Тебе нужно отдохнуть, завтра тяжелый день. Сейчас придем, так что сразу под душ, потом поужинаем и спать. У меня завтра тоже дел много, нужно решить.

– Что за дела? – деловито поинтересовалась сестра.

Рассказав ей о том, как можно получить паспорт, так же пояснил, что пройду в районную больницу, узнаю насчет набора персонала. Сестре хватит и санитаркой поработать, главное выбить приемлемый график работы, чтобы совместить работу и учебу. Тем более учеба не скоро начнется, это приемная комиссия сейчас работает, а начало учебы через два месяца, когда закончится практика у старших курсов. Я уже все узнать успел. Но это не все, официальная работа, с трудовой книжкой, позволяла встать в очередь на комнату, а мне это и надо. Когда из Москвы все побегут при подходе немцев, думаю, получить освободившуюся комнату труда не составит. Иллюзий насчет квартиры я не питал, вряд ли дадут. Да и насчет, что немцы дойдут до Москвы, не уверен, были некоторые планы насчет этого, посмотрим, как дальше история пойдет.

Таня познакомилась с хозяйкой квартиры. Нас покормили, сестра осторожно посетила душ, она в нем была в первые, любопытство так и перло из нее, потом снова надев то же платье, вернулась в комнату. Ну а я в душ пошел.

Утром Таня направилась к институту, дорогу она запомнила. В руке у нее были писчие принадлежности и пара чистых тетрадей. Это из запасов хозяина квартиры, нужно купить и вернуть на место, чтобы хватало, домработница выдавая нам этот комплект, попросила об этом. Это не трудно. Прихватив солидную пачку денег, я выяснил, где находится нужный магазин, и направился туда. Прикупил не только солидную стопку разных тетрадей, но и чертежный инструмент, разные писчие принадлежности, карандаши и даже нашел два медицинских справочника. Тоже взял. Помимо них купил небольшой, явно дамский портфельчик на длинном ремне. Светло-коричневый. Вместо школьной сумки будет, стильно и элегантно. Это чтобы в руках все не носила. Похожие сумочки я видел у студенток в институте. Так что особо выделяться сестра не будет. Это хорошо. Вернувшись на квартиру, передал все, что мы у домработницы занимали, только все новое, свежее купленное, а часть покупок я составил в комнате. Остальное сложил, то, что по моим прикидкам Тане понадобится, в сумочку и поспешил к институту. Снова пройти внутрь мне была не проблема, какой сейчас, экзамен знал, нашел нужную аудиторию и стал терпеливо ждать. Танюша выпорхнула четвертой, сияя улыбкой. Еще шире улыбаться начала, когда я ей сумочку с содержимым задарил. Думаю, не визжала от радо-

сти, потому что народу в коридоре хватало, но затискала от души. Даже как-то неловко для меня, она была без лифчика, постирала вчера, и он все еще сох в ванной. Я, конечно, мужчина в самом расцвете сил, но пока женским полом не интересовался, организм еще не повзрослел для этого, но я понимал, еще немного, еще чуть-чуть и наступит тот счастливый день, которого жду уже не один месяц. Сложно быть взрослым мужчиной в теле пацана.

Оставив сестру в институте, когда она пришла в себя, то поспешила к следующей аудитории, деловито инспектируя на ходу содержимое подарка, я вышел наружу и запрыгнул в трамвай. Оплатив билет, покатыл к рынку. Хватит ходить как бомж, ну или деревенский. Внимание привлекаю. Стоит приодеться, чтобы влиться в массы москвичей. Сестру тоже бы приодел, только та занята. Ни одной свободной минуты. Ничего, закончит с экзаменами, там посмотрим. Если ее примут, задарю подарками.

До вещевого рынка добрался без проблем, это, конечно, не Черкизовский рынок, но тоже впечатлял. Погулял по рядам. Первым делом присмотрел себе отличный кожаный и дорогой чемодан. Он ещевшитыми ремнями вверху застегивался. В своей прошлой жизни я уже такой видел, офицерский вроде, но не думал, что они уже сейчас существуют. Картонных и фанерных чемоданов хватало, но я ухватился именно за кожаный, светло-коричневого оттенка. Не удивлюсь, если он импортный. Оплатив покупку, поторговался, не без этого, скинув процентов пятнадцать, после чего держа за ручку на весу, не сказать, что легкий чемодан, все же кожа, стал обходить ряды. Нужна обувь, причем срочно, сапоги, в которых я сейчас ходил, уже серьезно жали, как бы до беды не дошло, до тех же кровавых мозолей. У нужного продавца сторговались так: он забирает мои сапоги и с наценкой продает свои. Померил, чуть велики, но со временем сядут как надо. Надел их, портянки свежие тут же прикупил, и ударил с продавцом по рукам. Как влитые, нормально. Дальше у соседа сапожника купил отличные городские штилеты как раз по моей ноге, причем не ношенные, а к ним пачку носков, десять штук. Все это убрал в чемодан. В других рядах прикупил белье, три белые майки и трое сатиновых трусов по размеру. В другом месте обнаружил отличный костюм для подростка, темно-серый, выглаженный, но главное мне по размеру, не поленился, надел, даже рукава подходили, и осмотрел себя в зеркале, вынесенном продавцом. У него был небольшой закуток для переодевания с ширмой, так что нормально. С только что купленными черными мужскими туфлями отлично смотрелся.

Костюм я взял. В принципе, на этом все, мне особо больше ничего и не нужно было, однако, проходя через ряды, не удержался, купил крепкие штаны, для леса, и кожанку, чуть велика по размеру, но навыврост хватит. Дальше пошел туда, где посуду продают. Купил небольшую двухлитровую кастрюлю, чугунную сковороду с крышкой, чайник, две кружки, две глубокие тарелки, две чуть меньшего размера для второго. Нож, несколько вилок, ложек. То есть посуду для Тани. Если она даже не поступит, разных учебных заведений по Москве хватает, будет поступать в другом месте, а поступив, ей потребуется посуда, это обязательно. Вот я и решил поспешить с покупками.

Когда уже покидал рынок, услышал, как кто-то наигрывает на аккордеоне, причем немилосердно фальшивя, мой идеальный музыкальный слух этого никак перенести не мог. Однако я лишь поморщился и заспешил в ту сторону, где терзали инструмент. Раз аккордеон есть, то, может, и гитара найдется? Повезло, продавец занимался продажей именно музыкальных инструментов. Подержанных, правда, но, думаю, и новые найдется. Мельком посмотрев на толстяка, это он выдавливал из баяна эти стоны, я посмотрел на продавца, тот морщился не хуже меня, и спросил:

- Гитары есть? Испаночка?
- Есть, две. Командировочные привозили из Испании. Хочешь посмотреть?
- А то.
- Только осторожно, не поцарапай.

Продавец передал мне черную лакированную гитару и, пристально поглядывая на меня, стал рассчитывать толстяка. Тот брал баян, понравился он ему. Когда продавец вернулся, я уже закончил настройку, а гитара была реально расстроена, и взял верхние ноты, проверяя проделанную работу. После чего поправив ремень, сделал перебор и стал быстро перебирать пальцами. Очень сложная композиция, услышанная мной еще в том мире, и я по памяти по слуху пытался ее повторить, и что удивительно, практически идеально повторил. Нужно немного доработать, потренироваться, и исполню не хуже реальных музыкантов.

Когда продавец, с немалым интересом слушавший мою игру, вокруг тоже ценители собрались, озвучил цену, мне показалось, я ослышался. Даже демонстративно в ухо поковырялся и попросил повторить цену. Торговались почти час, но я купил гитару, не мог не купить эту красавицу. В комплекте шел чехол и запасные струны, хоть это скрасило грусть расставания с такой значительной суммой.

Когда Танюша глубоко под вечер пришла сильно усталая из института, судя по ее виду, вся выложились, я сидел за столом в нашей комнате и писал. От руки, но левой рукой, чтобы почерк изменить. Комната была неплохо меблированной, кроме двух кроватей и шкафа, был письменный стол. Даже радио в углу под потолком, репродуктор, где едва слышно бормотал диктор. Новости шли. Когда дверь открылась, я закрыл тетрадь и убрал ее в сторону.

– Как ты? – тихо спросил я.

– Ох и тяжело. Все сдала на сегодня, но не знаю, как завтра день пройдет. Устала я.

– Иди в душ, вода снимет усталость, потом ужинать и спать. Тебе нужен отдых, – командовал я. – Кстати, вон халат купил, для дома, чтобы ходить, как раз твой размер, можешь его взять, там переоденешься.

Похоже, сестра настолько устала, что не заметила мои обновки. Да и гитара, что стояла на кровати, прислоненная к стене, была ею не замечена. А тут сразу появились силы и начались шаманские пляски насчет обновок. Понимая, что для женщин это самая животрепещущая тема, я обрадовал ее, что как только закончатся экзамены и появится свободное время, пойдем и все ей купим. Даже костюм, чтобы ходить на уроки. Вот тут сестра впервые озаботилась, а откуда у меня действительно деньги? Сколько мне дали, она знала прекрасно, математикой владела не хуже меня, знала, что практически все мы потратили на билеты до Ленинграда, а тут я незнамо на какие деньги снимаю комнату, да еще закупаюсь. В моей байке, что я добычу сбывал на сторону, она уже сомневалась.

– Они не ворованные? – настороженно спросила она, пока я собирался с мыслями.

– Нет, – засмеялся я. – Просто, пока я ходил по лесу, нашел труп, старый, похоронил его. Но на теле и рядом было много золота, видимо, какой-то дворянчик сбежать не смог и помер. Вот это все я продал, большую часть уже тут. Не волнуйся. Для семьи отложил, на покупки им тоже, так что хватит и тебя устроить, и им дать. Себе ничего не оставляю, вон только гитару. Костюм, кстати, планирую тебе оставить, с собой не возьму. Когда буду приезжать, буду надевать.

– И часто приезжать хочешь?

– Летом приеду, как раз к началу твоих занятий, имей это в виду.

Танюша ушла принимать душ, потом мы вместе поужинали, и она потребовала показать все обновки. Я возражать не стал, показал и даже оделся. Почти час потеряли. Да и сама сестренка в халате долго у зеркала шкафного крутилась, рассматривала себя.

– Прическа у тебя не городская. Завтра у тебя, я посмотрел, тоже времени нет, потом сходим, как раз когда за одеждой пойдем, вот и парикмахерскую посетим. Я, кстати, тоже оброс, не помешает.

За следующие два дня особо серьезного ничего не произошло, Таня активно сдавала экзамены, уже все сдала, сейчас ожидала, какое решение примет приемная комиссия, возьмут ее или нет, как на иголках сидела, ну а я тоже эти дни не дремал. Заполнил до отказа тетрадь, для первого раза хватит, потом еще будет, купил с десятков конвертов и на двух написал данные всесильного наркома. Был шанс, что тетрадь не попадет к нужному адресату, значит, нужно подтолкнуть к тому, чтобы следующую подобную корреспонденцию принимали со всем тщанием. И вызывали нужных людей или фельдъегерей для передачи письма адресату.

Как раз сегодня я и решил опустить первое письмо в почтовый ящик, причем сделать это на Киевском вокзале. Там и народу много, и контроль меньше. Переоделся под деревенского, мешок тряпьем набил, кепку на глаза и в таком виде к вокзалу. Я уже освоился с местными маршрутами за эти дни. Там спокойно подошел к почтовому ящику и опустил письмо. После чего покинул вокзал, добрался до съемной комнаты, нормально переоделся, в штаны от костюма и белую рубашку. Жарко, и так хорошо. Головные уборы в городе не носили, так что и я отвыкал, как в принципе и Танюша. Вот в таком виде я и направился в районную больницу. Она тут не так и далеко. Главврач уже несколько дней отсутствует, он находился на курсах по повышению квалификации, но сегодня должен быть, вот и постараемся пристроить сестренку.

9 мая. Москва. Лубянка. Кабинет наркома Берии.

17 часов 36 минут

– Разрешите? – заглянул в кабинет секретарь.

Хозяин кабинета был не в духе. Он только что вернулся от Хозяина, где получил вполне справедливый втык, отчего злился еще больше, и уже вызвал ответственных людей, готовясь передать, только все в троекратном размере, что услышал от главы страны. Тем удивительнее ему было поведение секретаря, тот прекрасно понимал, в каком состоянии его начальник, но все равно зашел. Значит, что-то действительно срочное.

– Давай! – отрывисто приказал Берия, требовательно протянув руку, заметив, что у секретаря конверт с письмом в правой руке.

Подойдя, секретарь передал конверт и сообщил, пока начальник, осмотрев вскрытый конверт, достал тетрадный листок и читал не такое и большое сообщение в письме:

– Письмо изыали сегодня в десять часов дня. Почти сразу оно было отправлено в наш наркомат. Вскрыто с применением всех средств, в специальном помещении. Эксперты, осмотрев и изучив содержимое, немедленно связались со мной и передали его вам. Опасности оно не представляет, чистое. Следов особых нет, отпечатков тоже. Чисто сработали.

Почему передали, усталый нарком уже понимал сам. Там было несколько коротких строк, а именно:

«Доброго дня. Не думаю, что обрадую. Вы будете расстреляны 24 декабря 1953 года по решению Верховного суда СССР. С вами буду расстреляны ваши соратники, которых в газетах будут называть „бандой Берии“. Это Меркулов, Кобулов, Гоглидзе, Мешик, Даконазов и Влодзимирский. Инициалов, извините, не помню, хорошо хоть фамилии вспомнил.

Пока жив Сталин, живы и вы, запомните это. Сталина убили, цинично и подло, отравив 1 марта в 1953 году, а умер он 5 марта. Есть несколько версий, но основных две. Отравление и insult. Думаю, вторая верная. Когда случился insult, к товарищу Сталину не пускали больше двух суток врача, пользуясь вашим отсутствием. Когда вы вернулись, было уже поздно. Те, кто вас убьют, встанут у руля, они же и уничтожат страну, агония будет длиться сорок лет.

Воспримите серьезно эту информацию. У вас есть шанс все изменить. Кто повинен во всем описанном, будет сообщено в следующих сообщениях. Следующее письмо под номером два. Не пропустите. Аноним».

– Было второе письмо? – коротко поинтересовался Берия.

– Такая информация не поступала. Отменить совещание?

– Нет, все, как и прежде. После совещания вызови-ка мне Меркулова. А письмо на анализ почерка. Не пойму, кто писал.

– Есть, – секретарь забрал письмо и покинул кабинет, и почти сразу внутрь стали заходить командиры в разных рангах.

Берия уже настроил себя на нужную ноту. Даже странное письмо не выбило его из колеи, так что посетителей ждал холодный прием, но буря вот-вот должна была разразиться.

– Ура-а-а, я сдала! – висела на моей шее Таня.

– Я же свалюсь, слезь с меня, – улыбаясь, ответил я. – Откормилась на молоке, не поднимешь.

Я ждал Таню у входа, и вот, обрадовала, ее официально зачислили на первый курс. Правда, напомнили насчет паспорта. С этим проблем не возникло, в деканате, благо все были на месте, она взяла нужную справку, и мы сразу от института прошли к отделению милиции, где сестра написала заявление на получение паспорта, предъявив все, что нужно. Включая свой единственный реальный документ, комсомольский билет. Паспорт обещали сделать через три дня, препятствия для выдачи местные не видели, вот через три дня и придем. На рынок мы уже не успевали, так что посетили парикмахерскую, где нам сделали нормальные городские стрижки. А вот утром уже направились на рынок. Мы не городские, нам и ношенные вещи сойдут. Ох Таня там и оторвалась. Мы нашли темно-синий с рисунком на лацканах строгий женский костюм, низ у юбки чуть выше колен, с белой сорочкой и жакетом, что-то вроде пиджачка. Смотрелось на Тане изумительно, как будто под нее шили. Взяли его. Потом купили три разных платья, во всех можно ходить и по городу, вполне нарядные и легкие, летние. Взяли также обувь, а то Таня у мамы последнюю нормальную пару туфель забрала. Надо вернуть. Три пары взяли, разных. Сумочку женскую, потом и к белью перешли, тут, розовая, сама отбирала, я чуть в стороне стоял с чемоданом. Мы все покупки туда складывали. Дело деликатное, но Таня и сама справилась.

Потом был переезд. Прожили мы в комнате почти шесть дней. Бланк на получение койко-места Таня уже получила, но тут комендантша решает, кого куда поселить, так что я купил большой торт в бумажной коробке, свежий, Таня так и облизывалась, ходила как кошка вокруг него, и с этим гостинцем зашел к комендантше. В общежитии был бардак, много народу вселялось, так что она была не в настроении, однако мне удалось ее разговорить, и та выдала Тане ключ от двухместной комнаты. Небольшая, но теплая. Ранее тут жили две студентки, которые выпустились в этом году. Выпуск был раньше, чем обычно. У института было несколько общежитий, новый корпус отстроен не давно, кирпичный, в три этажа, и пара деревянных двухэтажных, вот в один такой Таню и заселили на втором этаже.

Мы осмотрели комнату, соседки пока не было, не заселили никого, получили постельное белье и все, что полагается, и уже направились за Таниными вещами. В два захода все перенесли. Я пока буду жить в снятой комнате. Доплатил еще на неделю, а Таня пусть уже на своем месте устраивается, ей тут долго жить. В самой комнате немного аскетичная обстановка, две панцирные кровати, между ними у окна стол, два стула и новенький шкаф. У входа вешалка. Вот и все.

Дальше Таня получила паспорт, с уже временной пропиской в нем, и мы направились в районную больницу, где главврач побеседовал с сестренкой и согласился ее пока взять сани-

таркой. В хирургическое отделение в ночную смену. Смены каждые два дня. Завтра первый рабочий день, вернее ночь. Вот так по-тихому я и помогал Тане освоиться в крупном городе, столице Советского Союза. Она робела, но понемногу осваивалась, я водил ее по выставкам, по кинотеатрам, пару раз в театр ходили для ознакомления. В метро спускались, это обязательно. Страшно ей было, но ничего, тоже привыкать стала. Из деревенской простой девушки постепенно становилась городской. Таня удивлялась, откуда у меня это все, но училась охотно, постепенно осваиваясь, и уже все меньше со стороны напоминала так называемую деревню. Я учил ее правильно ходить, правильно одеваться и даже говорить. Конечно, недели на это дело мало, но хоть не напоминала теперь слепого щенка, кое-какие знания в голову я ей вложил, что не могло не радовать. В общем, культурно проводили время, даже в парке по озеру на арендованной лодочке катались. Хорошо, и мне и ей нравилось.

Завтра я отъезжаю, билет уже куплен, поэтому делал наставления перед отъездом. Таня встала в очередь на комнату через больницу, где уже работала, две смены проработала, тяжело, но жить можно, так что со временем, возможно, и получит комнату в коммуналке. Главное напоминать о себе, а то знаю я ее, скромница, может и не пойти. Вот я и втолковывал, что при распределении после окончания института смотрят, у кого московское жилье, того в Москве и оставляют, так что ей кровь из носу, но нужно получить комнату. А то «мне и в общежитии хорошо». Слышать такого не хочу. Ничего, к концу лета вернусь, посмотрю, что можно сделать на эту тему.

Я выдал сестре запас наличности, на месяц хватит, продуктов мы ей закупили, крупы там, то, что не скоропортящееся, даже с десятков банок рыбных консервов. Запасом будет, в шкафу лежали. Остальное будет докупать в магазинах. Еще Таня по моему велению открыла в сберкассе сберкнижку, куда я положил ей солидную сумму, можно не работая прокормиться полгода в Москве. До нашего приезда хватит, а пока пусть на зарплате живет, если что, это тот необходимый запас, что может срочно потребоваться. Должна учиться, вот пусть и учится.

В общем, с наставлениями я закончил, переночевали каждый сам у себя, я собрался, в комнате было только то, что я забираю с собой, после чего мы направились на трамвае к нужному вокзалу. Таня хотела лично проводить меня.

Сошли мы раньше, сестренка недоумевала, почему мне приспичило сойти тут, но я лишь дошел до почтового ящика и бросил в него конверт, после чего вернулся, и мы, дождавшись следующего трамвая, поехали дальше. На вокзале, когда прощались, я достал часы из кармана куртки, те самые на цепочке в форме луковицы, и протянул их сестренке, сказав:

– Часовщик их починил. Секундная стрелка точная, тебе как будущему врачу обязательно нужны часы с секундной стрелкой, чтобы пульс считать. Я это от других студентов узнал.

– Спасибо, – приняла подарок чуть повлажневшими глазами и тут же восторгалась. – Это с того тела?

– Нет, купил на рынке с рук. Повреждены были, поэтому задешево. Правда, часовщик за ремонт много взял, но часы тебе нужны, даже такие, так что пользуйся уверенно и не забывай подводить.

– Спасибо, – крепко обняла меня.

Отстранившись, она неожиданно сказала:

– Знаешь, та девушка из общежития теперь стороной меня обходит, напугал ты ее. Не ожидала, что ты такой жестокий.

– Да ты что, – ласково улыбнулся я. – Я белый и пушистый.

История, произошедшая три дня назад, не сказать, что приятная, но описать ее все же стоит. Бить женский пол я как-то не приучен, если этот женский пол не трогает меня или мою семью. Не знаю, вроде девка на вид нормальная, тоже не городская, даже красивая. Когда Таня заселилась, эта пигалица лет двадцати на вид, стала третировать сестру, насмехаться при

встрече, даже деревней называть. В принципе, сестра у меня и сама не промах, удар поставлен, но тут я услышал очередное ее представление, то есть стал свидетелем. Было до этого еще два, но сестра о них не рассказывала. Ее завести трудно, но если получится, не остановить, так что быть этой белобрысой битой, но, к ее несчастью, в этот раз вмешался я.

Дело было возле кухни общежития у печи, где что-то готовилось, я туда за водой пришел, в очереди к крану стоял, а сестра зашла за чайником, булькающим кипятком на печи. Не успела взять за ручку, а эта сразу стала громко высказывать о деталях халата сестры, она в халате по общежитию ходила. В общем, я взял ложку со стола, подошел к ней и, ударив под колено, отчего она присела, прижал эту ложку к глазу. Злость была, поэтому говорил немного хрипло:

– Я сестру часто навещать буду. Пожалуйте, оба глаза выну и заставлю съесть. Поняла? Кивни. Вот и умница, а теперь иди отсюда.

Свидетели особо ничего не поняли, я подошел, приобнял ее, мы о чем-то поговорили, и она быстро ушла. Испуганная, даже очень.

Особо у сестры про то дело я не интересовался, а тут сама вспомнила. Видимо, все же что-то да усмотрела.

– Всякое бывает, но ты присмотри за ней. Снова свои хороводы вокруг тебя будет водить, бей без разговоров. Но бей аккуратно, чтобы синяков не было и свидетелей. А то мало ли выгонят, этой дуре хватит глупости пожаловаться.

– Она со второго курса. На третий переходит. Думает, если старше, то можно нападать на тех, кто только был зачислен. Нас даже по группам еще не распределили. Это позже будет.

– Вот именно. Ладно, пишите письма.

Обняв сестру, я поправил мешок на плече и прошел в вагон. Проводник в этот раз был мужчина, какой-то не ухоженный, в грязной форме, с щетиной и даже перегаром, осмотрел билет и кивнул, проходи. Еще и посмотрел на меня как-то странно. Его взгляд я смог расшифровать, только когда добрался до своего места. Оценивающий он был и, судя по всему, оценка была не в мою пользу. Я купил место на верхнюю полку, однако купе было уже занято, там сидели пяток мужчин. Не сказать, что молодые, всем за тридцатник, крученные жизнью, это было заметно, ну и расплывшиеся со временем татуировки, что проглядывали из-под одежды, намекали на их не совсем хорошее прошлое. На руках особенно было заметно. Да те их особо и не прятали.

– Вещи свои убрали, место куплено, – кивнул я на полку, где были свалены мешки. Ладно бы другую полку заняли, так ведь на моей три мешка было.

– Ого, борзый, – усмехнулся ближайший. – Место занято, сам по вагонам ищи, где приткнуться. Бегом отсюда.

– За место уплачено. Хотите занять, выкупите у меня билет, я в принципе не против.

– Топай отсюда, – показал вор нож, после чего стал резать колбасу на столе.

– Ладно, потом поговорим, – пообещал я, зло сузив глаза.

Раздувать конфликт было не в моих интересах. Мы еще у вокзала стояли, милиция тоже не вариант, отбываем через минуту. Так что вернемся чуть попозже. Скорее всего, воры дали на лапу проводнику, вот тот их и разместил, причем заняв и мое место. Я мог бы поднять скандал, воры этого явно ожидали, но не буду. Чую, не простые парнишки. По стандарту за борзость мою должно было прилететь пару тумачков, однако те сдержались. Не должны были, но сдержались. Похоже, внимания к себе привлекать не хотели, а вот это уже интересно. Тут было два ответа на их поведение, первое, вполне возможно, они едут на дело и опоздать не могут, поэтому стараются вести себя тише воды ниже травы. Никакой водки и пива на столе, еда есть, но не спиртное. Вот это еще более странно. Однако во втором варианте, это курьер с охраной. И что он везет? Интересно было бы посмотреть, поэтому я и решил не нагнетать обстановку и действительно убраться. Мне средства нужны, а тут такая удача, думаете, я упущу ее?

Развернувшись, под презрительные смешки бывших сидельцев, я направился прочь. Покинул этот вагон и договорился с проводником в соседнем, уплатив ему на руку. Те брали пассажиров, если нет мест, у себя в купе устраивали. Денег не было, все Тане оставил, так, лишь мелочовка, так что дал в качестве оплаты наручные часы. Дорого, но другого выхода не было. Поезд тронулся, когда я мешок на полке пристраивал, так что, угостившись чаем, стал подремывать, пока не заснул, баюкая в руках гитару. Не хотелось бы, чтобы она пострадала. Похоже, у меня много работы будет на ночь.

Да, если еще кто не понял, я решил наказать воров. И за борзость, и за наглость, да за все. Если даже не курьеры, уверен, есть с них что снять. Постараюсь не убивать, но, если не будет другого выхода, особых сомнений испытывать не буду. Раз заняли мое место, платите за перевозку. Все что снято, то и будет платой. Меня это вполне устроит.

16 мая. Лубянка. Кабинет наркома. 20 часов 33 минуты

– Конверт уже осмотрели. Не вскрывая. Чисто, – подавая конверт, сообщил секретарь.

– Второй, – посмотрев на номер на титульном листе тетради, которую тот сразу достал, пробормотал нарком. – Неделю нервы ожиданием трепали, скотины.

Секретарь после повелительного взмаха рукой поспешил покинуть кабинет, сообщив ожидающим там, что в течение часа нарком никого не принимает, и занялся своими обычными делами. А вот Берия, достаточно бегло пробежался по тетради, лицо его, чем дальше, тем больше становилось заинтересованным и при этом раздраженным.

– Начало войны... поражения... потеря Киева... Крыма... блокада Ленинграда... заканчивается тем, что немцы под Москвой будут... Еще общие потери как среди мирного населения на оккупированной территории, так и среди военнослужащих... Все не то. Где информация по предателям, кто меня прикажет расстрелять?! От кого ожидать удара в спину?!

Проверив еще и титульный лист, но не найдя нужной информации, Берия зло ударил кулаком по столу, прошипев:

– С кем играть вздумали?! Или?.. Или вы хотите, чтобы я проверил, реальна ли информация? Что ж, проверим...

Проснулся я где-то в полночь. Вагон покачивался, снаружи мелькали огоньки, видимо какую-то станцию проехали, возможно, товарную, раз не останавливались. Перестук колес убаюкивал, но я встряхнулся, посмотрел на проводника, тот спал, и, собравшись, прихватив мешок и гитару, покинул купе. При этом я незаметно прихватил спецключ проводника. Двери, что вели из вагона в вагон, были закрыты на ночь, вот я и воспользовался ключом, чтобы их открыть, и также незаметно вернул ключ на место.

Прихватив вещи, я вернулся в вагон, где у меня отжали место, и тихо постучался в купе проводника. Когда тот выглянул, вырубил его ударом рукоятки ножа в подбородок, классический нокаут, и быстро заглянул в купе. Как и думал, тот зарабатывал как мог, еще трое спят, «зайцы». Вещи я оставил в тамбуре. Дотащил проводника до него, тяжелый, зараза, волоком пер. Спецключ от дверей нашелся в кармане форменных брюк. Открыл дверь и выпихнул того из поезда. Так что тело покатило под откос. Поезд шел не сказать, что на полной скорости, но все же километров пятьдесят давал. Убиться вполне возможно. Надеюсь, поломает себе что в наказание.

Двери из вагона в вагон все еще были не заперты, вот и запер их, чтобы мне никто не мог помешать. Раздевшись, оставшись в одних штанах, накинул сверху темно-синюю майку, это уже запасное белье из дома, и, пройдя по коридору плацкарта, как и ожидалось, все спали, заглянул в нужное купе. А вот двое воров нет, не спят.

Трое дрыхли на полках, включая мою, а эти бодрствовали. Я как бы проходил мимо, мол, не нужны они мне, да и те в полумраке меня явно не узнали, при свете ночника резались в карты. Вроде «очко», не все карты рассмотрел.

Те насторожились, когда я мимо проходил, но успокоившись, вернулись к картам. Еще один звоночек. Точно груз, уверен уже на сто процентов. Более того, я заметил, как сверкнул вороненой сталью ствол револьвера, прижатый к бедру одного из игроков, наверное, ногой его придерживал, когда сидел, а тут достал. Нет, внезапное нападение тут вряд ли получится, отобьются, опытные сучары. Значит, будем ждать, когда один отлучится, например, в туалет, там и подстережем. То, что, возможно, какой-то курильщик обнаружит в тамбуре мои вещи, я особо не переживал, тамбур закрывался, и я это сделал. Запер. Не попадешь, хочешь курить, в туалет иди.

Там и дождался, пришел один, сперва в туалет зашел, после чего, доставая из кармана пачку папирос, направился к тамбуру, вот я его из темного угла и приголубил. Мелкий вор, но живчик. Причем крученный, как-то уловил мое движение и попытался увернуться, однако я этого тоже ожидал. И коленом, когда тот пригнулся, зарядил ему в висок. Быстро подхватив тело, потащил в тамбур, открыл его и затащил внутрь. Проверив пульс, только поморщился. Мой удар в висок оказался смертельным, труп. Быстрый обыск дал мне два отличных ножа, еще один складной и три метательных. Хорошим мастером сделанные, я даже трофейную спичку зажигал, чтобы их рассмотреть. В кармане также обнаружилась неплохая свинчатка, кастет если проще. Сам я пользовался тяжелой рукояткой ножа. Чтобы руки не повредить, а тут такое отличное средство, это кстати, так что его примерив, великоват, отправил в карман, пригодится. Еще за поясом обнаружился наган, а в карманах пиджака солидный боезапас, считать сейчас времени нет, но больше сорока патронов точно имелось. Вычистив все карманы и проверив сапоги, я открыл дверь и вывалил тело наружу. Один есть, осталось четверо, причем тот, что бодрствует, изрядно насторожен. Продолжим.

Со вторым, что бодрствовал, я поступил просто. Подошел, и не успел тот дернуться, всадил в горло нож, один из трофейных. Я подумывал о том, чтобы воспользоваться пиджаком только что отправленного за борт бандита, так сказать замаскироваться под него. Однако у нас комплекции разные. Пацана под взрослого мужика никак не замаскируешь, вот что обидно. А тут просто выскользнул из-за угла и, влетев в купе, насадил горло вора на клинок. Как тот ни берегся, а ничего сделать не успел, даже просто пошуметь. Я же удерживал его руки, чтобы тот не произвел шума. Издавал звуки, конечно, но не до такой степени, чтобы спящие дружки проснулись. Пока тот булькал горлом на полке, я быстро осмотрел спавших воров. Тихо. Взяв за ствол револьвер, он у меня до этого за поясом был, и со всей пролетарской ненавистью опустил рукоятку на голову того, что лежал на нижней полке. После этого, подхватив под мышки все еще дергающееся тело подрезанного, он, похоже, отходил, и так же волоком потащил к тамбуру. Блин, да я бревна на нашей стройке таскал, так вот, тела убитых не менее тяжелые. Не знал, что трупы становятся тяжелее, чем при жизни. Как-то раньше заниматься их перетаскиванием не приходилось. Раненых во время службы в армии носил, но на носилках, а так нет, не бывало.

Зрелище, наверное, сюрреалистическое. Ладно хоть все спят, глубокая ночь, да и сам перестук колес и шум поезда гасил все звуки. Крови вроде на полу не оставил, клинок из раны я не доставал. Сделал это уже в тамбуре, тем более пока тащил, вор, подергавшись в агонии и поскоблив сапогами по полу, отошел. Эту тушу я и так с перенапряжением своих детских сил волок, так он еще дергался, мешая мне. Пришлось постоять в тамбуре, перевести дух. Пот по спине так и струился, майку хоть выжимай.

Выдернув нож, вытер клинок о полу пиджака и быстро его обыскал. В этот раз трофеи убирать в свой вещмешок не стал, в углу сложил, некогда было. Кстати, у вора я нашел патроны в карманах, а вот револьвера не было, похоже, он остался на полке, где тот сидел. Нужно посмотреть. Открыв дверь, я выкинул тело обчищенного бандита наружу. То, что бандита, уже

смог убедиться, у него документы были на нескольких человек. Вот так избавившись от тела, я побежал за следующим, уже третьим воров. Прежде чем его тащить к тамбуру, снова перевел дух, заодно и потерянный наган нашел, действительно с краю нижней свободной полки лежал. Тот, видимо, на нем сидел, прижимая бедром, когда я налетел и ударил в горло ножом, ладно хоть не смахнул на пол, когда тело брал. Вот с третьим воров затык, если два первых вора в принципе имели, скажем так, тщедушное телосложение, и я кое-как перетаскивал их, при этом стараясь не издавать шума, движение поезда гасило скобление ног по полу, то этот третий был боровым, и я его просто не утащу. Даже поднять сложно, честно говоря. Пришлось поступить по-другому. Я встал на нижнюю полку и приглубил четвертого, потом перебрался на полку напротив и так же рукояткой нагана прошелся и по пятому. По несколько ударов делал, чтобы наверняка. Ну вот и все. Теперь за дело. Открыл окно и, сняв со стола всю еду и карты, подтащив третьего, перевалил его через окно. А прежде чем выкинуть, нанес три удара рукояткой револьвера в висок. Судя по хрусту, не жилец. Обыскать его предварительно, конечно же, не забыл. Надо же, почти такой же комплект, да и наган имелся. Когда сталкивал, даже не смотрел, как тело кувыркается по откосу. Луна, можно увидеть. Закрыл окно, в купе занесло паровозного дыму, и задумался, правильно ли поступил. Воры могут и мстить, если поймут, кто их распотрошил, а оно мне надо, да еще с семьей за спиной? Нет уж, никаких свидетелей и точка. Двух оставшихся тоже нужно сопроводить наружу, желательно в неживом виде. Жаль проводника не приглубил, может и выжить, как и опознать, наверняка ведь запомнил. Ладно хоть, когда вырубал его, не светил лицо, но тот и по комплекции мог догадаться, кто на него налетел.

Обернувшись, аккуратно сбросил с верхней полки четвертого, благо тот имел невысокий рост, но весил, правда, изрядно. Пришлось и его в окно. Видимо, перетаскивание первых двух подорвало мои силы, их просто не осталось. Обыскал прямо тут на полу в купе, нормально, да и добил, сбросив тело через окно, а вот когда с пятым возился, видимо, кого-то разбудил, сбрасывая тело с верхней полки вниз. С четвертым такого не было, а тут кто-то проснулся. Мимо четырехместного купе плацкартного вагона, подтягивая штаны, прошел мужик с самым сонным видом, и щелкнула защелка туалета. А я так и просидел у тела, пока тот не вернулся, вместе с запахом табачного дыма. Вот что его задержало, он еще и курил. Ладно, после обыска пятого смог приподнять его и, перевалив через створку окна, отправил под откос. Только после этого, сидя на нижней полке и переводя дыхание, смахивая пот со лба, я снова включил ночник, сняв мешки с полок. Тяжелые какие. На вид обычные деревенские наспинные мешки с ляжками, даже не сидоры. Не скажу, что редкость, но все же вещмешки как-то больше были распространены, чем вот такие наспинные мешки из мешковины или другого материала. Во всех деревнях хозяйки их сами шьют, так что единого образца нет, вот и тут два от трех отличались.

Открывал по очереди и доставал содержимое. Через пару минут я сидел, озадаченно разглядывая добычу. Без сомнения, воры были курьерами, как я предполагал, но я думал, деньги везут, а тут золото, даже в слитках было с оттисками банка СССР, ну и разная ювелирка. Все это тщательно упаковано, примерно по два «кирпича» золота груза в каждом мешке, остальное тряпье, чтобы мешки не казались полупустыми. Хотя деньги тоже были, тысяч триста в новых купюрах, некоторых даже имели банковские пачки. Сложив все обратно, забрал все пять мешков. Только в трех был ценный груз, в двух еда, ну и все, что нужно было в дорогу. Даже две непечатые бутылки водки нашел, видимо, планировали отметить прибытие и сдачу груза. А все мешки взял, чтобы подумали, что те сами покинули поезд, и проводника на них свалил. Разберутся, конечно, когда тела найдут, но это когда еще будет, тем более война на носу.

Вернувшись в тамбур, быстро сложив всю добычу в один из свободных мешков воров, мой и так был полон, открыл дверь и стал сбрасывать мешки один за другим, после чего, сгруппировавшись, шагнул и сам с гитарой в руке. С такой добычей в поезде оставаться глупо, значит нужно покинуть его. Все я просто не унесу, будем делать схрон. Покрутило изрядно, но я

остановил падение и быстро себя ощупал. Гитару я, когда упал и стал перекатываться мягко, даже осторожно откинул в сторону, чтобы не повредить и не раздавить своим телом. А так отлетела в траву и вроде целая, нужно посмотреть. У самого синяки, возможно, есть, но, к счастью, не пострадал.

Достав из-за пазухи кепку, надел ее на голову и, оставив осмотренную гитару на месте, к счастью, пережила она полет благополучно, пробежался вдоль путей, собирая добычу. Проблема была с одним мешком, еле нашел его в камышах, далеко укатился. После того как добыча оказалось сложена в одном месте, я спустился к болоту, метрах в ста серебрилась вода, и стал смывать кровь с рук. Все же уделался. Потом, отмыв обувь, вернулся к мешкам.

Там достал одежду, купленную на рынке Москвы, хорошую, крепкую, для похода самое то, и переоделся, а свою отнес обратно к воде и тщательно постирал. Правда, все больше на ощупь, рассветет только часа через два, но хоть так, зато очень тщательно это сделал. Выжал и вернулся к мешкам. Было прохладно, так что я накинул сверху кожанку, купленную в Москве. Теперь нужно думать, что делать дальше. Все я не унесу, это факт, значит нужно отобрать, что беру с собой и что оставляю в сделанном схроне. Когда я еще собирал мешки, то видел на путях, откуда мы приехали, какие-то огоньки. Нужно сбегать и посмотреть, что там, вообще определиться на местности, а то я даже не знаю, где находился. Пробежка немного остудила разгоряченного меня. Проведенная разведка показала, что огоньки были у сторожки, тут проходила автомобильная дорога через пути. Отлично. Главное местному работнику на глаза не попасться. С новыми данными идея со схроном тихо угасла, попутками я и с добычей доберусь до своей деревни. Попутки наше всё. Правда, много времени потеряю, но что ж делать.

Вернувшись, я расстелил свою куртку и стал укладывать на нее все золото. Так-то свертки в мешках не так и много места занимали, остальное, как я уже говорил, тряпьем для объема забили, вот все лишнее я и откладывал. Да и пачки денег куда больше места занимали, целый мешок ими забит был, ладно хоть в крупных купюрах были. Как и думал, все золото уместилось в один из мешков. Правда, собака, тяжеленный теперь стал, примерно двадцать кило. Я с некоторым трудом оторвал его от земли и плюхнул обратно. Пришлось распределять золото по двум мешкам, вот теперь легче. В эти же мешки рассортировал и пачки денег, набив их ими полностью. Свой мешок я не трогал, тот и так забит, а вот в один из освобожденных сложил остальные мешки, пригодятся, туда же все оружие и почти всю добычу с тел воров, включая боезапас. Пересчитал патроны, у всех пятерых были наганы, оказалось почти четыреста штук. Видимо, оборонять груз те собирались до последнего. Думаю, это общак, вполне возможно перевозили или меняли место хранения. Не скажу, не знаю. Искать его будут сто процентов, так что нужно будет хорошо спрятать, да и следов не оставить. А так, по моим прикидкам, все чисто сделал.

В общем, получилось четыре мешка, мой, второй с трофеями и оружием, да и мешками, ну и третий с четвертым, самые ценные, с золотом и деньгами. Деньги, думаю, пригодятся, я правда на другую добычу рассчитывал, но теперь есть на что дом в Москве покупать. Один наган у меня за поясом был. С десятков патронов в карманах, остальное убрал. Все, что мне не нужно, связал узлом, все барахло из мешков воров, это все и притопил в болотце, где мыл руки. Для этого пару найденных у путей булыжников использовал, так что булыкнуло хорошо. Круги не успели разойтись, как я вернулся к своим вещам.

Почесав затылок, я взял два мешка, один с золотом за спину, второй с моим имуществом и подарками в руки, гитару на одно плечо – и понес их к сторожке. Там сошел на дорогу и, пробежав около километра, спрятал все в кустах. Потом вернулся и с трудом закинул второй мешок с золотом за спину, ляжки так и врезались в плечи, упру, свое теперь, так что точно упру. Мешок с добычей с воров в руки и, вернувшись на пути, посыпая время от времени свои следы табаком, все воры курили и пачки папирос были в добыче, есть чем собакам нюх отбить, направился к двум первым мешкам. Так же тихо прошел мимо сторожки, там вдруг

собака забрехала, видимо услышала меня, не знал, что там собака, но я уже торопливо удалялся, тяжело дыша, весь мокрый от пота и напряжения. Ну очень тяжело. А вот в сторожке свет загорелся, разбудила собака хозяина. Вот так остаток ночи и шел. Пару километров два мешка нес с гитарой, потом еще вторую пару. Когда железка осталась километрах в четырех позади и начало рассветать, я устал и упал рядом со всеми четырьмя мешками, тяжело дыша. Выложился полностью, сил больше не было.

Почти час в себя приходил, всю воду выхлебал. Силы и так были подорваны, пока трупы воров таскал, а тут еще и это. Уже совсем рассвело, так что я выглянул из кустов. Дорога тут оказалась вполне себе активной. Пока лежал и отдыхал, звуки моторов не раз слышал, а точнее восемь раз. Вот и сейчас очередной фургон пылил, что на базе «полуторки». Присмотревшись, я понял, что везут хлеб. Видимо, по ближайшим деревням развозят с хлебопекарни. Когда фургон пропылил мимо, дорога была сухой, вернулся к мешкам и задумался. С золотом я далеко не уйду, нужно сделать временный схрон и прогуляться до ближайшего населенного пункта, хотя бы определиться на местности. Требуется только узнать, где я вообще. То, что даже до Новгорода не доехали, это точно, я бы знал, значит, до родной деревеньки несколько сотен километров. Печально. Единственная проблема на данный момент, это схрон. Вокруг я не наблюдал ни одного деревца, поля, да только вот этот кустарник на краю оврага. А вот по оврагу ходят, все истоптано коровами, следов хватало. Видимо, на водопой тут гоняют буренок. Так что остался один кустарник. Больше мест для схрона я не видел.

Нож в руки и за работу. Схрон получился хоть и временным, на сутки, не больше, но отличным, а вот как только листья пожухнут, обнаружить его труда не составит. Оставив все мешки с гитарой на месте, я вышел на дорогу и направился дальше. Пару раз меня обгоняли машины, но тормозить я их не спешил, вот водители и не останавливались. Когда поднялся на небольшую возвышенность, рассмотрел вдали какую-то деревушку и поспешил к ней. Мне навстречу попались мальчишки из деревни с удочками и ведрами в руках, видимо к озеру шли, оно справа у меня осталось, вот их и опросил, разобравшись, где оказался. М-да, далековато до дома. Километров четыреста пятьдесят будет, даже чуть больше. Одну станцию до Вышнего Волочка не доехал.

Вернувшись обратно, я вытащил мешки к дороге и сел на один с золотом, примяв пачки с деньгами, ожидая попутку. Первая машина проскочила не останавливаясь, ну «почта», это правильно, а вот следующий грузовик с пустым кузовом остановился на мою поднятую руку. Молодой парень в солдатских штанах и гражданской рубашке поинтересовался, куда я еду. Ответил ему, что в небольшой городок в ста километрах от того места, где мы стояли. Тот почесал заросший затылок и сказал, что километров сорок нам по пути, пригласив садиться, и когда я мешки убрал в кузов, тот удивленно поинтересовался, что я везу в самых тяжелых. Ответил просто, свинец купил, для отца-охотника, сняв этим все вопросы. Парень вообще из другой области был, ехал за фабричным оборудованием, третий рейс делал, так что дорогу знал, как свидетеля, если будет расследование, найти его трудно, вот так по-тихому и заметал следы.

После первой машины набился в попутчики старику на телеге, и этот удивился тяжелым мешкам, но байка с купленной свинцовой дробью для отца и тут сработала. Вот так на перекладных и ехал.

Все же везти золото к себе в деревню я посчитал опрометчивым. Когда добрался до шоссе, что вело к Пскову, оно так и считалось Псков – Москва, я подобрал крупный лес, что шел у дороги, и, покинув попутку, снова перенося мешки, перебрался на опушку. Там пробежался по лесу, нашел отличное место для схрона, дупло в дубе, перетащил золото туда. С помощью веревки, купленной в деревне, где ночевал, поднял и укрыл внутри. Большую часть денег также спрятал. Ну и замаскировал разным мусором, листвой и веточками. Теперь при мне два мешка и гитара. Уже лучше. Я оставил с собой три нагана, два в схроне остались с

половиной боезапаса, около пятидесяти тысяч рублей. Ну и другие трофеи с воров. Уже свободно покинув лес, отошел подальше и остановил следующую попутку.

На вторые сутки сел на рейсовый автобус до Пскова, потом, на третьи сутки пересел на рейсовый автобус до Гдова, дальше на попутках до Сланцев. До дома добрался ближе к вечеру пятого дня. Переночевал в одной деревушке, на сеновале, ничего за это хозяева не взяли, даже покормили. На подъезде, в лесу у райцентра спрятал второй мешок с деньгами и оружием. Поступил со схроном так же, нашел пустое дупло на шести метрах высокого дуба, вот все внутрь и убрал, а сверху завалил мусором, листьями и разными веточками. Схрон первоклассный. Даже наган, который уже привык носить за поясом, убрал в схрон. Чуть позже вернусь и, почистив, смажу все оружие для долгого хранения.

Вот так вернувшись на дорогу и закинув лямки мешка на одно плечо, двинул дальше. Думаю, родители беспокоятся, даже очень, я должен был вернуться еще неделю назад, однако дел в Москве было немало, да и дорога вон, тоже заняла изрядно времени. Когда деревня наша открылась моему взгляду, я отметил, что наш дом уже под крышу заведен, более того, даже железом крыт, ведутся внутренние работы. Две оконные рамы уже были вставлены, причем открывающиеся, но пока без стекол, у третьего пока чистый проем. Не успели раму поставить. Работы там шли, и активно. Постояв на месте, рассматривая с дороги уже ставшую родной деревушку, вздохнул и энергично зашагал дальше. Первой меня мелюзга деревенская заметила, среди них и мои сестрички были, так что шуму на всю деревню, я вернулся. На шум начали и взрослые собираться, к нашему двору и отец спешил, ему уже донесли обо мне.

Когда отец, торопливо дойдя до калитки, степенно вошел во двор, я как раз заканчивал обниматься со всеми. Отец тут же задал вопрос, его и раньше задавали, но я просил дожидаться отца, а тут ответил:

– Хорошо съездили. Отлично. Таня поступила во Второй Московский государственный медицинский институт. Я ее в Москву отвез, она сдала все экзамены и теперь в общежитии устраивается. На врача будет учиться. У нее три года впереди, чтобы определиться, кем по специальности она будет. Учеба через два месяца начнется. Это еще не все, в общежитии есть телефон, если хотите поговорить, позвоните, ее, если она на месте, позовут, и поговорите. Телефон в райцентре есть, на почте. Номер я записал. Потом можно будет договориться на определенное время для звонков, чтобы она ждала. Это еще не все, я ее рядом с местом учебы на работу устроил, санитаркой в больницу, будет постигать медицину с низов, да и приработок хоть какой-то.

Пока все переваривали все, что я только что сказал, развязал тесемки мешка и стал доставать подарки. Это немного отвлекло родителей. Дед с бабушкой ладно, они нормально все восприняли, тем более Москва есть Москва, однако, к моему удивлению, и отец нормально все принял, удивленно почесал затылок и махнул рукой, мол, врач так врач, тоже профессия хорошая. С воров я снял трое наручных часов, вот те, что поновее, и подарил ему, подарок, мол, из Москвы. Конфеты для мелких немного помялись, но те все равно встретили их с радостью. Но им еще не все, картинки-раскраски купил и краски с кистями. Пусть рисуют. Марине, своей сестричке-близнецу, что так же прибежала на двор, подарил нарядное платье, Таня выбирала, если не подойдет, все претензии к ней. Но подошло отлично. Деду курительную трубку, а то он все мундштуком пользовался, а также зажигалку, матери два новых платья, они с Таней одинаковые фигуры имели, как и размеры ног, так что и обувь была. Бабушке нарядный платок, головной. Маме вернул все, что Таня у нее занимала. Отцу пачку денег, даже больше, чем он давал на поездку. Тот и так понял по количеству подарков, что дело нечисто, поэтому терпеливо ждал, когда можно задать свой вопрос:

– Откуда?

Ему я рассказал ту же историю, что и Тане, с найденным в лесу трупом, сразу же повинившись, мол, если бы все отдал, Таню на врача бы не увез учиться, а так и ее хорошо устроил,

и им хватит, даже для стройматериалов на дом. А они были нужны, как я только что от мамы слышал. Стекла покупались только за наличку, а у родителей ее уже не осталось, так что мое возвращение пришлось как нельзя вовремя.

– Ты все давно планировал, – горестно покачал отец головой и, сжав мне плечо отошел в сторону, закулив.

– А ты бы разрешил? – честно и прямо спросил я.

Молча посмотрев на меня, тот сел на завалинку покосившейся избы, задумался и отрицательно покачал головой.

– Чего и стоило ожидать. Ты не обижайся, позже поймешь, что я все сделал правильно. По-другому я поступить просто не мог.

Отец не стал спрашивать почему, а продолжал задумчиво курить, глядя себе под ноги, ну а я стал общаться с семьей, все же больше двух недель не виделись.

* * *

Отряхнув ноги от воды, сидя на стволе дерева, что склонялось прямо над родником, я стал вытирать их полотенцем. Посидев так, поглядывая вокруг, глухая чащоба жила своей жизнью, и, перебравшись по стволу к берегу, намотал по очереди портянки и надел сапоги. После чего, подхватив винтовку и забрав добычу на сегодня, задумался на миг и энергичным шагом двинул обратно в деревню. Полдень, информация уже должна была распространиться. Сегодня двадцать второе июня тысяча девятьсот сорок первого года. Несмотря на то, что я отправил письма, скажем так, компетентному лицу, не думаю, что сроки изменятся. Если вообще моим сообщениям поверили. А как можно проверить? Я хорошо помнил только то, когда начнется война. Ну и дальше. Для проверки этого хватит, но были ли приняты контрмеры? Вот это и волнует. Насчет Берии, с кем его расстреляли, да когда и кто, так это случайность, попалась заметка, прочитал, и зацепилась в памяти. Сколько голову ломал, выцеживая из памяти фамилии тех, кого расстреляют с Берией. Все для достоверности.

Сегодня добыча молодой кабанчик, я его уже разделал, насадил мясо на крепкую срубленную ветку и так, на манер коромысла нес все к дому. Двенадцать кило, не шутка. Плечи менять приходилось часто, палка впивалась, больно. А до дома еще километра четыре.

Энергично, но тяжело шагая, обходя труднопроходимые места, я тут уже не раз ходил, места знаю, так что мысленно уже прикинул, как и где идти, чтобы максимально сократить путь. Так вот, шагая, я обдумывал свои дальнейшие шаги. Ту нашу вольность с Москвой родители приняли, отец несколько тяжело, но тоже. Именно тогда он и признал, что теперь считает меня взрослым, ну и ответственным за свои слова и поступки. Дальнейшая моя жизнь протекала так же, как и до поездки, выполнял задания в лесу, на повозке, бывало, развозил соль для лосей к кормушкам. В общем, замещал его как мог, ну и про добычу не забывал, с нее кормилась вся деревня, тут особо жадными мы не были. Отловили несколько браконьеров, тоже неплохо.

За месяц отец с приятелями и друзьями закончил дом, мы уже переехали, мелкие недостатки он заканчивал так, походя. Даже мебель частично закупили, а частично сами сделали. На повозке я возил маму и бабушку с сестричками в райцентр. Четыре раза они уже с Таней по телефону общались, все хорошо проходило, она изучала Москву в свободное время, а по вечерам работала санитаркой. Закупала все для учебы, в общем, готовилась. В остальном все, как и прежде, разве что радостное событие неделю назад было, новоселье. Но о нем я уже говорил. Один раз я посетил свой схрон в дупле, как и обещал сам себе, тщательно почистил все оружие. Сам схрон был цел. В отличие от семьи, для меня этот месяц прошел скорее в ожидании и подготовке, я прекрасно знал, что начнется вскоре. Также я знал, уверен в том, что отец мое решение с переездом не поддержит, он слишком много сил вложил в строительство дома. Да

и несмотря на то, что родни у нас практически не осталось, это родные земли. У отца близкие только дед с бабушкой, остальные умерли, или Гражданская забрала, как родных братьев отца. У мамы была родная сестра, младшая, вышла замуж за офицера, вернее правильно говорить краскома, и проживала на Севере. Тот вроде пограничником был, комендатурой командовал. Я о них знал, что они вообще есть, и на этом все. Редкие письма были, ну и мы такие же редкие письма отправляли. Последнее при мне, как раз после возвращения, мама сестре написала, что Таня поступила учиться на медика в Москве. Она, по-моему, всем кому могла об этом рассказала. Когда мама приняла эту новость, то даже обрадовалась, что наша со старшей сестрой афера состоялась. Вот такие дела.

Сам я особо ничего не делал, не привлекал к себе внимания, практически все время пропадал в лесу, обходя участок отца, ну и проводя другие работы. Я об этом уже говорил. Единственная моя подготовка, которую я все же проводил, это запасал продовольствие. Когда мы ездили в райцентр, а мама с бабушкой и сестричками на почте общалась с Таней, я закупал в магазине все, что мне было нужно. В основном продовольствие для дороги, ну и разные вещи, включая медикаменты. Все это хранилось в тайнике неподалеку от райцентра. Будем уезжать, заберем. А так я уже все распланировал, и думаю, у нас все получится. Вот только отец... отец уехать не даст. Было только одно решение и, к сожалению, единственное из среди возможных. Отца заберут в армию, призовут, это сто процентов, это неизбежно, вот когда это произойдет, и с другими односельчанами он отправится на призывной пункт, после проводов все и будет решаться. Тогда соберемся и покинем эти места, двинув к Москве. Главное не переждать, а то поздно будет, на оккупированной территории окажемся, а этого очень не хочется. Я даже придумал, как это проделать. Служебный транспорт отца, лошадей и повозку, скорее всего, заберут на нужды армии, значит, будем покупать. Дом наш новопостроенный передадим или продадим, да на ту же телегу с лошастью поменяем, это сейчас ценнее, и двинем в Москву. Я уже прикинул, одной повозки нам мало, две будем добывать.

Это все в планах, а так все будем проводить по ходу дела, импровизируя при нужде. Гибкая идея получилась, по сравнению с жестко прописанным планом. Вот так размышляя, я сам не заметил, как дошел до опушки. Хорошо отвлекся. От опушки я заметил, что от деревни люд торопился по дороге в сторону леспромхоза. Радио в деревне не было, не подвели пока, а вот как раз в леспромхозе имелось, видимо, передавали сообщение Молотова.

– Что случилось? – спросил я знакомую старушку, что жила через два дома от избы деда. Кстати, дед с бабушкой также переехали в наш новый дом.

– Война, внучок, война, – вздохнула она и засеменила дальше, горестно качая головой.

– Угу, понятно.

Посмотрев, как соседи торопятся по дороге к леспромхозу и, перекинув палку на другое плечо, заторопился к нашему дому.

Войдя во двор, вдохнул хвойный аромат от бревен. Отец, закончив с домом, возводил хозпостройки. В принципе, они и так были закончены, просто доделывали дощатую крышу внахлест. Но сейчас инструмент раскидан и никого во дворе, кроме бабушки. Она меня тоже не обрадовала, немцы напали сегодня рано утром. Почтальон верхом был в деревне час назад, сообщил такую беду. Я лишь мысленно выругался, похоже, информацию мою серьезно не восприняли. Ну и ладно, теперь воспримут и будут знать, чего ожидать, хоть как-то подстрахуются.

Убрав мясо на ледник, я тоже побежал к радио. Не успел, все уже возвращались, тут же были и мои. Те, кого новость застала в деревне. Марина, сестренка моя, например, была в райцентре, по школе помогала. Там у школы участок был, высаживали разные овощи для школьной столовой, и она там помогала. Наверное, тоже новость такую получила. Сообщив отцу о добыче, с количеством мяса по весу, тот молча кивнул, принимая информацию, также сообщил, что набрел на незаконную выработку. Вывозили стволы деревьев на тракторе. Следы те же, что и на другой выработке, найденной мной две недели назад. Вырубать деревья было

можно только после разрешения отца или его начальства. Он такого разрешения не давал, начальство тоже, тот ездил в город, узнавал. Нужно отлавливать браконьеров. Тракторов у нас на районе не так и много, следы я запомнил, можно проехаться, посмотреть, кто это тут такой наглый. Брать нужно, когда рубить будут, с понятыми и милицией. Однако сегодняшнее сообщение, похоже, ставило крест на планах отца. Правда, он все равно был ответственным, даже по такому делу. Так что будем искать.

Мы все вместе дошли до дома. Работы по нему на сегодня были явно прекращены, все помощники, что нам помогали, разошлись по своим домам, остались только двое, им до дома далеко идти, но работать все равно не стали. На столе в саду отец поставил литровую бутылку с самогоном, бабушка накидала закуски, так что мужики провожали последний мирный день. Вот так взрослые и квасили, к ним еще дед присоединился, похоже, они прекрасно представляли, что это за война будет, ну или просто повод нашли. А вот молодежь школьного возраста вводила меня в ступор, бегали, кричали «Ур-ра-а-а!» Это вообще как? Война, столько смертей...

Мозгов вообще нет, да и те, что старше, кто уже школу закончил, тоже были в приподнятом настроении и рвались к военкомату. Их стремления меня радовали, но не настрой.

Так вот, пока отец сидел с мужиками и дедом в саду, я занялся инструментом, все собрал, даже на почти доделанную крышу хлева лазил. Все сложил, где и должны храниться, да и по двору убрался. В общем, день не однозначный, с одной стороны, многие радуются, по моему мнению, те у кого мозгов нет, другие пьют горькую, видимо, как раз мозги имея. Мама тоже дома не засиделась, велела взять мне окорок свежеебитого кабанчика и поспешила к соседям, я у нее за носильщика был, все же на последних месяцах беременности. Тяжести лучше не носить. Отнес, мне несложно, тем более там тоже была большая семья и много детей.

День этот очень долго длился, но все же прошел. Отец утром с больной головой запряг Ветерка и ускакал в город, к начальству, ну а я потопал в райцентр по тропинке, по которой мы бегали к школе. В школу и шел. Директриса была на месте, немного нервная, по радио передавали обстановку на границе, но только общее, идут бои, а у нее там на западной границе сын служил. Меня она выслушала внимательно и согласилась выдать подписанные табели с оценками мне с сестрой и двум младшеньким, остальные в школу пока не ходили. Вопросов директриса не задавала, за два часа все сделала, с оценками и подписями преподавателей. У меня почти все пятерки были, только одна четверка. И в прошлой жизни, и в этой черчение мне не давалось.

Вернувшись, все документы я спрятал, не стоит их пока показывать. Еще следует маму, бабушку и деда отвезти в райцентр насчет паспортов вопрос решить, ни у кого документов просто не было, но с отцом это не прокатит. Может что-то заподозрить. Хотя мама у меня умница, намеками можно попробовать воздействовать на нее, нам документы кровь из носу нужны. Оба родителя у меня беспартийные были, даже не комсомольцы, документов фактически и нет. Ладно, позже решим.

Со школой, как я уже говорил, проблем не возникло, так что мы продолжали жить. Мама с Таней пообщалась, она нервничала, но мама убедила ее не ехать к нам, как та хотела, а спокойно дожидаться начала учебного года и учиться. К моему удивлению, отца призвали не сразу, почти две недели прошло. До такой степени тянули, что стало слышно, как гроыхает вдали артиллерия. Из нашей деревни уже троим повестки пришли и те ушли на призывной пункт, когда почтальон постучался и в нашу калитку. Ох, как мама заголосила, но быстро смолкла, когда отец на нее шикнул. Проводы мы отгрохали шикарные. Я впервые видел отца без бороды. А он оказалось вполне молод, всего тридцать девять лет, но усища оставил, как у Буденного. Провожали его в райцентр пешком, всех лошадей и повозку у нас забрали еще неделю назад, мы пешком обходили наш район.

Отцу вещи в дорогу собирала мама, когда она отлучилась, я половину выложил, барахло всякое, и положил свое, консервы, крупу, сухарей, хороший нож, да наган с сотней патронов. Ну и фляжку с водкой. Как же без нее? Отец разберется, я ему сверху записку с содержимым положил, чтобы перед другими не светил неучтенное оружие. Вот так попрощавшись, он устроился в кузове одной из трех «полуторок», они полностью призывниками были заняты, и машины уехали куда-то в тыл.

– Вот и остались мы одни, – дед стянул кепку и вытер ею лицо.

– Это точно, – кивнул я, после чего, резко развернувшись на каблуках, отрывисто стал говорить: – Вам всем троим нужно срочно получить паспорта с пропиской. Сейчас идем в райотдел. Я уже все узнал, должны выдать.

Вокруг меня стояли все, все же отца провожали, так что слышали все, что я сказал. Кстати, только сейчас грузовички с пассажирами скрылись с глаз на повороте дороги. Мама удивленно посмотрела на меня и поинтересовалась:

– Что ты хочешь сказать?

– Я прямо говорю, что уже завтра дня мы уезжаем в Москву. Немцы тут будут очень скоро, сами слышите отголоски артиллерии. Уже через неделю те будут тут, а то и раньше, так что нас к этому времени тут не должно быть. Я отцу записку в мешке оставил, чтобы писал на Танин адрес, общежития ее, нас тут уже не будет. Я не хочу, чтобы у вас или у меня стояла отметка в документах, «находился на оккупированных территориях, неблагонадежен». Не будет такого, я не допущу. Времени много потеряли, дотянутся, так что поторопимся.

Мы отошли ото всех чуть в сторону и общались вполголоса. Я старался убедить маму и дедушку с бабушкой. Если останемся, нам не жить. Побьют всех немцы. Одно упоминание того, что немцы даже детей не жалеют, решило дело в мою пользу.

Мама и так пешком с трудом одолела дорогу до райцентра, а тут совсем ослабла. Отси-делась на лавке у закрытого пивного ларька и кивнула. Раз нужно, паспорта будут. Я смог ее убедить, как в принципе и стариков. Сопроводив их до райотдела, люди тут были, все же время полуденное, мама осталась, бабушка писать и читать не умела, заявления мама написала, а мы с дедом и ребятней пошли по одному адресу. Сам дед был вполне грамотный, все же бывший артиллерийский унтер, но он мне был нужен, так что за всех мама с заявлениями отдувалась. Тут на окраине Сланцев мужик повозку продавал и двух лошадей, отличные лошади и транспортное средство. Но покупателей было мало, цену драл. Я тоже походил, но так, покрутился, посмотрел, а сейчас реально шли брать, деньги при мне. Хозяин был дома, крепкий такой пятидесятилетний мужик. Он без удивления нас встретил и начал показывать, что продает. Дурачина, даже цену не поднял. Две недели, как война идет, а цена у него та же. Дед не спрашивал, откуда у меня деньги, я попросил, так что он сам все осмотрел и кивнул, годные лошади и повозка. Уплатив, я попросил написать расписку, тот грамотным был и накарябал ее. Так что к райотделу мы подкатали все вместе на повозке. Мама с бабушкой и Мариной, она с нами не пошла, удивленно встретили наше появление.

Мама сообщила, что документы им не дали, заявление приняли, но не дали, на днях пришел приказ сверху. Не давать. Вздохнув, похоже, мы тут в пролете, вернемся к этому вопросу в Москве, посадили рядом со мной маму, бабушку назад к деду и ребятне, Маринка сама заскочила, и покатила в деревню. Малышня очень веселилась. В это время над нашими головами разгорелся настоящий воздушный бой, все зрителями были, даже я на окраине райцентра натянул поводья и наблюдал вместе со всеми, сопереживая. Так-то самолеты не раз полетали над нами, да почти постоянно, а тут настоящий бой. На немецкие бомбардировщики наскочила тройка краснозвездных истребителей, те сгруппировались и активно оборонялись. Что за истребители, я так и не понял, но не «ишачки» точно, силуэты не похожие, их ни с чем не спутаешь. И-16 над нами уже летали, так что их силуэты я запомнил, а эти новенькие, видимо, свежую часть перебросили.

– Смотри, горит! – радостно закричала Марина, показывая, как двухмоторный бомбардировщик с крестами на крыльях с дымным хвостом пикирует к земле.

– Эй, там же наша деревня, – озадаченно пробормотал я.

Почти сразу раздался грохот, и земля дрогнула. Мы понадеялись, что самолет упал далеко от деревни, да продолжали наблюдать за боем. Немцы в нем потеряли три самолета, наши один, летчик выбросился с парашютом, но далеко. Когда бой сместился и деталей не было видно, мы направились к деревне по объездной дороге. Вот Марина не выдержала, соскочила и побежала по тропинке. Так было быстрее. Те, что постарше, с Димкой рванули следом, ну а мы степенно двинули. Я по ходу движения объяснял маме, что ей нужно официально уволиться и получить на руки трудовую книжку, хоть что-то.

В это время рядом остановилась «полупортка» с хлебопекарни, на бортах было написано, полная милиционеров. Я тоже натянул поводья, останавливая повозку.

– Сашка, – обрадовался мне знакомый лейтенант Сережа из райотдела. Фамилии я его не знал. Он меня хорошо знал, мы с отцом участвовали в загоне банды недели три назад, как раз за несколько дней до начала войны. Взяли почти всех, по следам нашли, так что тот знал, что я следопыт.

– Немцев пятеро на парашютах выбросились. Без тебя мы их не найдем, тут леса сплошные.

– Понял, – кивнул я и протянул поводья деду, что сидел сзади. – Я постараюсь быстро.

– Не рискуй, – напутствовала мама.

– Мы немцев сами изловим, пусть только покажет, где они, – успокоил лейтенант маму.

Спрыгнув на землю, я забрался в кузов, двое милиционеров мне помогли, кузов открытый был, и сел на свободное место. Почти сразу машина тронулась с места, и мы по ухабам на максимальной скорости рванули к месту ближайшего приземления немцев. Жаль, я без оружия, лишь нож при мне, но и так я опасен, тем более вон шесть милиционеров с карабинами и трое, если лейтенанта в кабине считать, с револьверами или пистолетами. Справимся.

Нужно было поторапливаться, чтобы успеть выскочить из клещей двигающейся военной машины немцев, что сейчас стремились окружить войска под Ленинградом и Псковом. Пока же немцы рвались к Пскову, что оставался слева от нас, его возьмут со дня на день и пойдут дальше, так что нужно торопиться, однако я считал, что время у нас еще есть. Все равно завтра отбываем, что делать, мама и дед знали, будут проезжать мимо леспромхоза, заедут, мама официально уволится. Можно и так сбежать, но хоть какой-то документ или имитацию трудовой книжки получит. Сейчас это не сильно распространено было, чай не завод какой, обычный леспромхоз да лесопилка. Мама у меня там счетоводом работала. Сейчас за свой счет взяла, на сносях все же.

Пока мы ехали, я смог разобраться, что два самолета рухнули в лес, нашу деревню не зацепило, а вот третий наделал делов, упал на соседнюю деревню, что раскинулась на берегу Чудского озера, там сейчас пожарища. Один из милиционеров, что сидели в кузове, родом был оттуда. Родни много, переживал, мало ли кто погиб. Самолет-то шел с бомбовой нагрузкой, так и рухнул. Однако времени на это не было, где примерно совершил посадку один из парашютистов, рассмотрели пожарники со своей каланчи, они, кстати, за нами ехали, чуть отстав, видимо в деревню, дымы там все еще были. Или потушить не могли местные, или уже некому было. Так вот, место приметное, там возвышался дуб-исполин, вот рядом с ним парашютист и опустился, туда мы и ехали. Прикинув, что мы уже не так и далеко, я кивнул одному из молодых милиционеров, что сидел у кабины, и тот застучал по крыше.

– Приехали, – сказал я, когда лейтенант, встав на подножку, выглянул из машины.

Тот сразу стал командовать, мы с грохотом подошв по поверхности дороги попрыгали с кузова, и пока милиционеры выстраивались и летеха произносил речь, я отошел на опушку и принялся. Видимо, не так далеко рухнул один из самолетов, гарь до нас ветерок доносил.

Пожара тут не будет, сыро, болотистая местность, чуть дальше сопки. Наконец все, что нужно сказано, ну вот не могут без этого, и, выстроившись в колонну, милиционеры последовали за мной. Идти тут цепью просто глупо, лейтенант это тоже понимал. Мы быстро добежали до дуба, после чего оставив сотрудников милиции у дерева, я сделал несколько кругов, пока не заметил полотнище, что зацепилось об одну из веток другого дерева. Привел сюда сопровождение, и дальше мы побежали по следам, пока один сотрудник пытался сдернуть купол парашюта. Парашютист, оказалось, успел далеко уйти, почти километра на два, с километр до берега озера не дошел, когда мы его догнали. Даже отстреливаться пытался. Правда, безрезультатно, но сам получил пулю в плечо и был скручен. Вот так и вернулись, можно сказать закончилась наша эпопея. Лейтенант Сережа доволен, изловили. Про четверых других он тоже думал, но ловить их... С этим ладно, повезло, а других ловить в лесу это не один десяток следопытов и охотников нужно. В общем, без шансов, если только дивизию загнать, может что и получится.

Вернувшись к машине, мы сначала поехали не к райцентру, а к той деревне, что пострадала, нужно было посмотреть и узнать, сколько людей погибло. А погибшие наверняка были. У меня там был свой интерес, так что я охотно согласился прокатиться. Н-да, даже не ожидал, половину деревни взрывная волна от детонации бомб как языком слизнула, в центре огромная воронка и обломки самолета по окрестностям раскиданы. Покинув машину и распрощавшись с милиционерами, сказав, что к себе вернусь сам, я стал осматривать пострадавших. Мое внимание привлек дед лет шестидесяти на вид, что с хмурым видом отдавал распоряжения, встав у рыболовного баркаса, поврежденного взрывом. Я опросил часть выживших и узнал, что тот потерял подворье. Причем не одно, а семья у него большая. Вот к нему я и подошел.

– Добрый день, дед, – сказал я. – Есть минутка поговорить?

– Кондрата сын, – осмотрев меня, припомнил тот. – Говори.

– Уезжаем мы, а дом оставляем, в этом году срубленный, но почти законченный. Предлагаю обмен, дом на крепкую телегу с лошастью. Как, интересно?

– Интересно, – с охоткой согласился старик. – Родители-то согласятся?

– Отец в армию уехал, сегодня отправили, остальные согласны. Сами слышите, как за горизонтом грохочет. Немцы близко. Обходят озеро наше.

Старикан, а он и был глава семейства, быстро организовал телегу, их всего в семействе три было, мне она подходила. Так что тот сел со мной и младшими внуками, и мы покатали к нашей деревне. Там все было в норме, бабушка с дедушкой грузили в купленную сегодня повозку возможный скарб, остальные тоже собирались. Мама лишь вздохнула, когда я сказал, что привез покупателей на дом. Менял на телегу с лошастью. Дед тут же стал их осматривать, и это правильно, опыта больше, ну а я провел старика по дому и постройкам. Было видно, что все ему по нраву, так что мы ударили по рукам. С соседями я его познакомил, сообщив, что тот новый хозяин дома, так что все в норме. Старик на своих двоих с сопровождением ушел за домочадцами. Ему нужно семьи сюда привезти, у него их три от сыновей и дочки было, но заметно уменьшившихся, часть сегодня погибли. Так что тут и похороны, и переезд. Сыновья у него в армии, призвали, пара внуков тоже, один и так уже в армии был. В общем, если не поместятся, еще была изба деда, ее мы просто так отдали. Так вот, старик в сопровождении внуков ушел, а я подбежал к матери, чтобы узнать, как дела с отъездом. Выяснилось, что пока все в норме. Она успела уволиться и вот по приезду командовала, что брать. Я тут же провел инспекцию и сообщил, что барахло всякое, не нужные вещи, брать не стоит, только памятные вещи и то, что потребуется в походе. Это большой кусок брезента для навеса на случай дождя, десять на шесть метров, потом одеяла, спать, ну и посуда с запасами продовольствия. Еще отцовские справные инструменты. В принципе, все. Продовольствие из тех, что хранить долго, остальное оставляем. На причитание мамы и бабушки отрубил, деньги есть, все купим по приезду. Верьте мне.

Была еще одна проблема, о которой стоит утонить, мама на последнем месяце беременности, точно родит в дороге, так что бабушка все взяла с собой, тазик для воды, пару ведер ту и чистых тряпок да полотенец. Она роды у многих принимала. Опытная, знала, что делать. Мы же с дедом принесли в только что приобретенную повозку тюк брезента коричневого цвета, я туда положил четырехместную палатку из запасов отца, по службе штука нужная, пару матрасов, не на голой же земле маме спать, она не в том положении, чтобы не обращать внимания на подобное. А потом мы с дедом принесли оружейный ящик. Большая часть стволов из него была отправлена отцом на работу, сдал он оружие под роспись. Время после получения повестки у него было, через три дня с момента получения ему требовалось прибыть в райцентр. Так что он все успел, и дела сдать, оружие, по дому много чего успел, и мне наставления выдать. В общем, все что хотел, сделал.

Так вот, в ящике осталось всего четыре единицы оружия, это два двуствольных ружья, горизонталка и вертикалка. Личное оружие отца, он так-то в основном служебным пользовался, так что не расстрелянные, как новые. Третье, это берданка, тоже как новая, ну и моя винтовка. Ящик большой, можно было его и не брать, но я забрал все боеприпасы. Так что ящик на телегу. На задок, и сверху сыпал и сложил в коробах весь боезапас, накопленный отцом, ну и средства зарядания и все остальное, включая коллекцию отца холодного оружия, без малого пятнадцать единиц. Еле закрыть смог. Свою винтовку внутрь я не убирал, да и боезапас к ней, почти сто восемьдесят патронов, положил сверху. Один нож из коллекции отца повесил на ремень в ножнах, еще один, под руку, отдал деду, нужная вещь в походе. У того ремень хороший, крепкий, тоже ножны повесил.

Потом еще пробежался, наблюдая, как грузят посуду, кастрюли, сковороды, ну и тарелки с мисками. Продовольствие тоже брали, но не так и много, остальное все соседям раздали. Те не могли не поинтересоваться, куда мы собрались. Вот я и рассказал страшилки про немцев, посоветовав поступить так же. Многие призадумались, другие отмахнулись. Ну что ж, шанс я им дал, пусть сами думают. Последними сложил миски для собак, вот их, несмотря на возражения матери, я как раз собрался забрать с собой. Та тогда решила брать и кошек, у нас их две было.

Немного возбужденные мы легли спать, все же тяжелый день, завтра отъезд. Однако я как-то сам не заметил, как уснул.

Разбудил нас стук в свежесрубленные ворота, новые хозяева подъехали спозаранку. Еще даже не рассвело. Дед их впустил, а мы стали собираться. Младшие по очереди у рукомойника с ненавистью чистили зубы, щетки и зубной порошок в жестяных баночках я привез из Москвы, так что все собирались. Покормив собак, я отвязал нашего дворового пса и привязал его к задку телеги. Лайки и так носились вокруг возбужденные, их хвосты колечками мелькали тут и там. Наутро еще вчера вечером наготовили, так что мы покушали, взяли с собой хлеба и сала дня на три, дальше зачерствеет и испортится, ну и, попрощавшись с домом и соседями, покинули деревню. Уезжать тяжело даже мне было, что уж про остальных говорить, но что сделано, то сделано. Табели со школьными оценками я еще вчера отдал маме, и она аккуратно завернула их в платок со своими документами, вернее трудовой книжкой. Все это она и хранила. Даже мою благодарность от милиции со свистком. Последний у малышни забрала, их игрушка.

Останавливаться приходилось довольно часто, малые до ветру бегали, то одной надо, то другой, лучше бы всем вместе хотелось, но такое бывает только в сказках. На полчаса мы остановились в первый раз рядом с кустарником у дороги неподалеку от райцентра. Там дед помог мне откинуть деревянную крышку схрона и достать из него запасы. Мешок гороха, пару ящиков консервов, мешок муки, крупы разные. Но главное, две пустые канистры для воды. Будем возить в них запас, это обязательно. Еще был ящик с медикаментами. Сам все отбирал и собирал, бабушка тут же сунула в него нос и стала проводить инспекцию всего, чего я взял. У

родника мы залили воды в канистры. Вот я сразу флягу отца на пояс повесил, у деда была своя фляжка, трофейная, германская. Еще в схроне было жестяное ведро. Кастрюли это, конечно, хорошо, но готовить будем в ведре. Для того и купил. Кастрюли на ветку не подвесишь, а ведро запросто. Котелок я как-то достать не смог, так что ведро вполне неплохая замена. Еще было два ведра, взятых из дома, но это для хозяйских нужд, ту же скотину поить.

Этот мой схрон убедительно показал, что к отъезду я давно и тщательно готовился. Так как я убеждал, что в Москве нас будет ждать свой дом не хуже оставленного, то вот эта демонстрация позволяла верить мне. Да и так верили. Потом мы остановились за райцентром, там снова помогал дед. Я закинул веревку на нижнюю ветку с петлей на конце, ногу в петлю и так подтягиваясь, забрался к дуплу. В прошлый раз так же делал, веревку купил тогда в деревне, где ночевал. Потом все спускал к деду. Оружие и деньги в мешке, так что разложил все по двум мешкам, и мы отнесли их к повозкам, и так хорошо загруженным. Вот тут я решил, что пора вооружаться. Деду дал берданку, он ее хорошо знал, ну и патронов с пару десятков, у меня была винтовка, да наган незаметно под куртку за пояс убрал. Вот после этого, снова заняв свои места возниц, мы и покатили дальше. Я не передней телеге, той самой, что на дом сменяли, дед на повозке сзади. Там удобная скамейка была, так что мама ехала с дедом. Я даже подушку ей выдал, чтобы помягче было, все же подобная дорога как-то не для беременных.

Конечно же второй схрон, особенно то, что там хранилось, не могло не заинтересоваться всех, кто видел, как мы с дедом возвращались. Вот тот молчал, ничего не спрашивал, дымил своей трубкой, подаренной мной, и все. Хотя мне кажется, по весу тот догадался, что в мешках, но мнение свое держал при себе. Да и видел я, как тот ощупывал бок одного из мешков, где как трафаретом отпечатался один из наганов, так что и об оружии он знал. На все вопросы я отвечал, что там средства на наш дом, что в принципе было правдой, но за мешками, закопанными под остальными вещами, наблюдал, малым хватит смелости сунуть туда нос. Наш дворовый пес Шарик бежал за моей повозкой на длинной веревке, но было заметно, что он быстро уставал, все же мало движения, когда сидишь на привязи, а лайки носились вокруг, не обращая внимания на звонкий голосок Марины, что созывала их вокруг. Вот я не кричал, псы охотничьи, правильно обученные. Не потеряют они нас, можно быть уверенными. А вот коты удрали. Еще у первого схрона малые их отпустили и как ни искали, так и не нашли. Наверняка деру дали обратно в деревню. Ну и ладно, я кошек особо и не любил никогда. Так и катили, медленно, чтобы маму не растрясло, но неотвратно.

Подхватив ведро, полное родниковой воды, я разогнулся и, немного перекосившись на один бок, направился обратно к нашему лагерю. Лайки так и крутились рядом, приносясь, они уже успели напиться. Первые три дня дороги ничем особым не запомнились, кроме сильной усталости. Вон, даже Шарик больше на телеге ехал, чем бежал следом, но и он начал втягиваться, так что и мы втянемся. Двигались мы больше по лесным малоезженным дорогам, все равно основная забита, я уже подъезжал к ней. Затор за затором. Воинских частей на дороге было мало, но и их бомбили, на перекрестке видел битую с воздуха технику и работающую похоронную команду. Жуткое зрелище, надо сказать, но, похоже, мы часто теперь это будем видеть. Небо, как назло, без единой тучки уже какой день. В моих планах добраться до псковской трассы и посетить по пути к Москве тот первый схрон с золотом. Там уже дальше будет видно, но и так понятно, что идем мы на Москву.

Сегодня ночевали в ельнике, молодом, но густом подлеске. Сейчас чаю вскипятим и отправимся дальше. За час до обеда остановимся, и пока женщины будут готовить обед, мы с дедом обиходим и дадим отдых лошадям. За три дня схема движения и создания лагерей у нас с дедом уже была отработана, так что она становилась привычной. Да что это, пока мы катили по дорогам и по тропкам, нам встретилось на удивление мало народу. Но это ненадолго,

дальше дорогу я не разведывал. Так что придется выезжать на большую дорогу, к остальным беженцам и двигаться вместе с ними. Не очень хотелось бы, но придется.

Родник этот нашел Димка, что с лайками вчера оббегал окрестности, вот и наткнулся. Это хорошо, перед отъездом сегодня утром поменяем в канистрах воду на свежую. Сами мы за эти три дня по моим прикидкам удалились от деревни километров на шестьдесят, и это вполне неплохо, с учетом скорости нашего движения. Ничего, надеюсь, мы уже ушли за дальность действий передовых подразделений немцев, не хотелось бы с ними встречаться.

Шагавшая метрах в трех от меня Лука, она со мной за водой ходила, вдруг замерла на малохоженной, но нами же натопанной тропинке к лагерю. Обойдя ее, я и сам замер. Как же я их не услышал? На дороге у лагеря стояли немцы. Самые настоящие, в серой форме, в касках с поднятыми на них мотоциклетными очками, все увешанные разной амуницией, даже длинные тубусы противогазов были, у двоих карабины в руках, у унтера автомат висел на боку. Кроме автомата у него еще и кобура с пистолетом была на животе. Именно он и копался в наших вещах в повозке. К счастью, начал с той, которой дед управлял. Деньги были в моей. Уф, если бы вез золото, и немцы его нашли, то уничтожили бы семью, да как тех же свидетелей. Куш слишком большой, это надо понимать. Правда и деньги тоже серьезные, сумма большая, тут не знаю, как немцы поступят, отберут и уедут, или все же решат пострелять, как в тире по подвижным целям. Поди угадай. Вот и я не хочу.

Почти сразу сердце забухало, и адреналин выделился в кровь. Осторожно, стараясь не делать резких движений, а не то ближайший немец засечет меня боковым зрением, я поставил ведро на хвойные прошлогодние иголки и, присев на корточки, положив руку на плечо Луки, тихо сказал, прижимая ее к земле:

– Ложись и не двигайся. Ясно?

– Да, – тихо прошептала та.

– Лежать, – скомандовал я лайкам, и те выполнили приказ. Только уши с разных мест торчали и любопытные морды.

Сестренка уткнулась лицом в те же иголки, а я скользнул в сторону. Винтовка осталась в повозке, берданку деда уже нашли, стояла прислоненной повозке, но со мной был наган. Честно говоря, он как раз был предпочтительней, чем та же однозарядная винтовка, хотя и имел меньшую дальность, но тут в ельнике это даже хорошо. Густые кроны гасят звук. Видимо, именно поэтому я и не услышал мотоцикл немцев, «БМВ» стоял на дороге, причем в люльке был пулемет, но за ним никого, пулеметчик стоял, прислонившись к коляске, с карабином в руках.

В стороне перебежав через дорогу, я вышел к опушке у лагеря за спиной немцев. Выглянув из-под нижней ветки, быстро смотрелся. Наших, всех, и малых и старых, немцы собрали в одну кучу, было слышно, как всхлипывает самая младшая сестричка, Наташенька. У Вали с Ольгой тоже глаза как монеты, влага накапливается, а вот Дима насупился и исподлобья наблюдал за нагло хозяйничающими немцами. В общем, позиция хорошая, на траекториях выстрелов никого из наших не было. Так что, направив ствол револьвера на второго вооруженного карабином немца, он мне казался самым опасным, да и находился в стороне неудобно, нажал на спуск. Курок я взвел, еще когда подбирался к опушке, чтобы не привлечь шумом щелчка противника.

Выстрел неожиданно громко бахнул на не широкой просеке дороги, но я почти сразу же перевел ствол на унтера, что разгibasся над повозкой и, судя по согнутым коленям, хотел в прыжке перекатом уйти от возможного выстрела, опытный черт, но мой второй выстрел переломил его в пояснице. А я в это время уже выкатывался из-под елки. Туда, где я только что лежал, врезалась пуля, взрывлив землю и иголки, пулеметчик был очень проворен, успев развернуться и выстрелить навскидку, вот я ему с испугу и всадил три пули в грудь, пока тот дергал затвор, пытаясь выбить стреляную гильзу. Быстро вскочив на ноги, я пробежался и сделал

контроль, добивая немцев. Вокруг стоял крик и слезы, это наши панику наводят, но дед быстро вернул тишину, рывкнув на женщин.

– Они на трех мотоциклах были, два дальше уехали! – крикнул мне дед, подхватывая берданку.

Судя по тому, как у него дергалась голова, тот был в сильном волнении. Он сейчас не боец, ему нужно успокоиться.

– Знаю, следы видел, – ответил я, быстро обыскивая тела.

Дед, немного отойдя, запрягал лошадей, он же принес ведро, но не для костра, его Димка тушил пионерским способом, а поил лошадей. Когда тот закончил, то сбегав с канистрами к роднику, тут до него метров двести, присоединился ко мне. Я уже почти полностью раздел немцев, складывая трофеи в коляску мотоцикла, туда же и оружие убрал, а потом мы тела отволокли в ельник и забросали ветками. Все это делали, внимательно прислушиваясь к тишине леса, но лишь живность подавала голос, работы моторов мы так и не услышали. Пока было время, я опросил деда. Оказалось, нас догнали немцы, два мотоцикла с пятью седоками с ходу пролетели вперед, не останавливаясь, а замыкающий встал. Отобрали винтовку у деда, ею же приласкали прикладом по голове Шарика, что ворчал недовольно и гавкал, ну и согнали всех в кучу. Я как раз и появился, когда унтер обыскивал повозку.

– Молодец, что не стрелял. Немцы бы тогда разозлились и всех положили, – похвалил я деда.

Мы вернулись к дороге, и я помог деду закончить сворачивать лагерь и укладывать все на повозки, а потом под узду вывести их на дорогу.

– Дальше не поедem, туда мотоциклисты укатали, – сказал я своим. – Немного вернемся назад. Дед, помнишь то ответвление в паре километров? Туда свернем.

– Так оно заросло же, года два там никто не ездит. Наверное, есть для этого причина, – резонно сказал дед.

– Может, просто путь короче нашли? – так же резонно возразил я, пожав плечами. – Пока не проедem, не узнаем.

– С мотоциклом, что будем делать? – подойдя, спросил деда и, погладив руль, пробормотал: – Вещь.

– Я на нем поеду, метрах в ста впереди. Ты за нами. Мою телегу привяжем к задку твоей повозки.

– А ты на мотоцикле ездить умеешь? – искренне удивился дед. – Когда это успел?

– Брал уроки в Москве, там школа вождения была. Недельку всего, но на мотоцикле и на машине ездить научился, как и что делать теперь знаю.

Объяснение, честно говоря, слабое, но ничего другого мне просто в голову не приходило. Да и не было другого, только это, а оно необходимо было, и так много странностей во мне, на взгляд родичей.

– Ну давай, попробуй, – заинтересовался дед.

При этом мы постоянно крутили головами, поглядывая на дорогу и прислушиваясь. Слух тут мог и обмануть, ельник звук глушит хорошо, так что появление немцев для нас может быть вполне неожиданным. Осмотрев мотоцикл, я включил зажигание и одним рывком по заводной ножке запустил двигатель.

– Ну что, едем? – устраиваясь в седле, поинтересовался я, делая перегазовку.

– Мы за тобой, – кивнув, заторопился дед.

Вот Димка, вырвавшись из рук бабушки, соскочил на укатанное полотно дороги и подбежал ко мне:

– Можно с тобой?

– Это опасно... но можно. Садись сзади, коляска занята.

Счастливый братишка устроился позади меня, и я дал чуть газу, включив скорость, осторожно тронулся с места. Заглох, не та скорость. Методом тыка я разобрался в скоростях и пока- тил обратно по своим вчерашним и свежим сегодняшним следам немцев. Подкатив к ответв- лению, я встал у него и, заглушив двигатель, поднял очки на лоб. Такие же консервы были и у Димки. Он зеркально повторил мои действия. Рядом три лайки крутились, что нас сопровож- дали, одна, Белка, видимо, осталась с повозками. Кстати, Шарик был жив, его, конечно, крепко приголубили, шишка большая, без сознания он все еще, но жив, поскуливал только в забытьи, на моей повозке ехал, я туда его положил. Еле поднял тушу здоровую.

Когда повозки подъехали, я снова запустил двигатель и, подминая мелкую поросль, дорога действительно оказалась заросшей, поехал по ней, остальные свернули следом. Когда телега, что шла на буксире, также ушла в лес, мы с дедом вернулись на дорогу и срубленными ножом ветками, связанными в веники, замели следы. Туфтово получилось, откровенно говоря, повозки хорошую такую колею оставляли в мягкой почве, но ничего не поделаешь. Если немцы захотят нас найти, они нас найдут, так что чем шустрее мы будем удаляться от них, тем лучше. Вот мы и заторопились это сделать.

Честно говоря, дорога действительно оказалась ужасной, в одном месте мы объехали полуутопленный скелет грузовика, по бережку лужи прошли, но главное двигались, что не могло не радовать. Маринка, что отвечала за тыл, говорила, что пока тихо, погони нет. Ну а мы так и катили. Даже когда наступило время обеда, надолго не останавливались, напоили лоша- дей, пока мама с бабушкой готовили бутерброды. Хлеб уже к концу подходил, да и зачерствел, но хватило поесть. Чая не было, просто воды попили и продолжили путь. Была и хорошая новость. Шарик очнулся. Немного затуманенным взором осмотрелся и, напившись воды из миски, Марина поднесла, защитник все же, снова вырубился. Но в этот раз уже просто уснул.

Под вечер мы добрались до крупной дороги в этом районе, почти пустую, видимо, о появлении немцев тут уже знали. Выезжать на нее не стали, а стали разбивать лагерь, чтобы встать на ночевку, все слишком устали, чтобы продолжать движение, да и лошади не выдержат. После того как лагерь был разбит, а в ведре на костерке начинала закипать вода для похлебки, ко мне подошел дед, когда я возился с мотоциклом.

– Керосина мало? – понял тот.

– Километров на сорок, – кивнул я, стряхивая последние капли бензина из канистры в бак. – Надеюсь, повезет, и встретим наших армейцев, передадим им аппарат и оружие. Не за просто так, а за расписку, чтобы было видно, что мы тоже немцев бьем. Все отдавать не будем, так что давай смотреть трофеи, а то раньше времени не было.

– Давай, – с охоткой согласился дед, тут и остальные подтянулись, всем было интересно.

Три мотоциклетных плаща, их без разговоров забираем. Два свернули в аккуратные туки. Один расстелили на траве, куда складывали остальной хабар. Их трех очков одни остав- ляли, двое забирали, мы их уже оценили. От пыли хорошо защищают, так что нам тоже при- годятся. Пока родичи потрошили три немецких ранца, я выщелкивал из магазинов автомата патроны. Оставил их на два магазина, остальное забрал. Мало ли пригодятся, убрал в мешок с оружием, а его снова на дно повозки. Туда же в мешок убрал две гранаты на длинных дере- вянных ручках, тоже мало ли пригодятся, остальное с оружием убрал обратно в коляску. Даже «парабеллум» унтера не забрал, оставил. Дед присмотрел неплохие сапоги и, стянув свои, при- меривал с довольным видом. В общем, все три пары мы также забирали. У деда размер ног сорок последний размер и подобрать ему обувь невероятно сложно, приходилось по размеру у сапожника заказывать, а тут как раз у немчика оказался такой же размер, вот дед и был дово- лен.

Все ножи для карабинов с ножнами отложили. Продовольствие и все три ранца. Уж больно они удобные. К радости мамы, в ранцах были найдены колбаса и две краюхи хлеба. Бутылке самогона рад был только дед, понимал, что ему одному достанется. Правда, когда

мы закончили и сели ужинать, он только одну стопочку принял, остальное убрал, бережливо завернув бутыл в матерiu. Стресс, так сказать, снимал, вернее остатки его.

Себе лично я отжал бинокль унтера, он в чехле был, и его планшет с картой. Карту выложил, там отметки были, нашим интересно будет, а вот планшет, компас, карандаш и блокнот оставил. Пригодятся. По мелочам в карманах побитых немцев много что было, спички или те же зажигалки с куревом забрал себе дед, он у нас один дымил как паровоз. Деньги немецкие я тоже забрал, в принципе, как и документы мотоциклистов. Потом последние нашим отдам, в общую кучу я их не убирал, как и жестяные номерные солдатские жетоны мотоциклистов. Причина, почему я не затрофеил «парабеллум», была в том, что у пулеметчика в кармане обнаружился ТТ, с запасным магазином, правда патронов всего десять было. Свой наган я отдал довольному деду. Тот хорошо знал, как с ним обращаться, тем более оружие еще царского изготовления, офицерский, с самовзводом, а себе ТТ оставил.

Ночь прошла нормально, утром после плотного и горячего завтрака, все немецкие харчи мы съели, собрались и, выехав на дорогу, покатали по ней на восток. Ночевали мы метрах в пятидесяти от дороги, всю ночь по ней машины ездили, я ходил смотреть, наши. Под утро артиллерийский дивизион прошел, на конной тяге. Что печально, все шли от границы. Причем танков не было, трактора гудели, три гаубицы буксировали, а танков не было, видимо у границы потеряли.

Двигались мы по дороге километров восемь, когда я ближе к обеду заметил, тут лес расступился, что на окраине крупного села, раскинувшегося на холме, идут работы. Бойцы копали стрелковые ячейки. Их хорошо было видно, многие сбросили гимнастерки и сверкали нателеными рубашками. Да и свежая земля бросалась в глаза. Там мой мотоцикл заметили, замечались, но быстро попрятались, так что, дождавшись, когда из леса выедут остальные, тихо покатил к посту на дороге. Там уже ждали. Немного злой и раздосадованный старший лейтенант довольно резко нас опросил. Правда, стушевался, когда дед устроил ему отповедь, не понравилось деду отношение командира к нам. Но тот быстро взял себя в руки и после опроса забрал мотоцикл со всем содержимым. С меня даже грубо очки содрали, оцарапав лоб, но я их и так хотел отдать, двое других в повозке деда спрятаны. Изучив трофеи, старлей сразу начал придираться, выпрашивать, где остальное и документы, на что я махнул за спину: надо, идите, берите у немцев. Причем старлей наглый такой, когда я попросил справку за трофеи, мол, добыл и сдал на руки бойцам Красной армии, тут же меня послал по известному адресу. Потом хотел было обыскать наши повозки, мол, откуда оружие. Пришлось показывать охотсправку, выданную отцом, имели право мы на оружие, тот даже придирчиво номера сверил на ружьях. Но тут уже взвилась мама. Ох она и послала его, далеко и надолго. Закончив тем, чтобы у него ноги и руки отнялись от такой жадности.

– Сообщите мне, кто вы, – попросил я непреклонным тоном.

– Это зачем? – с подозрением спросил старлей.

– Когда доберусь до Москвы и напишу в «Комсомольской правде» заметку о нашем странствии, обязательно опишу вашу наглость и воровство техники. Наверняка себе захотите присвоить заслуги в том, что побии немцев.

– А ну пошли отсюда, – махнул рукой старлей, отвесив мне леща, и тут же крикнул старшине: – Игнатьев. Гони их отсюда.

Справку о доставленном трофее тот так и не выдал, значит, моя версия подтверждалась, отметит наверняка в рапорте, что на них наскочили разведчики немцев и отступили с потерями, потеряв трех мотоциклистов и один мотоцикл. Я таких ухарей насквозь вижу. Вот документы и остальное я им так и не отдал, да и не позволил обыскать себя. В общем, уехали. Остановились только у колодца в селе, все емкости для воды пополнили, а то все канистры пусты, даже во фляге на доньшке вода плещется. А как старлея зовут и место службы я все же узнал,

на въезде в село, так чтобы с поста было видно, опросил одного солдатику, записав все в блокнот. Старлей точно видел, да и если спросит бойца, тот пояснит, что расспрашивали именно о нем. Ох я и ослаблю этого наглеца и воришку, не люблю, когда меня грабят, да еще так нагло.

Штаб обороны находился не в этом селе, а в следующей деревне, километрах в десяти, так что, покинув село, мы покатали по дороге дальше. В этот раз я внимательно наблюдал за небом, ехали мы по полю, это ранее в лесу мы были в безопасности, особо страховаться не требовалось, я сейчас сам крутил головой во все стороны, так еще малышню заставил, оформив это вроде игры. Когда разведчик в небе появился, ничего общего с «рамой», мне сообщили сразу. Тот летал на высоте километров семь. Чего немцы увидели, не знаю, но что-то рассмотрели, раз появились бомбардировщики.

– Самолеты, – закричала Валя, указывая нам за спину, ей за-вторили остальные.

В этот раз мы шли в колонне беженцев, правда редкой. Посмотрел в обе стороны, визуально вижу около двухсот человек, с десятков телег и пятеро везли узлы на велосипедах, было две тачки с узлами. Остальные шли так, с мешками или чемоданами в руках, было много детей. Привстав на козлах, я осмотрелся и скрипнул зубами. Неподалеку размещалась гаубичная батарея трехорудийного состава, та самая, что под утро гудела двигателями тракторов. Вот кто цель немцев. Тут и нам может достаться. В паре километров от села, которое мы покинули, был перекресток дорог, вот там мы и влились к беженцам, но сейчас нужно прятаться, и как можно быстрее.

– Во-озду-ух! – закричал я. – Разбегайся-я!

Мой крик слышали и начали передавать дальше, но я уже не обращал на это внимания, а свернув в поле, настигая поводьями круп своего коня, его Орешком, кстати, звали, гнал телегу к небольшой роще, под рев испуганных сестричек, что ехали со мной. Мельком обернувшись, я заметил, что, заметно отстав, дед спешил за нами, но сам скорости не сбавлял, надеюсь, телега выдержит и не развалится. Все же выдержала. Когда обезумевшая лошадь, подминая кустарник, ворвалась на опушку, я натянул поводья и с трудом остановил коня. После чего передав поводья Валентине, побежал на опушку. Нужно деду помочь. Вместе мы остановили запыхавшихся лошадей, я повис на их мордах, останавливая, у него два коня запряжено было, и завели их под кроны деревьев.

– Все в порядке? – тревожно спросил я.

Мне подтвердили, что все в норме, даже мама выдержала эту скачку, на ее то девятом месяце.

– Сволочи, что творят, – ахнул подошедший ко мне со спины дед.

Он подошел на опушку, где я стоял, и увидел, что творилось у дороги. Причем это касалось не артиллеристов, которых бомбили, земля даже у нас тряслась, а самой дороги. Два истребителя, «мессера», судя по тонкому фюзеляжу, делали заход за заходом, расстреливая людей, как на дороге, так и в поле. Мы были первыми, кто добрался до рощи, остальных расстреливали на полпути, немногие добежали до нас. С трудом оторвавшись от тяжелого зрелища, я тихо сказал деду, глядя, как немцы неторопливо удаляются:

– Время обеденное, до деревни мы километра два не добрались. Иди, помоги с обедом, а я пробегусь к дороге, посмотрю, кому какая помощь нужна.

– Не стоит, внучок, тебе видеть, что там делается, – вздохнув, сторбился дед.

– Нужно, дед, нужно. Выдержу. Не волнуйся.

Дед пошел к повозкам, там лагерь пока разобьем, а я поспешил к дороге, осматривая тела на пути. Тут же лежал переждал повторный обстрел дороги с воздуха. Потом нашел двоих раненых, тяжело, но живые, так что, кликнув помощь с дороги, очкарика какого-то в костюме, с помощью него перевязал их и вынес на дорогу. Уже сустились выжившие медики, оказалось, дальше на дороге немцы атаковали санитарную автоколонну, к счастью возвращающуюся, без раненых. Вон они, потеряв три машины, и помогали с ранеными. У артиллеристов уцелела одна

гаубица, остальные в хлам, да и полного расчета не наберется, но уцелевшие твердо стояли на своем, был приказ, будут поддерживать пехоту в селе. Вот трактора не пострадали, они в той роще находились, где мы прятались.

Почти час я провел на дороге, пока последних раненых не погрузили в машину. Похоронной команде, которая собралась из беженцев, помогать я не стал и вернулся к своим, где без аппетита поел. Почти сразу мы собрались и двинули в путь, но место бойни на дороге обошли по полю, выехав дальше, как раз у деревни со штабом полка, что держал тут оборону. Что-то штаб далековато был от передовой. Даже странно. Как и ожидалось, меня и тут с моими претензиями послали. Даже слушать не стали. Я записал данные командира, и мы покинули деревню. У нас еще много сотен километров впереди, не хотелось бы тратить на остановки время, так что продолжили движение. До темноты я надеялся удалиться от фронта еще километров на семь-десять. Ну про десять я, конечно, загнул, мы со скоростью пешеходов двигались, но семь точно преодолеем. А тут перед темнотой очередная неприятность, уничтоженный мост через реку, где столпилось много транспорта. Беженцем что, вплавь переправлялись, тут даже две лодки плоскодонки были, так же и их использовали. Саперы уже работали, но когда еще восстановят, только начали, да и материал не подвезли, бревна для ремонта нужны и доски.

– Будем вплавь переправляться, – осмотревшись, решил я.

– Это как? – удивился подошедший дед. – Лошадей и скarb бросим?

– Нет. Сделаем проще, все перевезем на тот берег. Лошадей вплавь. Помнишь, у меня была бухта веревки? Привяжем ее и тремя лошадьми по очереди телегу и повозку по дну буксиром вытащим. Тут ширины метров пятьдесят, если связать две, хватит. Успеет сегодня, день выиграем. Сегодня мост не восстановят, да и завтра сомневаюсь. У саперов кроме топоров и ломов ничего нет. Даже скобы отсутствуют.

– Хм, – дед осмотрел реку и задумчиво потербил бороду. – А может и получится.

– Получится. Пойду у саперов спрошу, что тут за дно, вот двое нижнее белье выжимают, похоже, проверяли его. Ты, деда, пока телегу и повозку к кромке воды спусти, но чуть дальше, не где беженцы.

– Хорошо.

Дед стал по песчаному берегу карабкаться вверх в сопровождении малышни, что воспользовались моментом размять ноги, а я с Димкой и Олей направился к саперам, брат и сестричка любопытствовали и пошли со мной. От усатого степенного старшины с медалью «За боевые заслуги» на груди мы узнали, что дно неплохое, песчаное, не увязнут наши транспортные средства. Телега меньше, плавучести ей, возможно, вполне хватит удержаться на воде, хотя бы близко к нулевой плавучести, а вот повозка тяжелее, ее точно по дну буксировать придется. Старшина заинтересовался, почему я задаю подобные вопросы, а когда я посвятил его в свою идею, почесал затылок и решил, что это вполне работоспособная идея. Так и оказалось.

У лодок не было лодочников, беженцы отправляли одного с другими на противоположный берег, и он перегонял сразу обе обратно. Именно так я пробрался на противоположный берег, но одну лодку отжал и пристал к месту, где стояли наши лошади, дед их уже распрягал. Мы погрузили в лодку часть припасов, всю малышню и бабушку с мамой, места хватило. После этого, пока дед заканчивал распрягать лошадей, работая шестом, метра три будет глубины на стремнине, я перегнал лодку на другой берег, выпустив всех, разгрузил лодку. Старшие сестры стали носить все наверх, он тут был вполне пологий, телегу и повозку поднять получится. Когда я вернулся, у деда все было готово. Мы снова загрузили лодку, полностью разгрузив телегу и часть на повозке, после чего дед забрался ко мне и, держа лошадей под узды, сидел он на корме, пока я толкал лодку. Потом он обихаживал лошадей на берегу, а я на разгруженной лодке вернулся. Мы с Мариной, она была со мной, освободили повозку, после чего, привязав телегу, разматывая бухту каната, вернулись к нашим. Разгрузили лодку, и ее тут же забрал один из беженцев, их на противоположном берегу хватало, да и подходили постоянно. Букси-

ровка прошла удачно, перетащили телегу, и, пока она сохла, я на пустой лодке, которую снова перегоняли к беженцам, вернулся за повозкой, привязал веревку, и дед стал ее буксировать, а я вернулся вплавь. Буксировали мы телегу или ту же повозку за задки, чтобы оглобли были сзади и не были повреждены.

Потом мы запрягли лошадей в телегу и повозку и подняли их на высокий берег, складировав рядом весь груз. Пусть высохнут, прежде чем укладывать имущество. М-да, мы еще и всю солому растеряли, на чем теперь малышня сидеть будет? Водой ее при буксировке унесло, а вокруг ничего.

– Вечер, будем тут на ночь устраиваться, – осмотревшись, предложил я.

Дед одобритительно крикнул и, забрав свою косу, направился к лугу, где стал размахисто работая, косить луговую траву. Хорошая идея. Я же занялся делом, метрах в ста от моста на берегу реки была роща, вот туда я и повел повозки. Потом по очереди все перетаскал. Пока мама с бабушкой суетились у костра, готовя ужин, я не только его развел, но и треногу поставил, что мы с собой возим, все и перетаскал. Хотя чуть и не надорвался, много все же мы вещей везли. Собаки занимались делом. Шарик в лагере сторожил имущество, я рядом с ним все складировал, лайки уже сам лагерь охраняли, оббегая вокруг него, изучая окрестности. Сами собаки реку вплавь преодолели, не испытывая никаких неудобств. Даже довольны были, все же жара стояла. Вон пока мама с бабушкой в лагере возились, малышня на песчаном берегу купалась, на кромке воды. Там за ними Марина присматривала.

Мы поели, уже когда окончательно стемнело. Дед, к тому времени забрав самодельные грабли, на лугу несколько снопов собрал для сушки. Завтра на телеги все погрузим. Ели не одни, покормили несколько семей, те, что с детьми, не имевшие ничего. Мама сразу об этом подумала и заготовила больше, чем нужно, понемногу, но хватило всем.

У нас за время путешествия уже успела устояться традиция, после ужина, перед сном музыка, так и никак иначе, устал не устал, а играть должен. Дома, еще в деревне, я так же часто устраивал концерты, но ни о какой системе и слова не было, а тут я реально играл для своих и тех, кто пришел на звуки музыки. Пришел и старшина со своими бойцами. Их всего четырнадцать было. С мостом они уже закончили, все подготовили, так что материалы ждали, за ними командир уехал, хотя старшина как-то нехорошо поглядывал на нашу рощу. Как бы они деревья в ней рубить не начали, с них станется.

Я уже исполнил несколько композиций, но тут мама, что пригласилась, сидя у костра, попросила спеть ее любимую, грустную. «Генералы песчаных карьеров» нравилась многим, так что мне несложно, исполнил. Причем, играя тембром голоса, так проникновенно пел о доле беспризорника, что пробирало всех, кто был рядом. Даже старшина, что сидел чуть в стороне, шумно сморкался в платок, скрывая, что я до слез его довел. Потом, подумав, спел и военную песню, до этого я их не исполнял. Это была песня Высоцкого, а кого же еще можно перепеть в этой теме? Только его спланировать. «Он не вернулся из боя» вызвала оглушительную тишину, когда я закончил петь и положил пальцы на струны, гася их звучание.

– Сильно, – немного покряхтев, произнес старшина. – Тебе бы, парень, выступать. Чьи песни-то?

– Сын свои исполняет, – гордо сказала мама. – Он у нас очень одаренный ребенок.

– Молодец, давай еще, – многоголосо доносилось из темноты, показывая, что народу вокруг собралось немало.

– Сегодня последняя, про любовь, – улыбнулся я.

Особого смущения за плагиат я не испытывал, доберусь до Москвы, оформлю все как полагается, а пока исполнял, отшлифовывая творчество. Авторов я, конечно, грабил, но они в будущем и так получили свое, так что можно и мне на эту струю сесть, хотя бы обеспечить себе будущее. Исполнив, как и обещал, песню, многих она заметно тронула, я стал убирать гитару в чехол, когда осторожно перебираясь через слушателей, многие уже вставали, чтобы уйти,

к нам подошел невысокий круглолицый мужчина в ладно сидевшем, хоть и помятом темном костюме. Может, и грязном, видимо не первый день идет, но в темноте не видно. А костер слабо помогал.

– Доброй ночи, – поздоровался он. – Константин Лабутин.

– Александр, это мой дед Гаврила Иванович, мама и бабушка, ну и сестры с братом, – в ответ представился я и представил остальных. Больше по привычке.

– А вы неплохо образованны, молодой человек, воспитание сказывается, – похвалил тот и сразу перешел к делу. – Александр... Можно называть вас Сашей?

– Не возбраняется.

– Отлично. Так вот, Саша, я работаю во Всесоюзном комитете по радиовещанию в Москве, помощник главного редактора. Скажем так, подбираю кадры, нахожу дарования. Ты меня поразил, честно. Как ты смотришь на то, чтобы отправиться со мной в Москву и выступить там несколько раз? Такие песни, что ты исполняешь, нам очень нужны. Да что нам, народу нужны. Подумай об этом. С твоими родителями я поговорю, чтобы отпустили.

– Э-э-э, – протянула мама. – Не уговорите.

– Вообще-то мама хотела сказать, что мы и так двигаемся в Москву. Так что можем поговорить по пути, если вы к нам присоединитесь. Правда, мы едем медленно, думаю, вы понимаете почему, а вы, наверное, к железнодорожной станции идете. Она тут в тридцати километрах.

– Точно к ней и иду.

– Ну, уехать вам будет сложно, а вот мы сто процентов доедем. Кстати, если что, мы тоже к железнодорожной станции едем, там переезд шоссе и мост через реку рядом. Переберемся и там уже дальше поедем. На поезде, конечно, быстрее, если сесть удастся, но телеги мы не бросим, да и имущество тоже.

– Ты, Саша, все же не ответил на мой вопрос, согласен выступить или нет?

– Да я в принципе согласен, проблем с этим не вижу. Доберемся до Москвы, состыкуемся и решим, что и когда.

– Вот это деловой разговор, – обрадовался собеседник. – А так я согласен, пока едем до станции, успеем все обговорить. Адресами обменяемся, я свой адрес дам и номер служебного телефона.

– Без проблем.

Мама с бабушкой направились в палатку, там матрасы расстелены, самые младшие с ними, а те, что постарше, устроились под навесом на траве, с одними только одеялами. Лошади стреноженные спали на лугу, за ними лайки присматривали, так что, устроившись под навесом, нашему новому попутчику мы выдали запасное одеяло и отбыли ко сну.

К моему удивлению, ночь прошла спокойно, благополучно можно сказать, если не считать, что где-то в полночь в районе штаба полка была сильная перестрелка, доносилась даже оружейная стрельба. Про ружейную не скажу, далековато, чтобы ее слышать, вот пулеметы были. Да и слушал я недолго, пару минут, после чего снова уснул. Даже не удивился, что стрельба ночью, хотя немцы ночью воевать не любят, я не говорю, что не умеют, а не любят.

Утром после подъема, пока готовился завтрак, те, кого мы вчера кормили, остались, еще во время ужина им сказали, что обязательно покормим. У нас и у самих с продовольствием было негусто, но оставлять голодными детей и их матерей никто не хотел, так что покормим, а еду купим, благо есть на что. Вот так мама и пара помогающих ей беженки готовили, пока бабушка внимательно следила, чтобы наши дети умылись и почистили зубы, а то в этом деле пофилонить они были не промах. Дед носил стопки травы, и когда я закончил с размещением грузов, накидывал сверху скошенную траву. Снопы заметно примялись, похоже, ночью кто-то на них спал. Вчерашний мужичок за ночь не скрылся, честно помогал деду, потом отсел ото всех в сторону и жадно ел похлебку, из тарелки. Из-за того, что посуды не хватало, ели по

очереди. Хлеба было мало, в деревне две краюхи купили, так что всем хватило по маленькому кусочку. После погрузки мы запрягли лошадей и, забрав всех беженцев, которые с нами остались, покатали дальше. Саперы стучали топорами в роще, которую мы покинули, стройматериал им так и не подвезли, а машин на другом берегу прилично уже скопилось. Еще ночью, до рассвета начали рубить с другой стороны рощи, а бревна по воде толкали вверх по течению к мосту. Проехали километров десять, уже искали место для обеда, как вдруг мама на повозке деда охнула. Что случилось, поняли все сразу. Похоже, наш братишка или сестричка просился наружу.

Медлить было нельзя, поэтому, остановив телегу, а я как всегда двигался впереди, и громко сообщив пассажирам о том, что дальше нам не по пути, причину и так все поняли, поэтому, извинившись, что не довезем до станции, попросил освободить транспортные средства. Помощник редактора, помявшись, все же спросил, нужна ли его помощь и, выяснив, что нет, с облегчением попрощался. Мы уже с ним обменялись адресами, я дал Танин, он мне свой с несколькими телефонами. Судя по тому, как тот в меня вцепился, его предложение было вполне серьезным. В общем, все попутчики заспешили дальше, а мы, решив уже сойти с дороги, чтобы найти подходящее место для стоянки, и она будет долгой, после родов перевозить роженицу в течение нескольких дней нежелательно, но тут я заметил, как три проехавших мимо грузовика с красными крестами на тентах, полные раненых, свернули на боковую дорогу и направились к не такому и далекому лесу.

– Медсанбат или госпиталь, – ахнул я.

Уточнив у мамы, что у нее только началось, мы ее положили на охапке травы в повозке деда и покатали за машинами. Три километра, и среди деревьев замелькали палатки. Тут же был пост из одного красноармейца с винтовкой на подъезде, видимо из охраны госпиталя, а это был полевой госпиталь. Уточнив у него по поводу повитухи, но тот молодой, ничего не знал, мы покатали дальше. Марина соскочила с моей телеги и рванула к палаткам, криками зовя врача. Там быстро разобрались, в чем дело, и прислали не врача, а недавно призванного сельского фельдшера, имеющего в приемах родов огромный опыт. Вон он с помощью бабушки, бабушка позади семенила с полотенцами, увел маму в одну из палаток.

– Ну вот и все, – сказал я. – Отъезжаем, разбиваем лагерь и будем ждать.

Мы удалились от госпиталя метров на двести по той же дороге, что вилась через лес, не стоит детишкам видеть страдания раненых, и стали разбивать лагерь. Чуть позже бабушка с Мариной подошли, их выгнали, одну бабушку оставили. С этой помощью с разбивкой лагеря закончили быстро. Я и тент натянул, и палатку под ним поставил. Потом стал возиться с костром, заодно устанавливая треногу. Марина, которая ранее помогала маме с бабушкой в готовке, уверенно взялась за приготовление обеда, хотя делала это в первый раз. Но ничего, справлялась, рыбный суп сварила из консервов и крупы. Даже картошки последние остатки использовала, почистив. В общем, справлялась, хозяйюшка. А уж какая гордая стояла и разливала по тарелкам, не передать. Лайкам и Шарику тоже налили, но отставили, теплым можно кормить, но негорячим, потом поедят, когда остынет похлебка. Ведро крышкой закрыли, нам еще маму с бабушкой кормить, маму хотя бы бульоном. Дед тоже, чтобы отвлечься, делом себя занял, прихватив Димку, ушел на опушку, травы накосить. Как показал опыт, того, что он вчера вечером после преодоления реки накосил, было мало, ехать жестко, малышня жаловалась.

Для мамы я поставил палатку, матрасы, подушки, все приготовил. Но вечером бабушка пришла одна. Она молчала, довольно шурясь, кушала суп. Хлеб был, в столовой госпиталя пару буханок нам дали, обменял у повара на две банки рыбных консервов. Так что бабушка кушала вприкуску, но молчала, хотя мы все вокруг собрались ожидая. Кто? Так и выжидала, выдерживая драматическую паузу.

– Ну не томи, старая! – рявкнул дед.

Бабушка с укором посмотрела на него, отхлебнула с ложки супа и, вытерев полотенцем губы, спросила:

– Как внучка назовем, решили уже?

– Брат значит, – довольно улыбнулся я под общий шум и гам. – А что тут думать, Гаврилой назвать в честь деда.

Другие тоже придумывали, и после долгого обсуждения все же выбрали. Кириллом, в честь старшего брата отца, погибшего в Гражданскую. Кстати, воевал он за белых, против Красной армии. Вспоминать об этом у нас в семье не любили, но брат есть брат, мой дядя, хоть и погибший. Про маму бабушка сказала, что ее оставили пока, присмотрят в эту ночь, а завтра можно забрать, у нас в палатке отлежится. Ребенок здоровый, взвесили уже, три сто. Крепкий и орущий. Марина убежала к палатке, где лежала мама, мало ли что подать или помочь, ну и в тарелке супу отнесла с куском хлеба, а бабушка, забравшись в палатку, легла отдохнуть. Похоже, укатали ее роды не хуже мамы, пусть отдохнет. Так-то она вполне шустрая для своих лет, но все же возраст давал о себе знать. Чуть позже вернулась Марина, маму уже покормили, не нужно было приносить. Оставила тарелку, вечно голодная малышня быстро все выхлебала, и снова убежала.

Я же, еще раз пройдясь по лагерю, строго-настрого лайкам велел охранять имущество, те сытые были, покормленные, оставил за ними присматривать Шарика и, прихватив гитару, направился в госпиталь. Нужно поблагодарить медиков за маму и братика, да и концерт для раненых устрою, все легче будет.

Шум капель барабанил по навесу и листве деревьев, создавая тот неповторимый звук уюта и умиротворения. Правда мы были не в теплом сухом доме, а как раз на улице, но навес вполне неплохо закрывал нас от дождя, как и палатку, она тоже под навесом стояла. Внутри мама с нашим младшим братом, которому от роду было всего шесть дней, ну и бабушка. Места им хватало. Дождь начался еще ночью, сейчас полдень, а он не прекращался. Марина прямо под навесом готовила суп, дым слабо рассеивался, так что немного слезились глаза. За эти шесть дней лагерь у госпиталя мы так и не покинули, лишь обустроили его лучше. Каждый день утром нас навещал фельдшер, который принимал роды. Крупный мужик лет сорока пяти на вид. Маму принесли на плащ-палатке бойцы охранного взвода, ходить ей не рекомендовалось, малыша несла бабушка, едва поспевая за ними. Вот так устроили маму в палатке, и она там почти все время проводила. О ней бабушка заботилась, Марина так же помогала. Мы планировали дня через два двинуться, а пока ожидали, когда мама придет в себя. А тут еще этот ливень.

Оба наших транспортных средства находились под навесом, чтобы груз не намочить. Это лошадям пофиг, стоят в стороне, довольные. Так что мы устроились кто как, кто на повозке, кто под ней. Малышня под телегой устроили возню, в кучу-малу играли, но я на них внимания не обращал. Нашли себе занятие и ладно. Дед, накинув мотоциклетный плащ, ушел к госпиталю, за хлебом, повар не отказывался нам его давать, правда, уменьшив выдачу до одной буханки. Нормально, сейчас обед с хлебом поедим. Маринина похлебка уже доходила, она сегодня варила гороховый суп, для запаха покидав в него кусочки копченого сала.

Заметив, что дед возвращается, шлепая по лужам, я обратил внимание, что плащ не топырится от хлеба. Он что, его не смог получить?

– Нет госпиталя, – добравшись до нас, пытаюсь восстановить дыхание, выдохнул он. – Похоже, еще ночью уехали.

– Точно, был какой-то шум перед дождем, я думала, это раненых новых привезли. Их же постоянно привозят, – сказала, отвлекаясь от готовки, Марина.

– Это плохо, – задумчиво покачал я головой. – Это очень плохо.

– Что не так?

– Если госпиталь эвакуировали, да еще так поспешно, значит, немцы снова прорвались. Сами знаете, наш Ленинградский фронт только драпать умеет.

– Са-а-аша, – с укоризной протянула Марина.

– А где я неправду сказал? Тут важно другое, похоже, мы в заднице, в большой заднице.

Немцы рядом.

– Что делать будем? – деловито спросил дед.

– Сейчас, я думаю.

– Бросили нас? – спросила Валя дрожащим голосом.

– Скорее просто забыли в спешке сообщить об уходе, – отмахнулся я.

Походив немного под навесом, тронув висевший на телеге чехол с гитарой, осмотрелся и кивнул сам себе.

– Дождь нам мешает, но он же нам и поможет. Немцы в такую непогоду не пойдут вперед, все дороги развезло, а мы на телегах проскользнем. Значит так, снимаем навес и делаем из него тент на повозку. Там малышню и маму с бабушкой повезем. Нам главное добраться до железнодорожной станции, за ней река и мост. Пересечем их, можно вздохнуть свободнее. До них примерно одиннадцать километров. Все, собираемся... Марина, ты не отвлекайся, перед отправлением покушаем, это обязательно.

Я уже давно стал командиром, дед еще перед отправлением это нормально воспринял, помогал, как мог, советами, но вперед не лез. Возраст, как говорится, не тот. Мы с ним использовали срубленные жерди и сделали каркас, потом сверху в два слоя расстелили брезент. Получилось вполне неплохо, ям нет, воде негде скапливаться. После того как хорошо покушали, накидали внутрь побольше травы, она сохла тут же под навесом, и мама, осторожно ступая, перебралась в повозку. Свернув палатку, мы расстелили ее на моей повозке. Запрягли лошадей и, устроившись на козлах, вывели телегу с повозкой на дорогу и направились к выезду, через который и въехали в этот лес. Со мной на телеге был только Димка, нам плаща вполне хватило на двоих, дед в таком же плаще правил, сидя на козлах позади нас. Его повозка была тяжелее, так и лошадей у него было две. Остальные все прятались под тентом. Самодельный, но вроде крепко сделали, пока не развалился, за этим Марина присматривала.

Выбравшись на разбитую техникой трассу, по обочине, стараясь не завязнуть, так и двинули под дождем к реке, и небольшому селу, что раскинулось на ее берегу с нашей стороны, там же и станция с мостом были. Вот их нам надо как можно быстрее пересечь. Водная преграда, если наши сядут за ней в обороне, шанс удержать некоторое время немцев есть. И неплохой шанс. Двигались мы фактически наугад, скорее угадывая, куда нужно править, чтобы не застрять, поэтому темную массу впереди первым углядел как раз Димка, он больше головой крутил, а не смотрел на дорогу, как я.

– Это что? – спросил он у меня.

– Машина вроде, – натягивая поводья, пробормотал я.

Дед позади тоже остановился. Мы проехали километров пять и уже успели упарить лошадей. От их шкур натурально пар поднимался. Лайки и Шарик прятались под палаткой, лишь изредка показывая носы. Под дождь вылезать они категорически не хотели. Спрыгнув в грязь, я похлопал Орешка по шкуре, поглаживая его по шее, и пристально всматривался вдаль. Дождь тут как бы волнами был, то метров на тридцать видно, то на сорок. И вот за этими сорока метрами Димка и углядел что-то инородное. Там действительно что-то было. Обойдя телегу, я подошел к повозке, дед уже осматривал своих коней, проходясь по их шкурам щеткой. Те, как и Орешек, были в грязи.

– Привал, отдохнем? – спросил он.

– И это тоже. Там на дороге что-то странное, вроде застрявшей машины. Пойду, гляну.

Как это ни странно, до этого нам попадалась только битая, а не брошенная техника, сам видел, как поврежденную или сломанную технику волокли в тыл на буксире. Вполне возможно,

это наша машина, но все же поостережемся, что-то больно обводы у нее странные. Не легко-вушка, но и не грузовик. Подойдя к своей телеге и задрав край палатки, я закопался в солому, тут одна из лаек подобралась под палаткой и стала вылизывать мне лицо, так что отмахнулся от нее. Докопавшись до мешка с оружием, достал трофейную гранату и, пристроив ее за поясом под плащом, Димка, кстати, под палатку залез, и, поправив край защиты, чтобы груз не намок, стал уходить в сторону, чтобы сбоку подойти к машине.

Предосторожность оказалось не лишней, сблизившись, я опознал в неизвестной машине осевший на один бок немецкий бронетранспортер, то, что я не ошибаюсь, ясно демонстрировал бело-черный крест на броне. Осторожно подкравшись, стараясь издавать как можно меньше шума, я достал пистолет и, приведя его к бою, заглянул внутрь бронетранспортера через неплотно закрытые задние десантные двери. А там трое немцев сидели, натянули тент над боевым отсеком, железной крыши тут не было, а на горелке вроде примуса готовили ужин. Пахло очень даже аппетитно, чем-то мясным, не тушенка, а что-то колбасное. Огонек примуса освещал внутренности бронетранспортера, и я понял, гранату использовать не буду, жаба задущит. Столько хабара. Лишь бы лошадям сил хватило все увезти. Увезут, я сзади подталкивать буду, если потребуется.

Видимо, экипаж пытался сам вытолкать увязшую машину, я это понял по бревнам под гусеницами, но та окончательно завязла. Если бы они были не одни, что вероятно, то они ушли бы дальше, им задачу нужно выполнять, а эти сидели и ждали помощи, кто их выдернет из грязи. Это даже хорошо, помощи нет, никто не придет, так что можно спокойно прибрахаться. Беспокоило только то, что немцы теперь точно есть впереди и, конечно же, позади, но я надеялся проскочить.

Потянув крайнюю дверцу, но та предательски скрипнула, и немцы, дернувшись, повернулись в мою сторону, но уже поздно. Ствол пистолета смотрел на них. Сразу загрохотали выстрелы, и пули дырявили френчи немцев. Ни один за оружие схватиться не успел, настолько неожиданным было мое появление и мой молниеносный отстрел. Пошатнувшись, ухватился за створку. Немного перенервничал, легкий упадок сил был, я убрал оружие и, проверив трупы, подранков не было, быстро освободил их от трофеев и стал выталкивать тела наружу, чтобы не мешали и не пачкали все кровью.

После, этого проверив примус, его уронили и потушили, побежал к нашим. Наверняка ведь волнуются. Как и ожидалось, дед занял оборону с берданкой у моей телеги.

– Что там? – спросил он, выходя мне навстречу из-за коня.

– Трое немцев было, на бронетранспортере. Застрали. Двигаем вперед, трофеи собирать. Их там много. Кстати, дед. Это тебе. Подарок. Часы наручные.

– А тебе? – с охоткой принимая подарок, спросил дед.

– У меня теперь их пять, всем раздарю, – засмеялся я.

Мы, шагая пешком, держа лошадей под уздцы, добрались до бронетранспортера, малышне велели не выглядывать, после чего по-хозяйски с дедом залезли в боевой отсек.

– Эх, справная военная машина. Нашим бы угнать, – похлопав по броне, вздохнул дед.

– Угоняли уже, помнишь, чем это закончилось? Мне одного леща хватило. Собираем трофеи и двигаем дальше. Давай снимать с креплений на стенках это противотанковое ружье. Патроны к нему я нашел в этих двух брезентовых сумках, пятьдесят штук всего. Не запасливые немцы нам попались.

– А это что? – стукнулся дед коленкой о тук из брезента, теперь потирая больное место.

– Дождь, немцы пулемет с крепления сняли, он это. Тут еще два ящика с патронами к нему. Ха, картонные ящики.

Мы перенесли на мою телегу и ружье, и пулемет в чехле, также боезапас к ним. Помимо них два автомата МП и один карабин с оптическим прицелом, боезапас к ним, пару ящиков с гранатами и довольно солидные запасы продовольствия. Помимо них нашелся новенький

ППШ с двумя запасными барабанными магазинами. Причем, осмотрев клеймо, я с изумлением узнал, что автомат произведен в сороковом году. Пилотная партия еще до принятия на вооружение, ручная сборка, раритет. Это оружие я точно никому не отдам. Все хорошо, вот только патронов к нему не было. Да и у меня к ТТ осталось всего семь патронов. А так все забрали, даже тент дед снял. А потом мы начали снимать канистры с бортов, их там четыре штуки было, по два с каждого борта, хотя держатели еще были, но пустые. Три канистры с бензином, одна пустая, но мы в нее залили из бака «Ганомога». Более того, облили его и подожгли, перед этим отогнав повозки подальше. Дождь не дал нормально разгореться, но мотор полыхал и дымил, так что испортили машину, что есть гуд.

Дальше мы так и двигались, чуть позже качество полотна улучшилось, похоже, гравийка пошла, так что, настегивая лошадей, а те и так замороженные были, мы гнали к селу. На въезде нас остановил пост. Добрались, наши. Сообщили, что видели застрявший немецкий бронетранспортер, объехав его стороной, но немцев больше не видели, и проехали дальше через село к мосту. Сержант, старший на посту, прежде чем пропустить нас, сообщил, что немцы часа четыре назад наскоком пытались проскочить, да огребли. Два мотоцикла укатали в расположение бойцы, остальные, расстрелянные, сбросили с дороги, поэтому мы их и не увидели. Хватался, что три десятка немцев уничтожили, думаю, вряд ли больше десятка, ночь, не видно ничего, но пусть брешет, может, поможет, бегать перестанут. Потом был железнодорожный переезд и сам мост.

На мосту нас осветили фонариками и бегло осмотрели, что везем, вернее, пытались, наткнувшись на четыре оскаленные собачьи морды, боец только отшатнулся, а когда заглянул под тент, младший братик как дал реву. Не понравилось младенцу, что его разбудили, осветив фонариком. Да и мама с бабушкой тут же шипеть начали на бойца, так что тот махнул рукой: проезжайте. Вот мы и застучали колесами по настилу моста, он был одновременно и железнодорожным и автомобильным, так что, проехав, свернули с дороги чуть в сторону и у кустарника стали разбивать лагерь. Я понимал, что останавливаться не следует, но дальше лошади не пойдут. Вон, когда нам дали разрешение пересечь мост, лошади не обращали внимания на поводья, так устали, поводя боками. Пришлось под уздцы брать и вести пешком, ничего, перевели через мост, и вот встали. Молодцы наши лошадки, вывезли. С лагерем это я немного поторопился. Мы распрягли коней и стреножили их, почистив и дав напиться. Принесли воды от реки. Те, остудившись, стали пощипывать траву, а мы с дедом забрались под палатку, тут тепло, собаки нагрели, тут же и Димка спал, и тоже уснул. Даже ужинать не стали. Да и было там этого ужина, вон пусть Маринка кормящую мать кормит и малых, а мы до завтра потерпим, слишком устали, на ходу засыпаем.

Как вырубился с дедом и не заметили, а разбудила нас перестрелка, переходящая в бой, у села на другой стороне реки. Я еще только пытался вылезти из-под тяжелой, пропитавшейся влагой материи палатки, как к нам подбежал боец из охраны моста и передал приказ командира быстрее сваливать, немцы к селу подошли, а силы у наших и так небольшие. Легко сказать, сваливайте побыстрее. Это не такое и быстрое дело.

Дождь за ночь закончился, едва светать начало, но в воздухе влаги уже не было, хотя дороги до сих пор раскисшие. Димка, соскочив с телеги, побежал в кусты, мы с дедом торопливо последовали за ним. После чего, сделав свои дела, стали достаточно быстро, спешно запрягать лошадей. Тут еще нашим приспичило до кустиков, так что они ушли. Пока не было мамы с бабушкой, мы с дедом очистили колеса от грязи, да еще смазали оси. У деда была банка со смазкой, пахла как деготь, но вроде не оно. Пули уже свистели над головой, пара разрывов были в воде, когда мы, наконец, выкатившись на дорогу, стегая лошадей, помчались дальше, через километр сбавили скорость. А через два уже двинули неспешным шагом. Буквально через полчаса, после того как мы ушли от моста, сзади, дрогнув, раздался грохот взрыва.

– Это что? – спросил Димка, сидевший рядом.

– Мост взорвали.

– Ух ты.

Солнце, что поднималось, сушило землю, но тент и палатку мы убирать не спешили. Пусть подсохнут. Шарик так и сидел рядом с нами в телеге, а вот лайки бежали рядом, изучая окрестности. Лишь Белке чуть позже надоело, и она к нам запрыгнула. Так и двигались. Завтрак мы пропустили, не успели, придется терпеть до обеда. Собаки уже намекали, что пора подкрепиться, но мы пока не видели подходящего для стоянки места. Хотя нет, нам попалась деревня, полная беженцев, сюда и заехали. Везде дымились трубы, хлеб пекли, судя по запаху, так что нам удалось прикупить каравай горячего хлеба, и мы с дедом и Димкой позавтракали с салом. Остальные тоже перекусили бутербродами. Собак покормили. В деревне на полчаса задержались, после чего двинули дальше. Направление так и держали на псковско-московскую трассу. Тут до нее недалеко осталось, километров пятьдесят, там уже пойдем на Москву, никуда не сворачивая. Как дорога виться будет.

Малышня с интересом поглядывала на беженцев. Тут с ходу можно определить, где городские, а где деревенские. Деревенские все в темной, немаркой одежде, большинство с головными платками. Что маленькие девочки, что женщины, а вот городские в сарафанах, зачистую с непокрытыми головами. С сумочками или чемоданами. У деревенских только мешки со скарбом, у зажиточных еще и телеги. Мы, похоже, к последним относились, даже два транспортных средства имели. Судя по взглядам немногочисленных мужиков, не по чину имеем, надо бы отобрать. Правда, только взглядами намекали, не больше. Псины, что охраняли нас, ясно демонстрировали, что можно огрести. Проехав от деревни еще километров семь, мы встали на обед. Тент и палатка уже подсохли, поэтому мы их свернули и убрали тюками на свои места. Пока готовился обед, дед из тряпья сделал неплохую люльку для младенца, главное, чтобы тот пылью не дышал. А ее скоро много будет, дороги на глазах сохли, лужи испрямились, морило, очень жарко было. А так вполне удобно получилось, каркас люльки из ивовых веток.

Остановились мы у живописного и широкого озера, берег неплохой, нашли песчаный пляж, так что малышня плескалась у берега, Марина уже дальше отплыла, умела все-таки плавать, а я на середину заплыл, ныряя и хохоча. Люблю воду, а в такую жару особенно. В Москве дом обязательно куплю со спуском к реке через огород, для этого и лодку приобрету. Только так и никак иначе. Когда стали созывать на обед, я нехотя погреб к берегу, есть мне хотелось не меньше, чем купаться. На свежем воздухе голод часто приходил, по себе знаю.

Когда обедали, я задумчиво осмотрелся и сказал:

– Останемся тут до завтра. Себя в порядок приведем, телеги, ну и постирушки устроим, пора уже.

У малышни мое решение вызвало только восторг, они из теплой воды и не вылезали бы. Да я и сам хотел порыбачить, рыболовные снасти у меня были.

– А немцы? – спросила мама.

– Один день ничего не решит. Уйдем, – успокоил я ее. – Кстати, деда, давай пулемет достанем и осмотрим. Я когда ощупывал чехол, что-то странное нащупал, как-то он слабо похож на «МГ-тридцать четыре». Ствол слишком толстый. Непохож на тот, что мы на коляске мотоцикла осматривали.

– Поглядим, – охотно согласился тот.

Поев, мы в окружении любопытной малышни достали тяжеленный тюк, как только под дождем да еще скользким от влаги его закинули? Спустили на траву и расстегнули.

– О, «Максим», – удивился я, разгибаясь.

– Это «МГ-Ноль восемь». У нас такой был, когда я в германскую воевал, – сказал дед, ласково протирая ствол пулемета. – На батарее трофейный был. Хороший аппарат, однажды, когда к нам немцы с тыла подбирались, хорошо он их причесал. Отбились тогда. Потом бомбой с эроплана его накрыло, так и бросили... А колесный станок где, да ленты нужны? Ты брал?

– Да, только там тренога была для него, станка не было, ну и ленты, пять вроде. Все снаряженные.

– Аккуратные немцы были, – пробормотал дед.

– Чего у них нормальных пулеметов нету, эту древность ставят на бронетранспортеры? – спросил я, зарывавшись в трофеи на телеге. Нужно треногу найти и сумки с лентами.

Вытащив все, что так или иначе относилось к пулемету, помог деду установить его на треногу и снарядить.

– Щитка нет, – пробормотал дед, примериваясь. – Хм, не помню, чтобы у нашего была пистолетная рукоятка и приклад.

– Модифицированный, наверное. Ручник сделали, только крепление не для сошек, а для станины, – ответил я, с интересом наблюдая за всеми действиями деда. – Ты из такого стрелял?

– Нет. Такой пулемет наш поручик в карты выиграл у какого-то пехотного офицера, прапорщика вроде. Сам всегда из него стрелял, он очень хорошим пулеметчиком был. А вот обслуживать не любил, чисткой солдат заставлял заниматься. Мне вот тоже пару раз приходилось. Сколько лет прошло, а все помню. Щитка точно нет?

– Нет, и в бронетранспортере не было. Я бы заметил.

Дед начал учить меня, как обращаться с пулеметом, для меня действительно незнакомая конструкция. Был бы привычный ПК, а тут незнакомое оружие. Называл его все «добрый пулемет».

Несколько раз перезарядив МГ, я разрядил его, отсоединил от станины, и мы, все сложив, отложили в сторону. Потом я достал противотанковое ружье. Дед несколько раз примеривался, положив ствол на борт телеги, и покачал головой. Нет, тяжеловат.

– Это да, – согласился я, тоже примерившись к прикладу. – Массы тела не хватает. Отдачей может с ног сбить.

– Сашка, смотри, опять летят! – крикнула крутившаяся рядом Ольга, показав на темные точки в стороне.

В принципе, несмотря на далекую канонаду, мы и так слышали гул самолетов. Немцы постоянно висели в небе, слышались бомбовые разрывы, иногда трескотня пулеметов, если что или кого штурмовали на дороге. Последнее обычно истребители. Бомбардировщиков мы, кстати, много видели, а вот штурмовики два или три раза. Достав бинокль, у меня и второй из бронетранспортера был, точно такой же, им дед вооружился, и стал рассматривать немцев.

– Двухмоторные бомбардировщики. На километровой высоте идут... Даже кажется, еще ниже. Одиннадцать штук, – вслух сказал я, прикинув скорость и высоту немецких самолетов.

Быстро рассчитав разные возможности, я крикнул Ольге:

– Быстро неси мне подушку мамы!

Та метнулась к повозке, рядом с ней стояла палатка, и прибежала обратно с подушкой. Подтянув подсумок с патронами, достал пять штук и протянул деду.

– Будешь подавать.

Приладив подушку к прикладу, я прицелился и, вспомнив об одном деле, крикнул:

– Всем внимание, сейчас выстрелю. Будет громко. Кире уши закройте.

– Держу, – услышал я голос матери.

Та, видимо, поняла, что случилось что-то серьезное, в лагере я бы просто так стрелять не стал. Ошибается, первый выстрел именно прицельный, нужно мне знать, чего ожидать от ружья. Выбрав приметное дерево на другой стороне озера, метров триста, прицелился в ствол, найдя темную точку, видимо сучок, и выстрелил. Громыкнуло прилично, не менее приличной отдачей получил в плечо, но ничего, помогла подушка, терпимо. Встав с земли, потирая ушибленную пятую точку, помассировал плечо и, подняв ружье, снова приладил его на телегу. Потом, взяв бинокль, присмотрелся.

– Кучность неплохая.

– В немцев пальнуть хочешь? – уточнил деда, подавая патрон. – Смотри, скоро пролетят, как раз мимо летят.

Те летели не прямо над нами, чуть в стороне, но несмотря на запредельную дальность для моих возможностей, я в себе был уверен. В самолет точно попаду, а там как повезет. Тем более строй, было заметно, начал снижаться, видимо, те подлетали к цели.

– Выстрел! – крикнул я.

Спустя две секунды прозвучал выстрел. В этот раз удалось удержаться на ногах, но плечо совсем онемело. Дед сразу подал патрон. Я снова прицелился и, крикнув о выстреле, произвел третий. Потом четвертый выстрел.

– Падает, – тихо, почти пробормотал дед. – Еще один. А чего это они не горят?

– Я в пилотов стрелял, – прислонив ружье к борту телеги, ответил я, баюкая потерявшую чувствительность руку. – Видишь, как полого пикируют... Хотя нет, вот один завалился на борт и падает, а второй так и снижается постепенно.

Грохнул взрыв на месте падения самолета. А чуть позже и второй, видимо так и снижаясь, врезался в землю.

– Ты в два самолета стрелял? – уточнил дед.

– Да, по две бронебойные пули. Ружье не пушка, тут не снаряды... Ладно, давай остальные трофеи посмотрим, и я ружье попробую почистить, хорошо оно постреляло. Представляешь, кучность у него отличная, пули как по нитке идут, даже не ожидал. Да и по виду заметно, что похоже недавно солдаты его получили, новое, не расстрелянное... О, онемение прошло, черт, как рука-то болит.

Скажу честно, несмотря на невозмутимый вид, я сам был ошарашен не менее других. Марина рядом прыгала от радости, хлопая в ладоши. Чтобы так сшибать самолеты, нужно не только орлиный глаз и Дар в стрельбе, но и удачу. Я реально стрелял по самолетам, прикидывая скорость пули и самолетов, чтобы выставлять прицелы чуть впереди бомбардировщиков, чтобы пули прошивали именно кабины пилотов, и получилось. Хотя бы одна да зацепила, а пули эти имели серьезный калибр, так что если тело летчика не разрывало, то серьезно травмировало и ранило, чтобы он не мог больше пилотировать. Последствия выстрелов были видны сразу. Упало два, а остальные полетели дальше как ни в чем не бывало, только перегруппировались, занимая места выбитых. Улетели недалеко, а в пределах видимости, километрах в пяти от нас, стали кого-то бомбить в лесу. Судя по черным жирным дымам, горела техника, отбомбились они удачно.

Кстати, два немца успели выпрыгнуть из того, что в штопор вошел, а второй так никто и не покинул. Все это далеко от нас было, километрах в двух, думаю, примут немцев наши бойцы, в той стороне между нашим озером и лесом, где шла бомбежка, одни поля, укрыться негде. Отсюда видно, как в той стороне к парашютистам пылило несколько машин.

Мы с дедом действительно осмотрели остальное оружие, но пробовать больше не стали, хотя и хотелось, вроде тех же автоматов и немецкой снайперки. Но моя стрельба по самолетам не понравилась Кириллу, и мама сейчас пыталась успокоить его, перекрыть тот рев, что стоял в палатке. Кстати, подушку обратно Ольга уже отнесла. Да и от мамы благодарность за сбитых принесла, поцелуй в щеку. Что творили немецкие стервятники на дорогах, мама знала не хуже меня, и то, что я приземлил двух, только порадовало ее. К счастью, наши выстрелы не привлекли внимание на дороге, там одни беженцы были, военных не имелось, иначе пришли бы поинтересоваться, кто тут палит. Вот так закончив с трофеями, дед порадовался еще двум прорезиненным плащам, двум одеялам и, вот удивление, надувной подушке, я сел за чистку противотанкового ружья. Плечо заметно отошло, так что я уже мог пользоваться рукой, хотя и больно. Ощупал и определил, что серьезных травм нет, просто сильный ушиб. Средства чистки тоже забрал из бронетранспортера, так что было чем. Почистил, завернул в кусок материи и убрал в телегу. Потом разбирался со снайперкой. Разобрал, смазал, протер и снова собрал.

Неплохой механизм, нужно теперь посмотреть, как он в действии, но лучше дальше по дороге, сейчас это не сделаешь. Чуть позже будет время, испробую.

Закончив с трофеями, все продовольствие осмотрели бабушка с Мариной и, признав их годными, отложили в сторону, в общий запас. Мы с Мариной в школе немецкий изучаем, так что разобрать, что было написано на этикетках, смогли. Я так точно, как в школу пошел, серьезно засел за немецкий. Сам его ранее не знал, но старался, даже на дополнительные занятия по немецкому ходил. Говорить не могу, понимаю кое-как и читаю так же. Пока хватает, хотя уроки немецкого я не прекратил, мне учительница книгу-самоучитель по немецкому подарила, учился по нему. Марина вот нет, не желала.

Уже вечереть начало, когда я срезал с пяток ивовых веток, попалась погибшая ива, у которой ветки высохли и стали тверже. Для маленьких подойдет. Да, честно говоря, из всего кустарника только ветки ивы подходили для удилищ. Снасти у меня были, сделал пять удочек, из них две себе. Накопал червей, лопата у нас была, мы ею место для очага подготавливали, подготовил все и, найдя подходящее место, забросил снасти. Димка, Валька и Лука не могли пройти мимо, да и остальные малыши сбегались и сидели рядом, пристально следя за поплавками и обсуждая рыбалку. Оказалось, в озере неплохая рыба, первым поймал золотистого карпа. Похоже, в озере выводили рыбу. Да и карп здоровый, с ладонь деда. Насадив его на ивовый прутик, отправил малышня отнести добычу бабушке с Мариной, чтобы оценили. А то столько иронии от них было.

До наступления темноты мы взяли неплохой улов на четверых, полное ведро рыбы. Да и какой, сплошные карпы. Мелочь всю лайкам и Шарику отдали, те с немалым удовольствием похрустели рыбкой. Нет, точно тут выводили эту рыбу. Естественно, на ужин была уха с душистым укропом. Ох мы и попробовали. Заодно подумав, и я решил показать свои кулинарные способности. Взял сковороду, у нас было полмешка муки, мы кулеши из них делали, такие мучные сытные похлебки, а тут я замесил тесто на воде и соли и стал на сковороде печь лепешки. Ранее, в прошлой жизни, я это уже делал, на охоте или рыбалке, вот и повторил. Честно говоря, меня уже раздражало частое отсутствие хлеба, как и зависимость от деревень и сел, где можно его купить. А тут легко самому напечь, все просто. Бабушка, попробовав, была удивлена, она как-то не задумывалась, что можно вот так печь лепешки, настолько привыкла за последнее годы жизни сытно питаться и все иметь для кухни, дрожжи, яйца, ну и остальное. Даже печально покачала головой. Оказалось, она знала этот рецепт, но успела подзабывать за последнее время. Вот тут и Марина, которая не менее внимательно следила за моими действиями и проводила дегустацию, принялась месить тесто и печь лепешки. Сегодня мы уже поели ухи, хоть и без хлеба, но уже завтра хлеб будет.

В этот раз беженцы к нам не подходили, не просились к столу, мы были в стороне от дороги. Да и утром тоже спокойно поели, уху до конца вчерашнюю доели вприкуску с лепешками. Накрошили собакам в их миски с остатками бульона от ухи. Лепешки всем понравились. После чего собрались, дороги уже окончательно высохли, и покатили дальше. Канонада, что шумела ранее вдали, снова сблизилась. Блин, мы уйдем, наконец, от немцев или нет? Вот насчет проведенного дня отдыха у озера никто не жалел, и я в том числе. Всем был необходим этот отдых.

Вот так после завтрака, доели все, свежее сготовим в обед, мы собрались, погрузились и, приминая траву, покатили к дороге. Озеро находилось не у дороги, а чуть в стороне, лагерь наш был в низине, так что найти нас можно было лишь по дыму от костра, ну или из-за криков малышни, плескавшейся на мелководье. Вот и мы беженцев не видели. Слышали гул машин на дороге, сегодня утром колонны сопровождал не только рев моторов, но и пыль, что поднималась в воздух, что означало, дороги окончательно подсохли, значит, придется и нам поглотать ее. Лучше уйти от основных магистралей на проселочные дороги. Путь заметно удлинится, но зато будем идти одни, никто не мешает и не пылит. Для нас, с маленьким ребенком, это пред-

почтительнее. Тем более одиночек не бомбят. Телегу и повозку перед отъездом мы с дедом уже проверили, что нужно подремонтировали и подтянули. Меня немного беспокоило колесо на телеге, как бы менять не пришлось. С собой не было, не брали для снижения веса груза, нужно покупать и проводить ремонт.

Перед отъездом мы с дедом обошли лагерь, внимательно глядя под ноги. Лагерем мы вставали не в первый раз и прекрасно знали, что малышня что-нибудь да забудет или потеряет. Вот и в этот раз нашли одну ложку, судя по вычеканенным мной инициалам, Олину, и моток ниток с воткнутой иглой. Последнюю, похоже, Марина утеряла, это она поправляла разошедшийся шов юбки у Луки. Вот и до нее дошло, а то хвасталась, что всегда что берет, кладет на место. Так что выезжали мы на дорогу при все еще пунцовеющей сестричке. Дорога не сказать, что была забита, но народу хватало, как в принципе и техники. Даже встали на обочине, пропуская длинную автоколонну крытых грузовиков. Не знаю, что везли к фронту, но машины груженные и, самое печальное, никакого прикрытия с воздуха. Зениток вообще не было.

Заметив брошенную машину, крытый грузовик, «Захар», он же ЗиС-5, я насторожился, а когда проезжал мимо, отметил, что рядом никого и поднята одна сторона капота. Они по бокам открываются. Видимо, закипел, крышка радиатора была не закручена, а просто прикрыта, и то криво. Может, водитель за водой ушел, может, еще что, но вокруг реально никого не было. Машина ранее двигалась в одном с нами направлении, у меня было желание пошукать в ней, вдруг брошена, а внутри что интересное и ценное, но при свидетелях еще мародером сочтут, тут это быстро. Даже не признают священного права трофея. Для меня это действительно священо, что мной в бою взято – то свято. Для теперешних командиров это пустой звук, все, что снял с тела противника, надлежит сдать, иначе навесят табличку мародер, и трибунал. Это так командиры, охочие до трофеев, сделали, чтобы те к их липким ручонкам приставали, а не к рукам простых красноармейцев. Таково мое личное мнение. К счастью, я не военнослужащий, к которым это относится, максимум оплеуху отхвачу, по малолетству, если за руку поймают. Однако все равно подобные моральные принципы не по мне. Нет, я знаю, кто такой мародер и кто такой трофейщик. Разница между ними действительно зыбкая, но я ее четко видел. Да, шакалить по грузовику, а по-другому это не назовешь, не стоит. С другой стороны, если один и обеспечиваешь только себя, можно пропустить добычу, но когда на твоих плечах вся семья, тут моральные принципы нужно задвинуть в сторону и сделать все, чтобы довести ее до Москвы и устроить не хуже, чем ранее, а лучше, чтобы было лучше. Уж извините за слоган.

Так что мы проехали мимо грузовика, а он точно не порожний, и покатили дальше. Буквально через километр, всего километров на пять удалились от озера, мы смогли увидеть, кого вчера бомбили немцы, из стаи которых мы ранее выдернули два летающих падальщика. Сидевшая рядом со мной Аня только охнула, рассматривая битую технику, пока я объезжал воронки. Убитых видно не было, все же тяжелое зрелище для детей, их похоронить успели, я видел аж три братские могилы в разных местах со еще свежей землей. А вот технику, ту, что была повреждена или сгорела, ее не тронули. Целую угнали, а вот у поврежденных стояло несколько машин и работали технари. Видимо, снимали нужные узлы. Да уж. Понять их тоже можно. Удивительно, но факт, при валовом производстве танков в Советском Союзе, не производились и не выпускались запасные части для этих танков. Я когда узнал, был в шоке. Мне об этом капитан-танкист рассказал, который лежал в госпитале, где рожала мама.

Я тогда в основном ходил по палатам тяжелораненых, безнадежных, как их считали, этот капитан был из них. Вот я, решив побыть рядом, и играл им, а когда уставал, расспрашивал. А вопросов у меня было много. Если они не скрипели зубами от боли, как этот капитан, все тело сплошной ожог, то с охоткой отвечали. Врать им на границе жизни и смерти смысла не было, так что я изрядно пополнил свой багаж знаний. Вот и оказалось, что на несколько тысяч заявленных танков боеспособными были чуть больше половины. Остальные просто доноры, с них снимали запчасти, чтобы боевые машины могли сдвинуться с места. Ну а когда подразде-

ления покинули места дислокации, доноры-то на месте остались, так что неистощимый источник запчастей для танкистов это вот такие расстрелянные с воздуха колонны. Причем, самое интересное, запчасти с танков одной модели, но разных заводов, не подходили друг к другу. Да даже запчасти с одного завода, если попробовать перекинуть с одного танка на другой, тот тут пятьдесят на пятьдесят. Никакого ГОСТа. Фактически получается, каждый танк уникален в своем роде и неповторим. Вот и возили техники с собой изрядный запас и детали просто подгоняли на места, если не получалось, искали, что подойдет среди запаса. Если не находили, значит, танк превращался в очередного донора. Вот такой принцип. И это если в тылу спокойно, если он откатывается, о донорах обычно забывают. Тут же шла работа, значит, фронт пока стоит. Кстати, тот капитан-танкист прожил семь часов. Я только через пару минут, наигрывая заказанную им песню, заметил, что он мертв. Вдохнув, пересел к другому раненому, летчику-истребителю. В палатке безнадежных было одиннадцать коек. Умирал один, заносили другого. Конвейер, который не останавливался. За те пять суток, что я проводил в госпитале, на моих глазах умерло порядка двадцати тяжелораненых, среди них был один генерал-майор. Сильный мужик, все, что ниже живота, фактически отсутствовало, миной накрыло, разорвало, а крепился и как-то смог протянуть еще несколько часов. Умер у нас в палатке безнадежных. Его даже оперировать не стали, когда привезли, хотя адъютант пистолетом махал у носа хирурга, смысла не было, много раненых ждали своей участи и у них, в отличие от генерала, шансы выжить были. Может, кто-то удивится, что я только у безнадежных был, но я испытывал к ним чувство благодарности, уважения и, уж что говорить, жалости. Они ведь фактически брошенными были, умирали в одиночку или в окружении таких же бедолаг, а так я хоть как-то старался ослабить их мучения и умирали они, зная что рядом кто-то сидит и сопереживает, не чувствовали они себя одинокими, за что и были благодарны. Это был тот крест, что я взвалил на себя. Увидел их случайно и не смог пройти мимо, не отвернулся, пряча глаза, как другие.

Вдохнув и тряхнув головой, развеивая воспоминания, я осмотрелся. По моим прикидкам немцы раздолбали на узкой лесной дороге порядка двадцати танков. Из них штук семь в относительном порядке. В том смысле, что не горели. Лежали на боку или вверх гусеницами, некоторые без башен, но не горели.

– А что это за танк? – спросила Аня, указав на перевернутый корпус без гусениц и башни.

– «Тридцатьчетверка», – рассеянно ответил я. – Видимо, рядом упала тяжелая бомба, вон как его в сторону отшвырнуло, содрал гусеницы и башню. Наверное, раз пять перевернуло, и, если бы не эта полуупавшая сосна, так и дальше бы кувыркался.

Пока мы путешествовали, то не раз видели военные колонны, даже танковые начали встречаться, так что, указывая на разную технику, я учил своих, кто там движется. Но сейчас корпус был так обезображен, что сестренка была в сомнении, вот я ей и прояснил момент, который видел отчетливо, как и след кувырков корпуса танка на земле. Тут много было упавших деревьев на опушке, двигались мы еле-еле, да еще воронок хватало, так что определить, что тут происходило, было можно. Да и видели мы вчера эту бомбежку, что уж говорить, и черные столбы от горевшей техники тоже.

– Жалко их, – вздохнула сестричка.

– Это да, неприятно смотреть на битую технику, особенно если она наша... О, смотри, разбитая зенитка. Буксируемая тридцатисемимиллиметровая.

– Мы такие уже видели, да?

– Да. Наверное, это она приголубила один из бомбардировщиков. Помнишь, когда те возвращались вчера, один сильно дымил левым мотором?

– Помню.

– Точно ее работа.

Честно говоря, меня изрядно нервировало это движение по узкой дороге, я уже сильно жалел, что не съехал с дороги и въехал под тень леса. Немцам не трудно повторить налет, и

жертв будет куда больше, чем у военных, дорога была буквально забита беженцами, среди них редко возвышались грузовики военных, что двигались так же неторопливо. Гражданские вроде тоже были, может, один, а то и два, не поймешь.

– Смотри, дорога, – указала Аня вправо, перекресток был метрах в тридцати от нас.

– Малоезженная, – сразу определил я. – Или на хутор ведет, или на какую-нибудь лесопилку. Тут вопрос, есть с нее второй выезд или нет.

Передал поводья Ане, свернуть на обочину за неимением оной было невозможно, а встать, так закупорим и так не широкую дорогу, так что, достав карту, стал изучать ее на ходу.

– О, смотри-ка, а у немцев эта дорога есть на карте. На смолокурню ведет. Хм, и вторая дорога, что от смолокурни из леса идет, тоже указана. Значит, поворачиваем.

Проехать поворот мы не успели, скорость была как у медленно идущего пешехода. Поэтому, привстав, натягивая поводья, я смог повернуть Орешка вправо, никого не задавив, и мы свернули на дорогу к смолокурне. Дед, что двигался с остальными позади, сделал так же. Мы проехали по дороге метров сто пятьдесят, и я остановил свою телегу. Нужно поговорить, да и малышня выпустить. Давно в туалет просились. Сама дорога пуста, видимо, беженцев она не интересовала, но судя по свежим после дождя следам, сюда сворачивали одиночки и небольшие группы. Одна прошла часа два назад.

Мужчина с явным плоскостопием, тяжеловесная женщина, и были следы груженого велосипеда. Видимо, скарб на нем перевозили. Закончив изучать следы, у меня это меньше минуты заняло, я сам сбегал в кусты, тоже приперло, знаете ли, и вышел к деду, что осматривал копыта одного из своих коней.

– Подкова болтается. Кузнец нужен, подковать. Если слетит, далеко мы не уедем.

– У нас же молоток и гвозди есть, временно сделаем, а в ближайшей деревне, где кузнец будет, перекуем, – ответил я.

– Да, тогда задержимся тут, – разгибаясь, кивнул дед и, осмотревшись, спросил: – А сюда чего свернули? Видно, что тут мало кто ездит.

– Я по карте посмотрел, дорога на смолокурню идет, потом от нее к опушке леса и дальше к ближайшей деревне. Там проселочными дорогами пару дней и свернем на трассу, что к Москве ведет. Вот дальше ориентироваться будет сложнее, карта трофейная заканчивается. А так все тропки указаны. А на дорогу с беженцами я не хочу. Пугает то, что немцы могут повторить налет, а у нас малые.

– Это да, даже много танков немцы на дороге побили.

– Наверняка разведка донесла, воздушная или наземная. Иначе откуда они узнали, что танкисты именно тут окажутся?

– Может быть, может быть, – рассеянно пробормотал дед и направился за инструментами.

Мы поправили подкову, чтобы не болталась, и проверили их у остальных. У Орешка тоже одна имела люфт, и ее подбили. Видимо, пока преодолевали дороги в дождь, те и ослабли. Заодно почистили. Пока дед убирал инструмент, я осмотрелся. Малые поодиночке тянулись из кустиков, только что Димка вышел, подтягивая штаны и отряхивая на ходу босые ноги, видимо во что-то вляпался. Вернулась мама и, забрав у бабушки Кирюшу, отправила ту в кусты. Вот тут и Лука ко мне выскочила с большими глазами.

– Сашка, там воняет. Как тогда, где машины бомбленные были.

– Трупный запах чувствуется. Слабый, – пояснила вышедшая следом Марина.

– Ясно, – насторожившись, кивнул я и коротко крикнул. – Деда!

Тот меня понял, вооружился берданкой и стал поглядывать по сторонам, я проверил свой пистолет, о нем уже все знали, но в ствол патрон не досылал, сунул сзади за ремень. Нужно сделать кобуру скрытого ношения, а то неудобно. Сам пистолет был неплох, мне и в прошлой жизни доводилось из него изрядно пострелять в тире, так что опыт имелся. Единственно предохранителя не было, и при сильной встряске мог произойти случайный выстрел,

а отстрелить себе что-то важное мне как-то не хотелось. Так что проявлял осторожность, приводя оружие к бою перед самым этим боем, но не ранее. Прихватив из своей повозки мелкокалиберную винтовку, я скользнул в лес, внимательно поглядывая по сторонам и себе под ноги. За деда и семью я был спокоен, дед был вооружен не только берданкой. Откинь брезент на краю, а там лежит снаряженный МП, из которого можно создать неплохую огневую завесу. Проще говоря, прострочить подозрительные кусты. Деда я научил использовать оружие, все же бывший артиллерийский унтер, человек достаточно технически образованный. Указал ему на слабые места в оружии, так что все магазины у него были снаряжены не полностью, на две трети, чтобы пружина в магазинах не ослабла. Они были известны своими слабыми местами.

Найти место преступления мне удалось, используя не только обоняние, но и следы. Я пробежался по ним, выйдя на дорогу, но чуть дальше, метрах в восьмидесяти от телеги. Даже Марине помахал, чтобы ждали меня на месте, мол, сейчас вернусь. Закончив с осмотром, я вернулся к нашим.

– Ну что там? – спросил дед.

– Отойдем.

Несмотря на неудовольствие остальных, активно греющих уши, мы все же отошли.

– Девчонка там, лет пятнадцати вроде. Сложно сказать, трупные пятна, целый рой мух поднялся, когда я подошел ближе. Беженка вроде. Дня четыре лежит. Следы дождь почти смыл, но кое-что читается. Пятеро их было, отловили ее, видимо, сама свернула на эту дорогу. Насиливали долго, если бы не дождь, там вокруг нее все в крови было. Потом мучили, долго и с фантазией... Суки. Даже головешками от костра прижигали. Плохой смертью она умерла, очень плохой. Я тело убрал в сторону, под ним четкие отпечатки подошв троих, я их запомнил, не спутаю. Остальные размыты дождем. Смог только разобрать, где ее схватили и куда ушли эти уроды.

– Куда?

– К смолокурне. Возможно, они там, но разворачиваться не будем. Встанем поближе, и я сбегая на разведку. Не нравится мне это. После дождя тут прошло две одиночки, женщины, потом группа из семьи, мужчина, видимо пожилой, прихрамывал, с молодой женщиной и ребенком. Потом еще двое, мужчина с женщиной, у них был велосипед. Это те, кто после дождя прошел. Сохранилось часть следов и до дождя, это там, где листва прикрыла дорогу от капель, но тоже людей поворачивало сюда не так и много.

– И что?

– А то, что военные окрестности не проверяли, бандиты, что над девчонкой глумились, могут и на смолокурне отсиживаться и таких одиночек отлавливать.

– Хм, – задумался дед, после чего согласно кивнул. – Может и такое быть.

– Это да. Тут до смолокурни километра два. Может, я пробегусь, а вы тут по-тихому за мной?

– Хорошо. На твоей телеге я поеду. Автомат возьму, а моей Марина пусть правит, научилась уже.

– Вот и ладно. Я убежал. Через пять минут трогайтесь за мной.

Ничего, что с собой для осмотра места преступления брал, в телегу я не складывал, так что сразу рванул по лесу вдоль дороги к смолокурне, пока дед неторопливо возвращался к нашим. Ему вести наш крохотный караван следом за мной. Добежать я успел фактически до смолокурни, скрытой на крохотной поляне, когда услышал далекие хлопки и, кажется, даже смех.

– Из наганов палят, – задумчиво пробормотал я, остановившись и прислушавшись.

Было четыре выстрела, но мне показалось, что пять. Нет, все же точно пять, последний был сдвоенный, как один. Значит, у бандитов точно есть два ствола, но будем исходить из худшего, что они отлично вооружены, тем более сейчас это не проблема добыть оружие. Уверен,

у них должен быть или наблюдатель или часовой, чтобы контролировал обе дороги, выходящие к смолокурне. Хотя по ширине эти дороги лучше назвать тропинками. Грузовик с трудом пройдет, для телег дорогу рубили, однако нужно сначала найти этого наблюдателя. Тут мне помогли сами бандиты, один из них вышел из амбара, дверь была открыта, и крикнул какого-то Свища, вот же кликуха. Всего на крохотной поляне было два строения, избушка и амбар. Судя по тому, что те ботали на фене, мне снова «повезло» нарваться на ворье, зеков, если проще. Причем, судя по истеричным ответам часового, он в иерархии в банде если не на роли опущенного, надеюсь, не надо объяснять, кто это, то очень близко.

Сам я к опушке подобрался по-пластунски, используя любую возможность и рельеф местности, чтобы подкрасться поближе. Страховался не зря, наблюдатель сидел на дереве, забирался он туда по веревке с навязанными узлами. После переключки тот, что вышел из амбара хохоча, рассказал, как толстуха бросалась на них с пеной на губах, когда те поджарили сыночка. Сейчас некто Кныш выбивал прикладом у толстухи золотые зубы. Та успела покусать его, причем разжать удалость челюсти, когда старуху окончательно дострелили. Сейчас золотые зубы заберет, и труп отправят к остальным. Причем бандит огорчился, что золота с этой семейки евреев взяли немного.

– Приклад, значит, винтовка или карабин. Будем знать, – пробормотал я.

Осторожно вернувшись вглубь леса, я хотел рвануть навстречу со своими, нужно их остановить и покумекать. Отпускать бандитов я не хотел, будем бить. Однако не повезло, я наткнулся на двух бандитов, что вышли мне навстречу из-за деревьев с пустыми носилками в руках. На них были потеки крови. Так вот как они относят трупы в лес. Почти сразу раздался предупредительный крик, и я в прыжке с перекатом ушел за дерево, застонав от боли в плече. Причем в прыжке из винтовки снял того, что шел впереди. Сразу перекатившись за другое дерево. А там, где я только что был, землю взрыхлили две пули из револьвера. Быстро перезарядив оружие, стал прислушиваться. Было слышно, как шумно дыша бандит бежал по лесу. Причем по звуку я понял, что тот пытается меня оббежать по широкой дуге. Не выглядывая, я высунул ствол винтовки и выстрелил. Почти сразу раздался вскрик и шум падения. Повезло, попал, куда целился, пуля не засела в стволе случайного дерева или ветки. Шумное дыхание стало прерывистым, похоже, тяжелое ранение, но я на такую уловку подаваться не собирался. Перезарядился и, выглянув, сделал выстрел. Добивающий. Вот теперь точно готов. А наблюдатель на дереве, поорав, смолк. Зря голос подавал, и так понятно, что к бандитам пришли чужие. Подбежав к первому убитому бандиту, выдернул из-под его туши карабин, повесив за спину. Винтовка у меня хороша, тихая и точная, но пуля слаба, стены избы или доски амбары ей будут не под силу. Вот чтобы бандиты не свалили, я рванул к смолокурне, но обходя ее по опушке. Мало ли сбежать вздумают. Надеюсь, дед услышал выстрелы, уже подойти должны, так что встанет и будет держать оборону.

– Ну что, граждане бандиты, уголовники и насильники. Пришел час расплаты! – крикнул я и тут же нырнул за мощный ствол дуба.

Уловка сработала, по мне стреляли из всего, что было у бандитов, позволяя сосчитать стволы. Похоже, было три винтовки или карабина, причем Мосина, и что удивительно, пулемет, по лязгу «дегтярь» а также автомат. Наш. Вроде ППД. Я слышал ранее, как работают и ППД, но один раз, однако все равно не спутаю, благодаря своему идеальному слуху. У ППД голос чуть глуше, тут был именно такой, значит точно он. Что ж, ПППШ у меня уже есть, раритетный образец, теперь в коллекции и ППД будет. Пока бандиты тратили патроны по тому месту, где меня уже не было, я закончил маневр, обошел смолокурню, откуда велся интенсивный огонь, бандиты патронов не жалели, и, достав бинокль, стал рассматривать открытые проемы строений. Те, как держать оборону, не знали, поэтому так и мелькали, перебегая.

Перестрелка, а стреляли только бандиты, я своего присутствия не обозначал, позволила мне определить, сколько их было. Наблюдение только подтвердило это. Причем наблюдатель

на дереве, там была сколочена площадка, да еще неплохо замаскированная, сидел тихо какмыш, не обозначая своего присутствия, но он был именно там, я это точно определил. Умный сукин сын, вполне возможно отсидеться, если что, наверху. Веревку он поднял к себе. Так вот, помимо наблюдателя было еще шесть бандитов, с теми, что я положил, получается девять. Немало. Нормальных бойцов среди них и даже хороших стрелков я не заметил, так что шансов у бандитов просто не было.

Вскинув винтовку и прицелившись, приложил приклад к правому плечу. Нет, если выстрелю, снова отсушу руку и больше стрелять не смогу. Перекинув винтовку к другому плечу, несколько раз примерился. Нормально, можно и так стрелять. Вот сразу и снял самого опасного на мой взгляд, а это именно наблюдатель. Защиты у того не было, и, несмотря на то что он сидел прижавшись к стволу дерева, замаскировавшись в густой кроне, попадание было точным. На землю он не свалился, оказалось, был привязан, так что повис на веревке в паре метров от земли, покачиваясь. Моего выстрела бандиты не слышали, сами стреляли так, что услышать его было просто нереально. Едва слышный хлопок, моя винтовка была очень тихой. Поэтому еще раз прицелившись, я снова выстрелил в наблюдателя, мне подранки не нужны.

В это время кто-то из бандитов, я так понимаю, главарь, стал выкрикивать, приказывая прекратить огонь. Сообразил, что запас патронов не бесконечен. Мне этого было не нужно, тем более я смог его рассмотреть в глубине ангара через открытые створки ворот, тот перебежал мимо опорного столба. Мой выстрел был точно в цель, пуля попала в голову. Бандитов это подхлестнуло, и те усилили пальбу, позволяя мне, незаметно перемещаясь по опушке, отстреливать их. Думаю, они не сразу поняли, что осталось их только двое. Причем один серьезно ранен. Я пока дважды использовал карабин, когда приходилось стрелять через дощатые стены амбара, их пули карабина брали легко.

Стрельба стихла, я тоже не стрелял, прислушиваясь. Это мне позволило определить, где уцелевший бандит, где раненый и так знал, он свое местоположение стонами выдавал. Однако я не добивал его, мне последний нужен был.

– Эй, менты, давай договоримся. У меня тут две заложницы есть! – услышал я предложение бандита, но слушать не стал.

Выстрелив из карабина на звук, с удовлетворением расслышал шум падения тела со второго этажа амбара. Сам амбар был обшит досками и пули карабина действительно легко пробивали их, так что фактически укрытий в амбаре не имелось. Почему-то в избе никого не было, все бандиты находились в амбаре. Нет, один пытался до дверей добежать, но не смог, пуля летела быстрее, чем тот бегал. После этого я снова выстрелил, и стоны раненого прекратились. Перебежав на другую сторону опушки, быстрым рывком добежал до дощатой стены амбара, он не бревенчатый был, как изба, и заглянул в открытый проем. Быстро пересчитав тех бандитов, что видел, прислушался. Полная тишина, даже было слышно, как мыши начали шебуршать где-то внизу. Убедившись, что живых не слышно, скользнул внутрь амбара и стал осматривать первый этаж с оборудованием смолокурни в виде чанов, да и второй, туда две лестницы вели с разных сторон. А вот ворота большие, грузовик заехать может. Проверка показала, что даже подранков не было. Тела бандитов и изувеченное тело пожилой женщины, похоже, ей прикладом всю челюсть разворотили.

После этого я осмотрел избу. Сомнений не было, бандиты именно тут и проживали, нары были сколочены еще работниками смолокурни, бандиты просто ими пользовались. Причем я собрал все оружие и снес его в избу. Судя по нему, те помародерили на одной из наших армейских колонн, разбитых авиацией. Другого объяснения нахождения столь разнообразного армейского оружия я не находил. Было два ручных пехотных пулемета ДП-27, к каждому по пять запасных дисков, четыре ППД, три в ящиках еще в консервационной смазке, причем с рожковыми магазинами. Не дисковыми. Один у главаря был, это он поливал из него опушку, чуть ствол не запорол, скотина. Потом девять СВТ-40, самозарядные винтовки. Они были сва-

лены в кучу в углу, похоже, никто из бандитов не умел ими пользоваться, вот и не трогали, а прихватили так, от жадности. Потом двенадцать винтовок Мосина и шесть карабинов той же системы. Причем подсумков было мало, не снимали их бандиты с тел погибших, с пяток было. Еще шесть пистолетов ТТ и два нагана. Еще отметил несколько ящиков с консервами, бумажные мешки с сухарями и еще что-то из продовольствия. Карабин, снятый с тела бандита, внутри один патрон остался, я оставил тут же в избе.

Вот боезапас я обнаружил именно в амбаре, теперь понятно, почему они такую пальбу устроили, тут стреляй не хочу. Десять ящиков с цинками с патронами. Два ящика к ТТ, живем, и несколько десятков пачек к наганам. Помимо них четыре ящика с гранатами. Один с противотанковыми, две с оборонительными, классические «лимонки», и ящик РГД-33. У главара я нашел настоящий «маузер», тот самый, комиссарский в деревянной кобуре, который тут же прихватит себе, затрофеил. Тем более «маузер» оказался под парабеллумный патрон, которых у меня хватало. Никаких наградных пластинок на нем не было, поэтому и забрал с чистой совестью.

В самом амбаре на свободной площадке слева от ворот стояло два транспортных средства. Один возок, хороший такой, крепкий. Но только для перевозки людей, не грузов, и обычная деревенская на вид телега, вроде моей. Вот только лошадей я нигде не видел. Без транспорта бандиты не могут, значит, где-то они держат лошадей. Меня обеспокоили слова бандита о заложниках, так что я стал внимательно осматривать амбар, ну и вокруг него пробежался. Нужно определить, сколько реально тут было бандитов, так что, пробежавшись, осмотрел обувь у всех, включая наблюдателя и тех двоих, что лежали в лесу. Нет, все точно, их было девять. Нашел по следам, в какую сторону увели лошадей, между прочим, трех, после чего вернулся в амбар. Все же был тайник. Причем старый, еще местные делали. Странно, что бандиты его нашли, если, конечно, тот не был открыт к их приходу, или кто из бандитов тут ранее работал. Может, и случайно нашли. Открыв крышку, обнаружил двух связанных женщин. Вот кляпов не было, чего же голос не подали?

– А я думал, мыши шуршат под полом... Чего молчите, язык отрезали? – тут же спокойно осведомился я.

– Бандиты обещали гранату кинуть, если мы кричать будем, – тихо сказала одна из молодых женщин.

– А-а-а, понял. Можете уже вылезать, побил я бандитов. Живых нет, не делайте таких кровожадных лиц.

На самом деле они не делали, были слишком испуганными, я просто старался их так приободрить. Похоже, не слишком получилось. Спустившись в погреб, осмотрел их обувь, развязывая.

– Ясно. Ты одиночка, а ты шла с ребенком и хромым мужчиной. Я ваши следы видел на дороге, что вела сюда. После дождя остаются отличные отпечатки. А я их читаю как книгу.

– Они убили отца и сына, – горько заплакала одна из молодых женщин.

Судя по их разорванным платьям, обе подвергались насилию у бандитов, причем не единожды. Видимо, для этого их и оставили в живых, чтобы можно было разлечься, если в их сети еще дичь не попадется. Успокаивать я их не стал, для этого есть отличное средство – время. Оно всегда лечит, по себе знаю.

Закончив освобождать обеих, просто ножом срезал путы, я разогнулся, отчего голова оказалась на уровне пола амбара, и сказал:

– Ладно, выбирайтесь, а я за своими сбегаю. Да еще ментов нужно привести, дело-то серьезное.

Ага, так меня и отпустили. Вцепились в штаны и очень убедительно попросили их тут одних не бросать. С трудом освободившись из женских захватов, я все же пообещал и, прихватив их с собой, направился к дороге, на которой должен быть дед. Женщинам было трудно

идти, тяжело, еще бы, после многочисленных изнасилований, но они крепились, да и я шел потише, чтобы их не напрягать. Наши нашлись метрах в трехстах, причем не на дороге, а в кустах, дед их туда загнал и замаскировал. Но я все равно их обнаружил первым, шалить подкрадываясь не стал, вышел на открытое место и помахал винтовкой над головой. Дед сразу вышел из укрытия. Женщины после взмаха присоединились, и мы дошли до наших.

– Что там было, бандиты? – тревожно спросил дед.

– Да. Девять было. Сейчас они мертвые, постреляли мы. Эти женщины у них в заложниках были, в тайнике их держали, в яме. Сам понимаешь, что с ними делали. Вы тут оставайтесь, никуда не уходите, а я до дороги пробегусь. Сотрудники милиции на дороге нам встречались. Может, удастся кого увидеть и привести, а то и сотрудников НКВД. Сам посматривай по сторонам. Мало ли эти выродки тут не одни были. Те, что на смолокурне одни были, точно девять, но мало ли. Вот еще «маузер», убери в мою телегу, трофей.

– Хорошо, – кивнул дед, принимая тяжелую деревянную кобуру с длинным ремнем. – Обед готовить?

– Да, прямо тут. Когда я вернусь, не знаю, меня, если что, не ждите. Гадать не хочу, когда в толпе беженцев нужных людей найду и смогу убедить их проследовать за мной. Люди разные бывают, может, и не захотят сюда отправиться. Но готовьте сразу побольше, если все же приведу, покормим, нужно показать, что мы хлебосольные хозяева. Может, в телеги наши не полезут, менты могут, они такие.

– А что за менты?

– Милиционеры коротко.

– Ну дай бог быстро вернешься, – вздохнул дед, после чего, повесив кобуру с «маузером» на плечо, стал активно командовать в лагере. Выбежала малышня из укрытий, Марина тут же засуетилась с лопатой на свободной площадке, собралась копать яму для костра, женщин встретила и отвела в сторону бабушка, ну а я побежал к дороге.

Кстати, у нас теперь было два котелка, один на пять литров, другой на семь. Тот, что на пять, трофей из немецкого бронетранспортера, а на семь был старым, купили в одной из деревушек. Мы там еще хлеб приобретали. Однако ведро все равно использовали, нам и для собак еду варить, ну или кто из беженцев подойдет. Не отказывали, всегда готовили с запасом. Добравшись до дороги, я вышел на перекресток и, держа винтовку на сгибе руки, стал взглядом просеивать плотную колонну беженцев, что медленным потоком брела мимо. Люди усталые, покрытые пылью, машинально переставляли ноги. Ремня у моей винтовки не было, вот и держал в руках. Заметив армейские машины, что, переваливаясь на колдобинах или на краях воронок, которые старательно объезжали, их никто не засыпал, я насторожился было, вытянув шею, разглядывая их, но тут же погрузился. Артиллеристы. Не мои клиенты. Как назло, ни одной милицейской формы вокруг, часто армейцы брели, но нужных мне ни одного. Почти час простоял у всех на виду, и никто, повторяю, никто не заинтересовался мальчишкой с оружием в руках. Я уже с десятков машин пропустил, мимо меня прошло не менее двух тысяч беженцев, большинство шло со стороны Пскова и окрестностей.

Тут я обратил внимание на медленно переваливающуюся машину, «полуторку» с открытым кузовом. В ее кузове согласно маневрам машины покачивались головы бойцов в таких знакомых зеленых фуражках. Пограничники. То, что надо. Их обычно использовали в охранах тылов. Надеюсь, с этой группой я не ошибся. В этом случае бандиты как раз их тема. Оружие-то армейское.

Мой взмах рукой заметили. Командир, что сидел в маленькой кабине рядом с водителем, внимательно посмотрел на меня. Я это видел, так что кивнул ему, подтверждая, что знаки внимания относятся именно к ним, и повторил жест. Небольшая свободная площадка на крохотном пятачке у съезда на дорогу к смолокурне была, вот только тут разлилась лужа. Мы-то ее проехали спокойно, преодолев на телегах, а вот машину останавливать в луже, скажем

так, не совсем обдуманная и правильная идея. Так что когда водитель, съехав с дороги, погазовал в луже, разбрызгивая грязь и воду, и передом выехал на дорогу к смолокурне, но кузов еще находился рядом с лужей у лесной дороги, где брели беженцы, то я только посторонился, понимая, что встать тут просто негде.

Как только машина замерла, и мотор сразу смолк, дверь открылась и командир, я рассмотрел у него по три кубаря в каждой зеленой петлице, открыв дверцу, покинул кабину. Привычно расправив гимнастерку, сгоняя складки назад, он мельком осмотрелся, даже по кустарнику на обочине быстрым взглядом прошелся и спросил у меня, так же осмотрев с ног до головы, мельком задержавшись на винтовке:

– Кто таков? Что-то случилось?

– Кто я таков, мне известно, а вот кто вы такие? Документы показываем, без этого общаться не буду. А то знаю, что в абвере неплохие фальшивки делают, и их диверсанты по нашим тылам шныряют.

– Законная просьба, – кивнул старлей и, расстегнув клапан нагрудного кармана гимнастерки, достал удостоверение. – Ты хоть разбираешься в этом?

В кузове «полуторки» находилось семь пограничников. Один из них со старшинской «пилой», держа в одной руке СВТ, спрыгнул с кузова и подошел к нам, остальные молодцы сидели, но контролировали окрестности, привычными взглядами просеивая также беженцев на дороге.

– Метки где, знаю, как и какова главная ошибка специалистов абвера при изготовлении наших командирских удостоверений, мне тоже известно, – рассеянно ответил я, принимая плотную картонку документа.

– Откуда? – насторожился старлей.

Мельком пролистав удостоверение, не возвращая и также не сообщая, откуда имею такие сведения, сказал:

– У вас приказ должен быть нахождение в тылу наших войск. Вы ведь патруль?

– Верно. А это откуда знаешь? – еще больше насторожился старлей. Да и старшина стал пристально осматривать кусты, при этом еще контролируя меня, встав чуть сбоку.

Командир-пограничник под моим требовательным взглядом все же достал листок приказа, и я изучил его, сравнив данные с удостоверения.

– Все верно, вы действительно патруль. А так я видел вас дня два назад на перекрестке. Вы там движение регулировали и выборочно проверяли машины и людей. Выцеживали армейцев и собирали их в группы. Наверное, на сборный пункт отправляли, только я этого не видел, мы уже мимо проехали. С документами все в порядке, настоящие.

Вернув документы в карман, старлей не сдвинулся с места, изучая меня. После чего спросил:

– А ты объяснить ничего не хочешь?

– Нет. Только проясню, почему вас остановил. Эта дорога ведет на смолокурню. Там была банда в девять человек, хотя людьми их называть это я поспешил. Они отлавливали всех беженцев, что туда сворачивали. Грабили и убивали. Перед смертью жертв мучили, я могильник посмотреть успел, не меньше пятнадцати жертв. Точно не скажу, в овраг не спускался. С фантазией оказались подонки. В перестрелке я их уничтожил, освободив двух женщин-заложниц, думаю, не надо говорить, что бандиты с ними делали. На смолокурне у них склад армейского имущества, видимо, на одной из разбитых колонн собрали, пулеметы, автоматы ППД, три там еще в пушечном сале в ящике, винтовки и гранаты. У нас там целый бой был, патроны они не жалели.

– Сам уничтожил? – с недоверием спросил старшина, который впервые подал голос.

– Сам. Я сын лесника, а бандиты только знали, какой частью оружие нужно прижимать к плечу и с какой стороны пули вылетают. Они, видимо, самозарядками пытались воспользо-

ваться, да не сумели. Там две винтовки с заклинившими затворами лежали. Карабинами и винтовками Мосина пользовались, ну и пулеметами. Еще у командира был ППД, поливал по опушке, где я укрывался из него, как из шланга водой. Настоящий бой с их стороны был, а у меня винтовочка тихая и точная. Один выстрел, один труп. Бой вести в помещениях совсем не умели, не прикрывали друг друга, в одиночку отстреливаясь, так что шансов у них не было. Деревья к зданиям близко были, метрах в тридцати, вот я и бегал по опушке вокруг поляны да отстреливал.

– Развелось этих бандитов на дороге. Только троих час назад расстреляли за грабеж с убийством, – сказал старшина, на что старлей только кивнул.

– Хм, наши документы ты посмотрел, теперь хотелось бы посмотреть твои. Разрешение на оружие есть?

Фраза была произнесена с явной иронией, тут старлей не хуже меня понимал, что никаких документов у мальчишки быть просто не может. Правда то, что винтовку у меня не пытаются отобрать, было им в плюс, но и иронизировал тот зря, я также спокойно достал из нагрудного кармана рубахи лист бумаги с печатью и протянул ее ему.

– Охотоводство Сланцевского района Ленинградской области. Выдана Полякову Александру Кондратьевичу, внештатному сотруднику лесничества. Номер оружия указан и возраст. Одиннадцать... а, уже двенадцать лет. Выдан... Хм, Поляковым. Кэ, Гэ? Отец, что ли?

– Отец. Он у меня лесничим был, пока в армию не призвали, вот и выдал.

– Ну эта справка действительна только на территории указанного района, но как документ пойдет. А теперь все же проясни мне один прелюбопытный момент. Документы ты мои быстро пролистал, явно знал, куда смотреть. Значит, действительно знаешь, как распознать фальшивку. От кого узнал?

– От одного капитана-пограничника. Гордеев его фамилия, – ответил я, убирая справку обратно, мне ее вернули.

– Не Антон ли часом?

– Да, Антон Васильевич.

– Да ладно, – широко улыбнулся тот. – Он же мой свояк, мы на сестрах женаты. Как он? Где его видел?

– Умер он, многочисленные осколочные ранения живота и таза. Газовая гангрена и все остальное сопутствующее. А видел я его в полевом госпитале километрах в семидесяти отсюда. Сейчас покажу.

Достав из-за голенища сапога трофейную карту, я острозаточенным карандашом указал на лес, где стоял госпиталь.

– Вот тут хоронили умерших от ран. Четвертая братская могила от тополя, он там похоронен. Карту себе оставьте, закончилась она, все равно выкинуть хотел.

Было заметно, что старлей, а его звали Сергеем Шальским, сильно расстроен. Он взял карту и стал осматривать ее.

– А ведь мы тут недалеко почти две недели постом стояли. Кто же знал?

Шальский отошел в сторону, ему явно было не до разговоров, видимо, погибший капитан был ему близким другом. Не только свояком, так что нить беседы перехватил старшина:

– Оттуда карта?

– Трофей, с лично убиенных немцев снял. Дней десять назад на лагерь моей семьи наткнулись немцы, видимо дозор. Два мотоцикла дальше, не останавливаясь, проехали, а один встал. Решили пошукать у нас в телегах. Я от родника с ведром воды шел, первым их увидел. Подкрался и застрелил. Наган у меня тогда был. Мотоцикл и все оружие отогнал к нашим, горючки хватило, а мне там подзатыльников надавали на просьбу выдать справку, что это я убил немцев и добыл технику с оружием. Видимо, решили себе приписать захват и бой. Командовал там некто старший лейтенант Заславский, командир сводного батальона. Потом, спустя

несколько дней, когда мы на дороге под дождем двигались, еще застрявший бронетранспортер встретили, там немцы внутри сохли и обед себе готовили на примусе, я их побил из пистолета, но вытаскивать машину из грязи не стал, хотя возможность такая была. Знаю теперь, как наши командиры встретят такой трофей, мне подзатыльников с первого раза хватило. Так что сжег я бронетранспортер. Правда, карты в нем не было, это с первых трофеев.

– Наверное, не только карту взял? – сказал вернувшийся старлей. Карту, что я ему отдал, он уже убрал в свой планшет.

– Вот что, старлей, – ткнул я ему пальцем в грудь. – Я исповедую закон, что в бою взято – то свято. Вот только попробуйте полазить у нас в телегах или повозках. Перейдете в стан врагов, там трофеи и они мои. А в лесу даже у вас против меня никаких шансов. Я ясно пояснил эту ситуацию?

– Вполне, – неожиданно улыбнулся тот. – Обещаю, осматривать повозки не будем.

Не зло или как-то иронично, а по-доброму улыбнулся, как старший брат младшему, что недавно накосячил.

– Так ты не один? – влез в разговор старшина.

– Нет, конечно, много нас Поляковых. Одних детей девять, считая меня. Мама, бабушка с дедом. Они там, в лагере рядом со смолокурней, да и освобожденные заложницы тоже.

– Мы тут проедем? – кивнул старлей на узкую дорогу к смолокурне.

– Поскребете бортами по веткам, но проедете, – уверенно ответил я. – Вот если бы машина крытой была, то нет, там несколько низко висящих веток имеется. Задрали бы брезент и дуги поломали.

– Товарищ старший лейтенант, – подал голос водитель, что поднял капот со своей стороны, и проныл: – Бензина километров на десять осталось.

– Это не проблема, я слил с трофейного бронетранспортера бензин, четыре полных канистры. Поделюсь. Дам одну... Нет, даже две, не жалко.

– Договорились, – усмехнулся старлей.

– Кстати, вы ели?

– Пока не успели, вчера ужинали только, запас продовольствия к концу подошел.

– Отлично, наши уже должны были приготовить обед, сейчас доедем до лагеря, похлебам супу и за работу. Буду показать, что настрелял. Надеюсь, трофеями поделитесь?

– Вот тут губу не раскатывай. Я обещал в телеги не лезть, это выполню, а все остальное сдать придется.

– Черт, – искренне сказал я в пространство, под усмешки старшины и старлея.

Нормальные парни оказались.

– Давай в кузов, дорогу покажешь.

– Хорошо.

Одним броском оказавшись в кузове, он был почти пуст, один ящик из-под патронов и сидоры бойцов, вот и все. Негусто. Водитель завел машину и, вернувшись в кабину, с хрустом врубив передачу, медленно повел машину по узкому туннелю. Сидеть пришлось на корточках, скамеек не было, а ящик занят, напряжно.

– Вот там метрах в тридцати тело беженки. Убита, – указал я старшине.

Тот, прищурившись, посмотрел в указанную сторону и кивнул, мол, запомнил. Мы метров на двести успели отъехать от перекрестка, как сидевший рядом молоденький рыжий курносый пограничник со сбитой на затылок фуражкой привлек внимание старшины, что сидел рядом со мной, и указал назад. Обернувшись, я тоже увидел морду крытого ЗиСа, что следовал за нами. За ним виднелись еще машины, две точно, но вроде было больше. Видимо, командир какой-то автоколонны, заметив, что какая-то машина ушла с забитой дороги, и приказал поворачивать следом, надеясь, что эта дорога выведет их из леса.

– Не проедут! – стараясь прокричать рев мотора «полуторки», сообщил я. – Тут ветки низкие, крытым машинам не пройти, рубить надо.

– Топор есть? – уточнил старшина.

– Только в лагере. Пилы и топор. Плотницкий инструмент отца.

– Понял.

Старшина тут же застучал по фанерной крыше «полуторки». Грузовичок сразу остановился, открылась дверь и на подножку встал старлей.

– Что?

– У нас попутчики, – махнул за спину старшина. – Сашка говорит, скоро встанут, не проедут, ветви низко висят, дорогу чистить надо. У него в лагере инструмент есть.

– Там вроде санитарный автобус, – привстав на цыпочки, щурясь, присмотрелся тот. – Может, раненых везут? Вот что, старшина. Бери бойца, остаешься тут, встретишь их. Если раненых везут, поможешь. Если нет, пусть задним ходом выбирают на дорогу, недалеко уехали.

– Иванов, за мной, – скомандовал старшина и первым покинул кузов машины с винтовкой в руках.

За ним последовал один из пограничников, молодой парень, явно второго года службы, слушком все справно на нем сидело, да и движения были как у опытного солдата. Стрелей вернулся в кабину, и мы продолжили движение. В некоторых местах действительно ветви висели над дорогой, и проезжали там осторожно, в паре мест даже руками из кузова приподнимали ветви, чтобы нас не смело на землю. Но, как бы то ни было, пять минут движения по дороге и нас встречает дед.

Тут лес был свободен, так что водитель свернул к лагерю, протиснувшись между деревьям, просто убрал машину с дороги, освобождая ее, и почти сразу же заглушил. Покинув кузов одним из первых, я сразу же стал командовать всеми, включая пограничников. Причем как-то так сложилось, что Шальский особо не возражал. Все мои команды были в тему. Обед уже был готов, наши даже поесть успели. Как раз чай пили. Так что бабушка с Мариной засуетились. У погранцов была своя посуда, они выстроились к ведру, протягивали котелки Марине, которая половником разливала суп, он у нас сегодня мясной, с тушенкой, я по запаху понял. Некоторые задумчиво поглядывали на нее и переводили взгляды на меня, явно сравнивая. Даже слепой поймет, что мы близнецы. Одного пограничника я отправил с пилой и топором назад к старшине, а другого к поляне, чтобы охранял там все, на опушке постоит. Ему бабушка дала еще горячую лепешку с копченым салом, так что, жуя на ходу, тот быстрым шагом утопал по дороге к смолокурне. Ну а мне вручили тарелку, и я сел рядом с пограничниками, обедая. Остальным оставили, я сообщил, сколько людей привел.

Ели молча и быстро, время утекало, это понимали все. Когда попили чаю, старлею и одному из бойцов выдали кружки, у остальных они свои были, мы собрались и стали заниматься делом. Пока ели, вернулся тот погранец, что к старшине бегал, вот он как раз доедал свою порцию, вприкуску с лепешкой. Марина их изрядно напекла, по одной всем хватало, и он как раз собирался приступить к чаю, когда мы закончили. Этого бойца не трогали, у него прием пищи продолжался. Старлей сразу отправил замену часовому у смолокурни, горячая пища это все же горячая пища, тем более кормили мы их с охоткой. Потом он бегло опросил женщин, освобожденных мной, постоянно хмурясь, после чего оставил в лагере водителя, тому я успел выдать две канистры с бензином, и, заправив машину, он стал вести опрос женщин, записывая показания в выданном командиром бланке.

Когда мы со старлеем собрались двинуть к смолокурне с бойцами, подошел старшина с Ивановым. Он доложил, что на дороге действительно встала санитарная колонна из одиннадцати машин. Инструменты санитарам, что были в сопровождении, уже выданы, они и расчищают дорогу. Также доложил и об убитой девушке, он и ее место нахождения осмотреть

успел. Потом старшина с бойцом сели обедать, тут и часовой со смолокурни подошел, присоединился, а мы двинули дальше. Шальский оказался на удивление нудным в опросе командиром. Я буквально в красках описывал каждый свой шаг, старлей, пока его бойцы собирали оружие, осматривали тела и составляли список убитых и трофеев, записывал и даже зарисовывал, как я себя вел при ответном огне. Как первых двух бандитов с носилками застрелил, забрав карабин. Их уже осмотрели, и два бойца, натянув на лица повязки, изучали тела беженцев, убитых в овраге. Оказалось, их там было двадцать семь, включая троих детей. Никого не жалели. Было еще два военнослужащих. Чуть позже их документы обнаружили среди вещей главаря. Один из пограничников прошелся по следам лошадиных копыт и вернулся с тремя лошадьми, он им и уздечки надел, те стреноженные на соседней поляне находились, там же и ручей был, где те пили. Думаю, и бандиты питьевую воду оттуда же таскали.

Чуть позже к нам присоединился старшина, который не менее внимательно и с немалым интересом осматривал те места, откуда я стрелял, и даже бегал смотреть, куда я попадал, изучая пулевые отверстия в досках амбара. Бандитов не трогали. Чем дальше, тем задумчивее становились оба командира, то и дело бросая на меня заинтересованные взгляды. Похоже, только сейчас они поверили, что всех бандитов действительно положил я. Сейчас бойцы копали ямы, чтобы схоронить как бандитов, так и их жертв. Причем пограничники сами не копали, выставили на дороге пост, отловили два десятка одиночек-армейцев. Даже на носилках принесли тело той убитой, что мы нашли первой. Тем более поляна была свободна, когда санитарная колонна дошла до смолокурни, то проехала поляну и двинула дальше. Тут мы отвлеклись на пару минут от изучения моего боя с бандитами. На поляне машины встали, затор впереди убирала с помощью наших пил, вот я и подошел к военврачу. С плечом. Тот осмотрел, ощупал и сказал, что у меня просто синяк, сам сойдет. Успокоил, в общем. После этого мы продолжили.

А медики уехали, причем оказалось, что за этой колонной шло еще порядочно машин. Вот мы и работали, и описывали все под постоянный гул машин. Когда мы закончили, как раз неполный артиллерийский дивизион проходил. Трактора так и ревели, буксируя пушки. Тяжелые гаубицы, семь штук. Как я понял, остатки дивизиона. А вот инструмент мне не вернули, когда я спросил о них старшину, тот быстро провел расследование и развел руками. С санитарной колонной уехали. Чтобы я еще раз... Хотя раненым помог быстрее лес пересечь, так что пусть подавятся.

– Все, что было, рассказал, – когда мы закончили, сказал я. – Дадите что?

– А что надо? – что-то дописывая в блокноте, задумчиво поинтересовался Шальский.

– Патроны бы для ТТ. Сотни три, если не жалко.

– Выдай, – кивнул тот старшине, после чего, сделав последнюю запись, убирая блокнот в планшет, повернулся ко мне. – Мы сейчас погрузимся, похороним и уедем. Лошади и повозки нам не нужны. Заберешь?

– Конечно. Справку о побитых бандитах дашь? Ну и то, что транспортные средства с лошадьми это мои трофеи, законные.

– Не волнуйся, с этим проблем не возникнет. Ты тут отлично поработал, мы реально в восхищении. Я изучил все твои движения и перемещения и зарисовал, так может двигаться только опытный боец, ветеран, с огромным практическим опытом. У тебя, я понимаю, его не может быть, поэтому ответь, как?

– Просто чуйка, природный дар, – пожал я плечами.

Мы отошли в сторону, чтобы не дышать выхлопными газами тракторов, хорошо те надымили на поляне.

– Вполне возможно, отрицать не буду. Мои бойцы уже поговорили с твоей семьей, я в курсе о перестрелке с бандитами, что ограбили леспромхоз, и то, что ты после ранения потерял память. Учишься и познаешь все заново, но все равно странно.

– Да я согласен, но вот есть это и все. Ничего тут не сделаешь.

– Да я же не возражаю, – грустно улыбнулся старлей и, сняв фуражку, вытер платком мокрый от пота лоб. – Морит, наверное, дождь будет... Я хочу сказать, что наоборот рад, что ты такой есть. Молодец, так держать... Расскажи об Антоне, как вы познакомились.

– Да как. В госпитале была палатка, ее «палаткой смертников» еще называли, там безнадежные лежали. Бросили их фактически. Умер, вынесут и следующего на свободную койку. Вот я зашел и стал играть им. У меня гитара, еще пою свои песни. Не хочу, чтобы они уходили всеми брошенные. А в свободное время, пока пальцы отдыхали, общался с ними, много интересного узнал, очень много. Вот так вот и с Антоном. Когда он умер, я не видел, вечером уходил в свой лагерь, был жив, утром пришел, там уже новый безнадежный лежит. Вот такие дела.

– Про немцев расскажи.

Вернувшийся старшина также с не меньшим интересом выслушал в подробностях, как я положил мотоциклистов, а вот экипаж бронетранспортера меня просто прощелкал. Это оба командира понимали.

– А про самолеты, почему не рассказываешь про двух сбитых бомбардировщиков? Думаешь, мы не заинтересовались, откуда у тебя такой синяк на все плечо?

– От сестричек узнали? – смутился я.

– Только и трещат про это. Очень гордятся, – кивнул старшина.

– Было такое, что уж теперь говорить. Из трофейного противотанкового ружья, что снял с бронетранспортера. Я же стрелок, снайпер, а они невысоко летали, даже километра не было. Прикинул скорость пули, сделал первоначально пробный выстрел, потом рассчитал скорость самолетов, выставил прицел и стал стрелять по кабинам, в пилотов целил. Так и сбил двух. По кому стрелял, те к земле и полетели. А остальные танкистов разбомбили, наверняка видели на дороге. Жаль, остальных не достал, уже стрелять не мог. Тут сами видели с левой руки, стрелять приходилось.

– Видели... Мы и летчиков этих сбитых ловили, – хмыкнул старшина. – Видели и как бомбардировщики падали, только понять не могли, кто их сшиб.

– Было бы патронов побольше, во все бы стрелял, что летает с крестами, а у меня мизер. Запас маленький, только на крайний случай.

– Ясно, – вздохнул старлей и, посмотрев в сторону могил, где хоронили жертв бандитов, последних уже закопали, сказал: – Уже потерпевшие подошли. Идем, хоронить будем.

Все уже было готово, да и старший сержант, что там командовал, нам знак подал. Пришли дед с бабушкой и Марина, ну и обе освобожденные мной женщины. Их уже вызывали ранее на поляну, они свои вещи опознавали среди барахла бандитов. Кстати, и велосипед был найден, вполне новый женский велосипед. Это последних жертв, матери с сыном, евреев вроде. Похороны прошли с некоторой печалью, кто хотел, взял слово, после чего закопали жертв, ну и поставили столб с именами павших. Кто погиб, узнали из документов, их бандиты тоже собирали. Сам старлей, машина уже их была загружена тем, что было отбито, все не влезло, так что пограницы отловили порожнюю машину, водитель не мог найти свою часть, и загрузили. У того бак тоже почти пуст был, пришлось поделиться двумя оставшимися канистрами. Шальский жадным не был, как и обещал, все отдал мне, даже велосипед и несколько патронных пачек для ТТ и моего ППШ, так что мне зачем жадничать? Правда, сами порожние канистры я попросил вернуть, штука нужная и дефицитная.

Погранцы, попрощавшись, уехали, ну и мы стали собираться, ночевать в этом мрачном лесу никто не хотел. Обе спасенные остались с нами, старлей, когда те попросились именно к нам, кажется, даже вздохнул с облегчением, так что легко согласился на это и, собравшись, уехал. Красноармейцы, что занимались похоронами, построившись в колонну, направились следом, им было велено идти на сборный пункт, там сейчас старший сержант-сапер командовал. После похорон спасенные с бабушкой направились в наш лагерь, Марина покатила велосипед, а мы с дедом, осмотрев лошадей, признав их годными, изучали возок и телегу. Столько

транспортных средств, в принципе нам не нужно было, хотя телега пригодится. Освободим свои, а то перегруженные. Лайки крутились вокруг нас, им, наконец, разрешили покинуть лагерь, так что обнюхивали все. Когда мы запрягли лошадей, в возке, судя по сбруе, как раз две лошади ходили, то отвели трофеи в сторону. Вернуться по дороге к лагерю практически не представлялось возможным. Тут не только техника шла, но и появилось изрядное количество беженцев. Так что дед остался охранять трофеи, а я вернулся в лагерь. За час мы собрались, это не быстрое дело, и когда на дороге появился просвет, вклинились в движение. Добрались до деда и, снова влившись в колонну беженцев, покатали дальше, причем набрав побольше людей пассажирами. Отбирали те семьи, где были дети. Пустой от груза возок вез только беженцев. Им Марина управляла, я своей телегой, а трофейная деревенская двигалась на привязи за мной, в смысле повод лошади привязан, что в нее была запряжена. Кобылка молодая оказалась. Дед замыкал. Вся наша малышня была со мной, с дедом спасенные, бабушка с мамой, ну и Кирюха.

Техника, что успела тут пройти, разбила дорогу, лес, просохнуть нормально она не успела, но, к счастью, нигде не застряли и, выбравшись из леса, преодолели небольшую речушку вброд, мост был разрушен, и, проехав по единственной деревенской улочке полупустой деревни, покатали дальше.

Чуть позже я заметил вдаль дым паровоза и на первом же перекрестке свернул. Не ошибся. Там была железнодорожная станция, проходная. Почти все беженцы, что с нами были, почти двадцать детей насчитать можно, остались тут, был шанс убраться из-под катка военной машины Германии не на своих двоих, а на попутном поезде, вот они и решили им воспользоваться. Обе спасенные также остались тут. Уже темнело, поэтому, оставив беженцев, они ждали поезд, который должен подойти с наступлением темноты, отъехали в сторону, где встали лагерем. В сторону это на пару километров, не хочу, чтобы до нас долетали осколки бомб, если станцию будут бомбить. Пока бабушка готовила ужин, вода у нас в канистрах запа-сена была, тут кроме станции источников не было, я освободил трофеи, деревенскую телегу и возок, и мы с дедом сделали вот что. Крепкого молодого коня, переделав сбруи, впрягли в мою телегу, а то Орешек слишком быстро уставал, тяжеловата для него моя груженная телега, а так полегче будет. Потом мы с дедом прокатились до станции, там было несколько палаток с красными крестами, и туда подъезжали машины с ранеными. Но не только машины, телег хватало. Найдя старшего этого эвакуационного пункта, мы с дедом изъявили желание передать оба транспортных средства на баланс этому медподразделению. Правда про справки я не забыл, и обрадованный военврач (с транспортными средствами была беда) легко нам их выдал, даже печати поставил. Кстати, у Шальского тоже своя печать была, он, когда мне документы выдавал, печати ставил. Эти документы я сохранил. На них военврач сделал приписки, что возок и телега поступили на службу в армию в такое-то подразделение. А мы, таким способом избавившись от откровенно ненужных транспортных средств, пешком уже в сгущающейся темноте вернулись к лагерю, в сопровождении лаек. Те с нами прогулялись. Как раз успели к ужину.

Маринка еще насмешила, пыталась кататься на велосипеде, не очень у нее это получалось. А вот велик я решил сохранить и оставить для жизни в Москве. Хозяев у него теперь нет, нашим будет. Я не барахольщик, просто очень хозяйственный, да и ответственность на мне за семью. Так что, посмотрев на подходе, как Марина учится ездить на велосипеде вокруг костра, где было освещенное пятно, я лишь улыбнулся. Подойдя к костру, где собрались наши, успокоил маму, пока мы сдавали возок и телегу, подошел эшелон и почти все беженцы сели на него, нашлись места. Правда, ехать придется фактически стоя, но они были согласны даже на это.

После ужина мы с дедом проверили лошадей, те стреноженные паслись в стороне, за ними лайки присматривали и Шарик, если что, голос подаст, после чего дед отправился спать, уже все смотрели сны. Я же посмотрел в сторону станции, там затемнение соблюдалось, ни огонька, хотя следы ранних бомбежек были видны невооруженным взглядом, и, тоже устроив-

шись, быстро уснул. Мне место подготовили под моей телегой. Привык уже. Набросают охапку сена, на него одеяло и вторым укрываться. В качестве подушки вещевого мешок, он мягкий. Две подушки у нас были, но это мамина и бабушки. Трофейная надувная стала Марининой, она ее себе прибрала и считала своей собственностью. Я это сделал как подарок, порадовав ее. Ладно, завтра сразу с утра двинем, и думаю, дней через шесть доберемся до леса, где я золото припрятал. Кстати, продовольствие к концу подходит. На пару дней осталось, значит нужно закупать. В деревнях смысла нет, а вот на продуктовом рынке какого-нибудь городка самое то. Я уже узнал, на станции поспрашивал, был такой на нашем пути, назывался Дно. Там же была следующая железнодорожная, даже узловая станция. Как раз через пару дней и доберемся. Если все нормально будет в дороге, то к вечеру послезавтра будем на месте. Или утром третьего дня.

Спать одному мне удавалось редко (при таком разнообразии сестричек и братьев, самый младший пока мал), но средний Димка не упускал возможности разделить со мной постель. Вот и сегодня я проснулся с рассветом, дед прошел мимо, шурша сапогами по траве, тот лежал рядом, стащив с меня одеяло и закутавшись в него. Отчего мне и Ольге, прижавшейся с другого бока, было заметно холодно. Остальная малышня расположилась кто где. Осторожно выбравшись из-под телеги и переложив на свое теплое место Ольгу, забрал часть одеяла у Димки, он, стервец, еще и подоткнул его с разных сторон под себя, и накрыл обоих. Роса уже выпала, влажно, оставляя след на траве, собирая на босые ноги влагу, я отошел в сторону и, присев, стал осматривать ноги. Сапоги мои стояли тут же. Под телегой, накрытыми портянками. Два дня их уже ношу, стирать пора, значит, в корзину с грязным бельем уберем, нужны свежие. Да и влажные они слишком от росы. Убрав портянки в мешок, там все в стирку приготовлено, а стирать из-за Кирюхи приходилось часто, я нашел в своей телеге один из вещевых мешков и, развязав горловину, стал искать портянки. У меня штук пять пар запасено было в дорогу. Нашел, протер ноги и, намотав их, вбил в сапоги. Моя возня и шуршание в телеге никак не разбудили малышню, это сложно сделать.

Марина и бабушка уже проснулись, возвращались от оврага, где у нас был оборудован туалет. Тут метров пятьдесят. Там не то чтобы овраг, но низина солидная. Да еще с кустиками, так что для туалета удобно, со стороны не видно. Накинув свою кожаную куртку, купленную еще в Москве, все же утром прохладно, я отошел в сторону, к самодельному рукомойнику. Тот был пуст, поэтому прихватил у деда канистру с остатками воды, вторую еще вчера использовали для ужина, и долил. А то и Маринка уже подошла, умыться нужно, ну и вообще привести себя в порядок. Сам дед уже налил из этой канистры воды в котелок, все для чая. Суп варить сегодня не будем, остались остатки вчерашней похлебки, но это для собак, с хлебом разбавим, чтобы им хватало. Ну а мы чайку попьем. Сейчас Марина умоется, почистит зубы и займется выпеканием лепешек, на которых уже руку набила. У нас и жаровня специальная была. Штука такая на ножках ставится над костром, чтобы сковороду можно было на нее класть для готовки. Кстати, Марина уже жаловалась, что одной сковороды ей мало, готовить и выпекать приходилось много, а с одной сковородой это занимало порядочно времени. Нужна хотя бы еще одна. Ну и масло тоже подходило к концу. Я еще вчера сказал, чтобы составили список, мол, скоро городок будет, вот там все и закупим, хоть небольшой, но рынок там должен быть.

После того как бабушка и Марина привели себя в порядок после ночи и засуетились у костра (дед его уже развел, разгорался), я сам вернулся от кустиков и, умывшись, да и зубы почистив, занялся собаками. Что-то, а они только моя обязанность, кормил я их сам. Старший у лаек кобель Волк, вожак, был он псом отца, тот его растил и тому он подчинялся, однако с той поры, как отец уехал, Волк стал постепенно слушаться меня. Слушал и раньше, но держался как-то обособленно, сегодня первая ночь, когда он спал рядом со мной, в ногах устроился, под телегой. Остальные тоже вокруг расположились. Сейчас псы, немного возбужденные, наблю-

дали, как я, накрошив им в миски остатки вчерашних лепешек, специально побольше напекли, заливаю их бульоном от похлебки, ну и тем, что осталось из гущи. Лайки стали жадно есть, они всегда хотят есть, а я отнес миску Шарику. Он все так же был на привязи у моей телеги, но за последнее время заметно вытянулся, похудел, да и выглядел бодро для своих шести собачьих лет. Втягиваться начал в путешествие, пробежки помогли, не всегда на телеге он ехал.

С лошадьми все было в порядке, дед уже возвращался от них, пока я собак кормил. Так что мы подхватили ведра и направились к станции за водой. В принципе, обычное утро обычного дня. Если воды рядом нет, чтобы свести лошадей на водопой, приходилось ходить вот так, с ведрами.

– Ни облачка, – осмотрев уже полчаса как светлое небо, солнце показалось краешком над горизонтом, сказал я. – Вчера хорошо морило, думал, дождь будет, а что-то незаметно.

– Не о том думаешь. Снова эти стервятники летать будут, как и вчера.

– Да я как раз о них и думаю, – пробормотал я, широко шагая рядом с дедом, помахивая ведрами. – Вчера весь день гудели, правда, разрывов бомб было неслышно, далеко бомбили... Стой!

Мы замерли, вслушиваясь. Вдалеке, на грани слуха заметно грохотало. Вчера мы артиллерийскую канонаду не слышали.

– Не слышу, – покачал дед головой, он действительно был немного глуховат, приходилось громче разговаривать.

– Наверное, немцы снова прорвались и сильно продвинулись. Как бы уже сегодня они тут не оказались. Вон, видишь на станции какая суета? Похоже, эвакуация идет. Тоже канонаду слышат и понимают, к чему это ведет.

Когда немцы тут проходили, я не помнил, да о таком городке, как Дно, только тут услышал, да и когда его взяли не знаю. Но путь наш лежал именно к нему, так что поторопимся. Время терять не будем и двинем дальше как можно быстрее. Что-то сильно не нравилась мне эта канонада. Чтобы с рассветом так бить, значит, немцы раньше обычного начали, а это означало очередной прорыв.

Мы уже возвращались с полными водой емкостями, у меня были ведра, у деда ведро и котелок, когда я, в очередной раз обернувшись, ну не верилось мне, что местную железнодорожную станцию оставят в покое, заметил несколько точек.

– Дед, шевели быстрее ногами, немцы!

Мы недалеко успели уйти от станции. Так что пришлось ведра аккуратно поставить и лечь рядом, когда загрохотали разрывы бомб. Я наблюдал за этим делом и лишь в бессилии сжимал кулаки, кроме пистолета при мне ничего не было. А из пистолета стрелять, только патроны тратить. Душу отвести можно, но не более. Человек я достаточно хладнокровный, так что, взяв себя в руки, просто наблюдал. Не скажу, что приятное зрелище, как под бомбами все разлеталось и горело, бегало множество людей, особенно беженцев, и те гибли под бомбами и осколками, но смотрел. Запоминал.

Одна из бомб рванула не так и далеко от нас, хотя мы метров на четыреста от станции удалились. Тоже мне хваленая немецкая точность. Хотя тут, может, и зенитки виноваты, все же станция была прикрыта орудиями. Аж тремя. Сейчас я слышал, голос подавала только одна, остальные, видимо, все, отстрелялись. Возможно, она и не дала отбомбиться точно. Правда, нам от этого не легче, на полметра подбросило, котелок с водой набок повалило, остальные в порядке, слегка расплескали воду и все.

Шесть бомбардировщиков, закончив свою работу – все что можно на станции разрушено, и, деловито собираясь в строй, направились на аэродром.

– Ну что, встаем? – поинтересовался дед.

В ушах еще звон стоял, но я его хорошо услышал. Тот наверняка тоже оглушен, но надирать связки я не стал, лишь покачал отрицательно головой, когда тот на меня посмотрел

и пальцем указал в сторону двух точек, барражирующих в стороне. При этом я еще и Волка погладил, что нас сопровождал, тот ко мне прижимался и дрожал, бомбежка ему сильно не нравилась. Я такой финт уже однажды видел. Когда бомбардировщики сделают свою работу и улетают, два «охотника» барражируют в стороне. Выжившие под бомбами, убедившись, что немцы убралась, вылезают из укрытий и начинают помогать раненым, ну и остальную работу, там как командиры уцелевшие решат. Вот эти «охотники» и падают вниз, и расстреливают группы уцелевших. Бывает, жертв даже больше случается, чем после бомбежки. Тут немцы выбирают именно тот момент, когда можно нанести как можно больше потерь. Ведь не ошибаются сволочи. В прошлый раз, когда я такой расстрел видел, и был именно такой момент. Помнится, в тот раз мы впервые краем побывали под бомбежкой. Бомбардировщики гаубицы бомбили, а «мессера» над дорогой ходили. Когда улетели, тут на дорогу начали возвращаться выжившие, вот еще одна пара истребителей и пронеслась, строча из пушек и пулеметов. Я тогда в поле убитых осматривал, как раз раненого перевязывал, так и уцелел, а не то тоже попался бы на эту уловку.

Не ошибся, все было, как я и предполагал. Убедившись, что все выбрались из укрытий, два «мессера» пролетели на бреющем, расстреливая из всего наличного бортового вооружения выживших. Более того, еще и мелкие бомбочки сбросили, последнюю уцелевшую зенитку на удивление точно накрыли. Посмотрев, как «мессера» удаляются, я встал и стал отряхиваться. Рядом кряхтел дед.

– Все, дед, пошли, теперь уже можно, улетели! – громко сказал я.

Тот тоже отряхнулся, и мы в сопровождении Волка двинули к лагерю. Там уже тревожились, видели, как мы лежим и не встаем после бомбежки, видимость хорошая была. Мама чуть не рванула к нам, с трудом удержали. А тут после того, как «мессера» улетели, мы, ко всеобщему облегчению, встали как ни в чем не бывало и направились к ним. Сам наш лагерь был подобран с умом. Фактически этот тополь с густой кроной одиноким исполином возвышался в двух километрах от станции, поэтому и мы и разметили лагерь на таком расстоянии. Прямо под деревом, укрыв повозки и палатку. Тент не натягивали, пока ни к чему было. Лошади паслись метрах в ста, испуганные, но стреноженные, не убежали. Дед их тут же отправился поить, а я воды разлил из того, что осталось в котелке, в собачьи миски, им тоже пить хочется. Так что собаки собрались у мисок и лакали воду.

Бабушка с мамой не могли не увидеть, что я вернулся смурной, так и сидел, пока ел горячую лепешку с салом вприкуску, ну и чай отхлебывал. К салу был еще чеснок, остатки доедаем, а вот лук уже закончился. Все покупать нужно. Когда мы вместе со всеми позавтракали, то я стал командовать, велел собираться, причем поторапливая.

– Что-то случилось, Сашенька? – спросила бабушка.

Все даже замерли, ожидая, что я скажу. Ну я и сообщил, не стоит тянуть:

– Немцы прорвались, думаю, к обеду уже тут будут. Уходить нужно, как можно быстрее. Готовьтесь к тому, что и ночью двигаться придется. Больно уж рывок у них стремительный получился. Как бы не догнали, да еще не обогнали.

Все тут же засуетились, собираясь. Мы с дедом привели лошадей, они уже напились, впрягли их и, убедившись, что все забрали, все погружено, пробежавшись по лагерю, покинули тополь и направились к дороге. Темп я старался держать высокий, ранее мы помедленнее ехали. Телега и повозки должны выдержать. Подковы у лошадей тоже осмотрели. Шкуры у них не потерты сбруей, мы за этим следили, так что тоже должны выдержать, тут главное, чтобы мы смогли преодолеть этот путь.

Выбравшись на дорогу, мы и рванули на восток, стараясь двигаться по обочине, тут движение слабое, изредка приходилось криками просить уступить нам дорогу. Велик лежал на сене у меня за спиной, блестя спицами, Марина очень просила за ним присмотреть. Лайки первоначально сопровождали нас по бокам, но вскоре сидели в телеге, высунув языки. Набе-

гались. Шарик тоже был тут. Вот так мы и двигались. На обед задержались не на два часа, как обычно это было, а на час. Вскипятили воду только для чая, да Марина немного лепешек напекла. Сегодня всухомятку ели, ложками консервы вприкуску с хлебом, а потом чай. Времени на полноценный обед не было. Лошади за этот час успели отдохнуть и даже напиться, тут ручей был, мы здесь и запасы воды в канистрах пополнили. Я пытался отмыть те, что изпод бензина, но нет, все равно пахли. Оставил горловины открытыми, чтобы остатки бензина испарились, так и убрал в телегу.

Вот так мы и двигались по дороге, прямо к Дну. Причем все это время находились на пути немецких войск, думаю, они наверняка постараются захватить такой крупный железнодорожный узел, что входил в сеть Октябрьской железной дороги. Там рядом, как сообщил попавшийся местный житель, располагался наш военный аэродром, тоже заманчивая цель.

Мы как раз подъезжали к оврагу, тут дорога спускалась в него, как сидевшая рядом Оленька затеребила меня за рукав и указала на точки, что стремительно нас нагоняли со спины.

– Возду-у-ух! – тут же заорал я и, настегивая своих лошадей, у меня был ивовый прут для этого приготовлен, понесся на телеге вправо, уходя по дну оврага в сторону.

Дед не менее ловко работал хлыстом, вполне поспевая следом. Чуть-чуть отстал. Мой крик услышали, и люди бросились врассыпную. Да было поздно. Над головами пронеслись четыре стремительных силуэта, оглушая ревом моторов и треском пулеметов. Хотя один пилот «мессера» вроде и из пушки стрелял, судя по звуку. Загнав свою телегу в кустарник, я помог деду остановить его лошадей.

– Оставайтесь тут, кустарник хорошо вас укрывает, а я на дорогу.

Прихватив свою любимую малокалиберную винтовку, я рванул к дороге и увидел завершение этой драмы. Мой крик дошел не до всех, так что четыре «мессера» собрали богатый кровавый урожай. Как раз на моих глазах очередной истребитель с нелюдью за штурвалом с высоты понесся к земле, собираясь в очередной раз обстрелять дорогу. Тут сразу несколько картинок отложилось в моей голове. Маленькая девочка метрах в ста от меня сидела рядом с телом убитой мамы и, толкая ее, пыталась поднять. Звуки были приглушены, я ее не слышал, но судя по движениям губ, та звала свою маму. Не плакала, но была на грани, только сильно испугана. Когда немец открыл огонь, досталось многим, а девчущку буквально разорвало на куски. Это не пулемет, снаряд авиационной пушки поработал. Одновременно я зафиксировал, как появился на виду у края оврага вихляющий из-за пробитых покрышек «Захар» с зенитным пулеметом в кузове. Машина остановилась и кабину тут же покинули двое, водитель и политрук, судя по кубарям и звездам на рукавах. Они мигом влетели в кузов и стали готовить ДШК к бою, взвели затвор. К пулемету встал политрук-очкарик, и почти сразу он открыл огонь. Совсем немного не успел, девочка погибла, но и явно непрофессиональные зенитчики (они слишком неуверенно возились с пулеметом), умудрившись открыть огонь, попали. Рев «мессера», что выходил из атаки, захлебнулся, мотор засбоил и остановился. Однако летчик был опытный, пока хватало скорости, набранной в пике, он повел его вертикально вверх. В тот момент, когда истребитель завис, готовый вот-вот сорваться вниз, от него отделился темный комок, а чуть позже раскрылся купол парашюта.

– Ах ты, сука, выжил, значит?! – зло оскалился я и, прикинув, куда того сносит, рванул к довольно густому лесу. Мы его недавно покинули, километров десять по лесной дороге ехали.

Правда, пробежал немного, шагов десять сделал, как рухнул на траву. Разоленные потерей товарища три оставшихся «мессера» делали заход за заходом. ЗиС горел, в кузове рвались патроны к пулемету, а тела его геройского расчета лежали рядом с машиной, и их достали. Сделав свое дело, немцы улетели. Вскочив на ноги, я обернулся. Там овраг изгибался и нам повезло за поворотом найти высокие кусты кустарника, под которые мы телеги и повозки загнали. У поворота, осторожно выглядывая, стоял дед со своей неизменной берданкой. Рядом виднелась светлая макушка и уши Волка. А ведь велел ему в лагере оставаться. Вот отца тот всегда слу-

шал. Надо было снова на поводки лаек посадить, чтобы за мной не убежали, как на дороге к смолокурне это сделал. Правда, сейчас охотничьи псы мне были нужны. Свистнув, призывая Волка, следом за ним из-за поворота выметнулись тушки трех других лаек. Этот свист они знали, я так на охоту звал.

Махнув деду, показывая, что все в порядке и чтобы он возвращался на временную стоянку, ожидая моего возвращения, я с собаками побежал дальше. К горящему грузовику было не подойти, жар, да и патроны рвались, но я смог это сделать по-пластунски. Снял с политрука планшет, а с шеи фотоаппарат, настоящую «лейку». Даже уцелела после падения. Ее убрал в свою котомку, что неизменно носил на боку. Нужная вещь, туда же сунул и планшет, вот он вошел не полностью, торчала верхушка. Маловата оказалась котомка для планшета. Достав документ из нагрудного кармана, стараясь не испачкаться в крови, я прочитал их и прибрал, после чего, отойдя в сторону, рванул к лесу. Немец уже опустился на лес, в стороне на лугу разворачивалась стрелковая рота в цепь, явно прочесывать собрались, искать летчика, но я надеялся их опередить. Кстати, по документам политрук был военным корреспондентом одной из главных газет. Молодец парень, погиб как герой.

Бежал я до леса, не останавливаясь, даже дыхание не сбил, хотя до него больше километра было. Но и в лесу скорость передвижения не сбросил, где тот примерно совершил посадку, я видел, так что двигался туда. Лайки не отставали, хотя было заметно, что недоуменно поглядывают на меня. На обычную охоту это было не похоже. Бежал я не просто так, а внимательно поглядывал по сторонам, так что, заметив свежий след, тут кто-то пару минут назад прошел, остановился и присмотрелся. Какую обувь носят немецкие летчики, я знал, благо встречаться приходилось не раз, а это точно след немецкого сапога.

– След. След, – командовала я лайкам, те принялись к следу, внимательно посмотрели на меня, и мы рванули по следам за немцем.

Уйти тот успел недалеко, хотя и торопился. Лайки у меня не были обучены брать человека, чистые помощники на охоте, так что, когда тот обернулся, вскидывая «вальтер», я с ходу первым выстрелил. Еще бы немного, и тот застрелил бы Белку. Попал я в руку выше локтя, отчего пистолет выпал, а подбежав, еще и в лоб засветил прикладом. Крепкий у меня приклад, даже трещины не появилось, а вот летун рухнул на землю без сознания. Сразу же присев рядом, дыхание мне переводить не требовалось, лайки разлеглись вокруг, охраняя нас, я перевязал руку немцу и быстро обыскал. Планшета у того не было, но за голенищем правого сапога торчала карта. Это хорошо, она мне нужна, так что забрал и спрятал под рубаху. Потом снял кобуру с пистолетом и при обыске нашел подмышкой в кобуре «Вальтер-ППК», семизарядный, точно такой же, с каким Бонд бегал. Стянув с раненого часть комбинезона, вытащив руку из рукава, снял кобуру с ремешками, все это свернул и убрал в котомку. Магазины для обоих пистолетов нашлись в карманах. Всего по одному было, патронов в запасе так совсем нет.

Выщелкнув один патрон из запасного магазина бондовского пистолета, осмотрел его. Патроны оказались от «браунинга», семь шестьдесят пять. У меня таких в запасе не было, так что всего четырнадцать патронов в наличии. Ну я с ним воевать и не собираюсь, как и у летуна, оружие последнего шанса будет. Он ведь свободной рукой, выронив пистолет раненой, за ним потянулся, я уловил движение, правда, тогда не понял зачем. Сейчас разобрался.

Закончив с обыском, я отсел в сторону и стал перекладывать трофеи в котомке, достав планшет погибшего политрука. Зачем взял? Сам не понимаю. Переложив вещи и всю мелочовку из кармана летуна, даже шлемофон с него снял с очками и наручные часы, стал изучать планшет погибшего корреспондента. Кроме карты, откровенно плохонькой, без обозначений, нашел банку тушенки, то-то его так распирало, пару сухарей и три коробки с пленкой для фотоаппарата. Сняв последний с шеи, я осмотрел его и проверил. Пленка внутри была, сделано всего три кадра. Сам я в прошлой жизни, когда учился в школе, ходил в фотокружок. Мне отец фотоаппарат подарил, хороший, «Киев», вот и изучал, ну и так, для саморазвития, так

что с «лейкой» я разобрался быстро. Убрав все обратно в котомку, встал и, отойдя в сторону, сделал два снимка лежавшего летуна, причем так, чтобы попадали в кадр лайки. Волк лежал рядом с телом, глядя на меня мудрым взглядом, так что кадр получился отличный. Вот так, закончив со всеми делами, я подошел и пнул по раненой руке немца. Пуля кость задела, так что больно, уж поверьте мне. Вот и тот, застонав, очнулся и сел, прикрыв рану ладонью другой руки, хмуро осматриваясь. Не дал ему прикинуть свои шансы, подняв, погнал обратно на дорогу. Пришлось обойти цепь красноармейцев, выходя им в тыл, так что не обнаружили.

Над дорогой стоял вой, натуральный такой. Погибших много, детей не один десяток, так что беда, вот как можно было охарактеризовать то, что было на дороге. То, что я задумал, решил сделать еще тогда, когда видел, что этот белобрысый немец лет двадцати пяти на вид, покинул свою подбитую машину. Оставлять этого нелюдя в живых, что с презрительной гримасой смотрел на выживших, не хочу и не оставляю. Я решил отдать его тем, кто выжил, тем, кто потерял родных или детей. Где-то читал о подобном. Не помню где, но это отличная идея, и я решил ее повторить. Нужный плагиат. Я бы даже сказал, необходимый.

Провел я немца так, чтобы тот не попался на глаза армейцам, иначе отберут и не допустят самосуда. Так что когда мы вышли на дорогу, тот не сопротивлялся, в охотку шел, придерживая раненую руку, я, осмотревшись, выстрелил из винтовки в воздух, привлекая к себе внимание. Рядом лежала перевернутая телега и убитая лошадь, вот на ее круп я и вскочил.

– Товарищи! – голос мой немного срывался, я волновался, эмоции так и переполняли. – Это один из тех немецких летчиков, что расстреливал вас недавно. Он был подбит и выпрыгнул. Я привел его на ваш суд, на народный суд...

Немец заподозрил неладное, когда вокруг него стал собираться, уплотняясь, народ, причем с таким выражением лиц, что в их намереньях может разобраться любой, даже немец. А я говорил и говорил. Сообщил, что знаю немного немецкий и пообщался со взятым немцем. Оказалось, что они выполняли приказ, специально бить беженцев, уничтожать их. Мол, им требуется освободить земли, чтобы заселить сюда свои семьи, вот они с удовольствием это и выполняли. Когда я это произнес, толпа как один колыхнулась к немцу, тот, визжа, пытался укрыться за телегой. Но не помогло, вытащили, сомкнулись над ним. Визг перерос в вой, который быстро захлебнулся, как-то нехорошо захлебнулся, как будто ему горло порвали. Все, кто был в стороне, пытался протиснуться, чтобы не то чтобы ударить, хотя бы зубами и ногтями дотянуться и впиться в ненавистное арийское тело. Армейцев тут хватало, слушали внимательно, но ни один не вмешался и не отбил немца, у некоторых на лицах было полное одобрение моим действиям.

Когда толпа отхлынула, я обнаружил лишь изрядное пятно крови и какие-то куски. Летуна буквально и натурально порвали на мелкие куски. Вздохнув, месть свершилась, хотя людям, что вершили суд, как-то легче от этого не стало, хотя некоторые и пытались выглядеть бодрячком. Другие, обессилив, садились там, где стояли, силы покинули их после того, что они сделали. Обернувшись, я вдруг заметил знакомую «полуторку» и зеленые фуражки погранцов.

– О, Шальский. Не-е, парни, встречаться с вами я не хочу.

Дед стоял чуть в стороне, я его заметил, еще когда начинал произносить свою речь, так что тот все же видел. Не скажу, что слышал, с его тугоухостью, но все видел, так что, ввинтившись в толпу, я направился к нему.

– Ты куда это? А поговорить? – услышал я сзади знакомый голос, и меня крепко ухватили за плечо.

Обернувшись, криво усмехнулся и кивнул старшине, здороваясь.

– Вас много, вот друг с другом и поговорите, – отрезал я.

– Ты мне тут поговори еще. Чего устроил, что еще за самосуд?

– Ты это видел? – указал я на все вокруг.

Тот помрачнел и кивнул, возразить на это ему было нечего.

– Какими судьбами тут?

– От немцев уходим. Своих я там, в овраге спрятал. Вот за немцем и рванул. Дальше вы видели.

– Не все, поздно подъехали, но да, видели.

Все-таки меня и отвели к старлею, и тот записал показания. Ругать не стал, но огорченно покачал головой, правда мне все равно стыдно за свои действия не было, я потому и сказал ему, что считаю, что все сделал правильно. У нас ведь какой суд, народный, вот народ и покарал убийцу. Тот промолчал, не стал в споры вступать о законности, а закончил с опросом. Очень его заинтересовал тот политрук и боец с уничтоженной машины, о них я рассказал во всех подробностях, на этом все, меня отпустили, слишком много дел было на этом участке дороги, где и произошла бойня.

Добравшись до деда и ухватив его за рукав, повел в сторону оврага. По пути свернул к лайкам, что охраняли мою котомку, никого к ней не подпуская. Кстати, я планировал сбегать за парашютом, шелк его очень ценен, сестрички и мама бы пораздавались, однако рота что проводила прочесывание, возвращалась, и у одного из бойцов в руках был белый ком купола парашюта. Нашли, значит.

Дед заметно волновался, у него снова появились непроизвольные подергивания головы, так что отдаем котомку и вместе с лайками отправи к стоянке, сообщив, что сейчас вернусь, и мы двинем дальше, а сам с «лейкой» стал обходить дорогу и делать фотографии. Самые жуткие кадры старался подобрать, чтобы до нутра пробирали. Не где трупы, а где в основном родственники оплакивали погибших, снимал горе, что было на их лицах и вокруг. Старался сделать так, чтобы в кадр попадал и столб дыма над лесом. Где упал сбитый истребитель. Снял и догорающий ЗиС, с погибшими героями рядом. Снимал с пограничниками, что осматривали тела и готовились отнести их в сторону, для погребения в братской могиле. Сделал и общие снимки дороги, не только отдельные. Так и щелкал, слишком много кадров было, но пленка оказалась не бесконечной и закончилась. Так что, вернув фотоаппарат в чехол, я заспешил к нашим.

Там меня уже ждали. Первым делом поменял пленку в фотоаппарате. Проверил, как котомка, освободил ее от всего, убрав в один из немецких ранцев. А вот «вальтер», тот что ППК, скинув куртку, наладил под рубаху, подогнав ремешки. Хорошая кобура, почти незаметна. Вот так одевшись, я попил воды, напоив лаек, побегали мы хорошо, и занял свое место на козлах телеги. Мы так и поехали дальше по оврагу, возвращаться на дорогу, где было множество погибших, я не хотел категорически, оберегал семью от такого зрелища. До вечера, вернувшись чуть дальше на дорогу, мы преодели около двадцати пять километров, больше, чем мы обычно в сутки проходим, и встали на ночевку. Устали все, включая лошадей, так что продолжать движение ночью мы были просто не в силах. Укатал нас всех сегодняшний день.

Сегодня пятнадцатое июля, завтра утром будем в городе, куда так стремились. Нужно сделать покупки и двигаться дальше. Подобный темп я собирался поддерживать еще пару дней, а может и больше. Канонада за день, несмотря на то, что мы постоянно были в движении, не только не стихла, но и сблизилась. Даже дед ее стал слышать, что его также тревожило.

Ночью меня поднял заворчавший Шарик, оказалось, у нас пытались увести лошадей. Лайки это тоже почуяли, так что, подхватив винтовку, я рванул к тому месту, где они паслись, это недалеко, метрах в тридцати от нашего лагеря, укрытого под очередным деревом. Как уже говорил, я старался места стоянки именно такие подбирать, под деревьями. В небе стояла луна, так что воров я хорошо видел.

– А ну стой! – крикнул я, заметив, что двух лошадей уводят.

Увели бы и остальных, но меня заметили. Один запрыгнул на спину Орешка, второй бежал рядом с другим конем. Понимая, что воры фактически поставили крест на спасении

моей семьи, я стал действовать не раздумывая. Вскинул винтовку к плечу и выстрелил. Тот, что был верхом, получив пулю в спину, свалился на гриву коня, я же, на бегу перезаряжаясь, сделал второй выстрел. Вскрикнув, упал и второй вор. Обернувшись, я заметил, что за мной спешит дед с берданкой, босой и со всклокоченной бородой, но не остановился. Лошади остановились, так что не составило труда к ним подойти и передать деду, чтобы отвел обратно. Первый свалился на траву, я его осмотрел. Хриплое неровное дыхание, рана в пояснице, не жилец. Даже добивать не стал, а вот второй хоть и ранен был серьезно, но в сознании. Я осветил его трофейным фонариком, тот, хрипло дыша, попросил остановить у него кровь.

– Ты мою семью убить хотел, – покачал я головой. – Нет уж, око за око.

Коротким тычком ударив лезвием ножа в шею, я отошел в сторону, наблюдая, как толчками выходит из вора кровь вместе с жизнью, после чего вытер нож и, положив винтовку на сгиб локтя, направился обратно к лагерю. Кстати, винтовку я так после стрельбы вчера и не почистил, времени и сил просто не оставалось. Все отдавал, только чтобы уйти от немцев как можно дальше. Наши все от выстрелов проснулись, возбуждены были, так что, успокоив, я велел спать дальше. Нам требовался отдых, на это я и упирал.

Подойдя к своей телеге, переложил винтовку в другую руку и посмотрел на горизонт, в ту сторону, где были немцы. Горизонт было хорошо видно, там светлели зарева пожаров. На дороге, что находилась в полукилометре от нас, мы всегда старались вставать лагерем подальше от нее, так и шло движение. Рев моторов было слышно постоянно. Вдохнув, я забрался под телегу, на свое место, Волк тут же лег мне в ноги, а Марина, лежавшая рядом, тихо спросила:

– Кто это был?

– Воры. Тут деревня не так далеко, вот они по ночам по-тихому беженцев и обирают. Я узнал это у раненого.

– Понятно. Гады какие.

– Это да. Спи, завтра тяжелый день.

Встали мы еще до рассвета, успели сварить похлебку. Все же нам нужна жидкая и горячая пища, из остатков муки напекли лепешек, мы с дедом за это время лошадей запрягли, ну и трупы воров оттащили подальше, где густая высокая трава была, чтобы малые их не видели.

Еще солнце не поднялось, как мы успели покушать, собак покормили и, собравшись, выехали на дорогу, на которой пока было мало беженцев, остальные еще спали на обочинах и в кустах рядом, если такие были. Согласно карте до Дна было километров шесть, совсем немного не доехали.

Так что уже в девять утра мы подъехали к нему. Но не заезжали, а объехали и пересекли железнодорожные пути, последние километры мы вдоль чугунки двигались. Там, найдя подходящее место, разбили лагерь. Дед остался охранять и следить за порядком, а я, полностью разгрузив телегу, забрал Марину, Димку и Валентину, а также Волка и Белку. Для охраны у нас был Шарик, что так и привязан к задку моей телеги. Марину в город вело серьезное обстоятельство, зуб разболелся, второй день уже мучилась. Так что я планировал найти стоматолога, остальные так, прокатиться решили, а собаки для охраны.

Мы въехали на территорию города и двинули вглубь, у прохожих интересуясь, где что находится. Из десятка прохожих всего один оказался местным, он все и объяснил, вот мы и двинули по нужному адресу. У очередного магазина стояла очередь. Мое внимание привлекла засыпанная воронка и щит, установленный рядом, где сообщалось, что десятого июля от разрыва немецкой авиабомбы тут погибло больше восьмидесяти человек. Рядом лежали цветы, полевые. Марина, сидевшая рядом, только вздохнула. Столько смертей за это время.

У всех магазинов стояли большие очереди, где и по сотне человек, мы же ехали к рынку, там куда дороже, но должно быть все, что нам нужно. По пути был и кабинет стоматолога, что практикует на дому. Он там и оказался, пожилая женщина, она осмотрела Марину и назвала

цену. Нормально, я сразу отдал, и Марина осталась, зуб рвать не будут, он поддавался лечению. Валька осталась с сестрой, ну а мы с Димкой покатали к рынку. Терять время в ожидании, пока пройдет лечение, не стоит, я планировал убраться отсюда как можно быстрее. Сам рынок бурлил людским водоворотом. Вроде и немцы на подходе, а торговля на площади у железнодорожного вокзала шла вовсю, особой обеспокоенности на лицах вокруг я как-то не замечал. Даже дым пожаров на станции, а ее бомбили, их особо не тревожили.

Оставив телегу под присмотром Димки и псов, со мной только Волк пошел, я заторопился ввинтиться в толпу, что ходила по рынку. Тот стихийный был, это заметно, на тряпочках товар был выложен или на принесенных ящиках, видимо, тут раньше так, по мелкому торговали, но когда город переполнился беженцами, то и торговля расширилась. Причем милиция не возражала, один сотрудник скучал в стороне, просеивая взглядом прохожих. По мне он тоже прошелся и не остановился, я его не заинтересовал. Найдя те места, где торговали продовольствием, я от зерна отказался, на кой оно мне, но мешок муки, недавно молотый, нашелся. Я сторговался за него, потом за мешок гороха. Тот у нас давно закончился. Продавец оказался не левый, а работник местного колхоза, продавалось все официально, с борта «полторки».

Разных круп взял, мешок картошки, естественно прошлогодней, свежая еще не поспела. Лука взял, чеснока, бочонок соленых огурцов. Все это крепкий парень, помощник продавца, переносил в мою телегу. Волк там остался при первом возвращении, ему толпа все лапы оттоптала, правда, он тоже в долгу не остался, в отместку под вопли потерпевших хватая их за ноги, но больше подвергать себя такой опасности не хотел. Так что остался с Димкой. Посуду я тоже осмотрел, купил новенький пятилитровый чайник, на ручке была выемка, позволяющая его подвешивать над костром, то есть он изначально на это был рассчитан. Также взял сковороду с крышкой, чуть больше той, что у нас была. Нашел бочонок подсолнечного масла и бутылку льняного. С солью были проблемы, но два кило крупной дробленой найти удалось. Одной из ценных вещей была специальная рукавица, чтобы брать за горячее железо, вроде рукояток сковороды или чайника. Чтобы не обжигаться накалившимся на костре металлом. А то наши поварахи разными тряпицами для этого пользовались, что не всегда спасало. Мыло вот брать не стал, оно у нас и так было, солидный запас. Лагерь у нас на данный момент остановился у небольшого пруда, и там сейчас шли постирушки. Весь запас грязной одежды и пеленок отстирывали. Последние и так подходили к концу, в полотенце брата заворачивали, который их с той же периодичностью пачкал.

Когда телега была загружена необходимым, я накидал сверху сена, чтобы не привлекала внимания, и мы покатали обратно, к дому стоматолога. Ехал я с оглядкой, так что заметил, что пацан примерно моих лет торопливо идет за нами. Одет неплохо, но сразу видно, что беженец, не раз под открытым небом ночевал. Марина с Валею уже ждали, сидя в тенечке на лавочке. Мы приостановились и, забрав их, двинули дальше. Рядом со мной сидел Димка и чавкал пирожком с малиной, отхлебывая молоко из крынки, Валька сразу руку в газетный масляный кулек запустила, выживая такой же пирожок, а вот Марина лишь тоскливо посмотрела на них. Ей два часа есть нельзя. А так все хорошо, причину нашли и все залечили. Врач оказался опытным, все, что нужно иметь из инструментов, было.

Пацан так и шел за нами до выхода. Вот дальше на окраине, когда мы попылили к лагерю, он остался на месте, после чего, убедившись, что мы стоим у пруда, развернулся и побежал обратно в город. Я за ним из лагеря в бинокль наблюдал. Задумавшись, осмотрел лагерь и сказал:

– Собираемся. Я на рынке деньги засветил, похоже, кого-то криминального это заинтересовало. Нужно уезжать, а то ограбить надумают. Оружия сейчас у населения уже хватает, добыть нетрудно.

Дед уже напоил своих лошадей и сейчас поспешил к пруду с ведрами за водой для моих лошадей, а вот я занялся делом. Почистил свою винтовку. Наконец нашлось время. Потом

достал ППШ, снял пушечное масло консервационной смазки, почистил и, подтянув оба диска, стал их снаряжать. Первый, что вставил в приемник автомата, снарядил полностью, семьдесят один патрон, а второй поменьше, пятьдесят штук, чтобы пружину не напрягать. Кстати, а сложное дело с этим снаряжением, обе руки задействовал, не хватало третьей, но справился сам. Пирожки и цельный пирог с капустой мы уже съели, как и выпили четыре литра свежего утреннего молока в крынках. Я вместе с посудой их брал. Вот Марина, чтобы нам не мешать, время еще не прошло, каталась на велосипеде вокруг, у нее уже начинало получаться. Тем более я покатался, показав ей, как, и пару раз, придерживая велосипед за седло, бежал рядом, помогал осваивать технику. Ничего, когда нормально научится кататься, усложним дело, посажу на багажник кого-то из сестричек, пусть учится с грузом ездить, это тоже непросто, особенно для новичка. А так Марине мы оставили и пирожки, и молоко. Потом поест.

Собравшись, мы покинули окрестности пруда и покатали по дороге дальше. Мы не одни такие были. Дно много кто покидал, и телеги были, и повозки, но больше все же пеших. Телега у меня снова груженная, я вернул все на место, да и продовольствие, что осмотрела бабушка, мы уже разместили на обоих транспортных средствах. Кстати, бабушка, отсыпав изрядно гороху в котелок, залила воды отмачиваться. Вечером у нас будет гороховый суп, ха, ночь будет спокойной. Я еще два шмата сала на рынке взял, копченый и соленый. Так что есть чем заправить. Хотелось бы свежего мяса, но мне было просто не до охоты. Чуть позже, когда снизим темп, уйдя от фронта подальше, тогда посмотрим, но не сейчас. Жаль, консервы к концу подошли, всего три банки осталось, включая ту с тушенкой политрука. Еще были проблемы, как с лошадьми, так и с колесом моей телеги. Менять нужно, иначе развалится, подковы еще поменять. Кузнец нужен.

Останавливались мы часто, малые по нужде просились, так что с дедом, разминая ноги на таких коротких остановках, осматривали как лошадей, так и транспортные средства. Пока терпимо, но долго это не продлится. Я в пути поглядывал на карту. Так что когда мы отъехали от Дна километров на десять, то ушли с основной, запруженной людьми и техникой трассы вправо. Дорогу бомбили, это было заметно, да и видели мы, как бомбардировщики вываливают свой груз или впереди, или позади нас. К счастью, не нам на голову, так что мой поворот вызвал лишь одобрение у семьи. Тот результат бомбежки, что был перед нами, мы объехали по полю, я не хочу, чтобы семья видела, что там происходит. Правда потом пешком вернулся с фотоаппаратом и сделал снимки. Тут под налет попала армейская колонна, это и заснял. Половину пленки использовал. Для фотографа хорошие кадры, как бы это ни выглядело с этической стороны.

Дорога стала заметно свободнее, но и тут беженцы встречались, редко, но были. Тоже, видимо, от бомбежки и налетов спасались. Посмотрев в сторону пролетевшей пары «мессеров», нашей авиации за последние три дня я вообще не видел, обернулся и, прищурившись, посмотрел на далекую дорогу, что в километре осталась, но ее с этого места было видно, как и то, что она забита. Остановив телегу, я встал на телеге с биноклем в руках и присмотрелся. Мы на возвышенность подниматься начали, так что видимость отличная на три стороны.

– Не показалось, значит, – пробормотал я. – За нами идут.

– Что там? – спросил подъехавший и вставший рядом у левого борта телеги дед, натягивая поводья.

– За нами идут. Возок с шестью мужчинами. По гражданке. Оружия, конечно же, не видно, но точно есть. За нами едут, я их еще на шоссе засек, а теперь точно уверен, что за нами. Они следом свернули и едут позади. Медленно, не нагоняют, видимо, хотят, чтобы мы подальше от трассы отъехали.

– Может, выстрелить, чтобы пуля перед ним в дорогу попала? Намек поймут, не дураки чай? – задумавшись, машинально поглаживая бороду, предложил дед.

– Отпустят нас, найдут других. Это же стервятники, их бить надо. Нет, дед, я и рисковать семьей не хочу, но и отпускать их тоже. Маринка за возницу сядет, а я в траве спрячусь у обочины, и когда они подъедут... Там по ситуации.

– Может, мне с тобой, сам знаешь, я стрелок неплохой?

– Не стоит, уводи наших. Если все будет нормально, я догоню. Все, не стоим. Марина, твой выход.

Никто не возражал, все уже привыкли, что бы я ни сказал, сделаю и выполню. Пока она перебиралась на мое место, я откопал ППШ, запасной его диск и так был в моей котомке. Стукнувшись рукой о ствол противотанкового ружья, отодвинул его. Оно у меня наготове лежало, но подходящих целей в воздухе не было, хотя я считал, что уже смогу выстрелить. Немцы слишком далеко пролетали для прицельной стрельбы, а пострелять по ним ну очень хотелось. Потом достал немецкую снайперскую винтовку, наконец, и для нее нашлось дело, после чего ссыпал с два десятка патронов в котомку и устроился поудобнее.

– Поехали.

Я сидел с краю телеги и осматривал обочину с обеих сторон колеи, мне нужно было хорошее место для засады. Такое нашлось чуть дальше, почти на холм поднялись, где виднелись крыши какой-то деревушки. Конечно, не стоит вблизи от нее устраивать засаду, но я как-то об этом не переживал. Договорившись, что мои будут ждать меня в деревне, у колодца, спрыгнул с телеги и скомандовал:

– Волк, за мной!

Остальные лайки остались на месте, их малышня по моей просьбе придержали, так что телега с повозкой покатила дальше, а мы с Волком устроились в густой траве на обочине, что хорошо нас скрыла. Введя затвор автомата, я приготовился. Винтовка лежала рядом, она нужна для того, чтобы снять тех, кто уйдет за дальность стрельбы автомата. Если, конечно, до этого дойдет. Сам возок я собирался взять целым.

Наши уже скрылись в деревне, за возвышенность ушли, а бандиты приблизились. Особо по сторонам они не смотрели. Это были крепкие такие молодцы, которым место в армии, но они вон, в тылу прохлаждаются. Когда они совсем сблизилась, кстати, когда наши скрылись, то увеличили скорость, точно мы их интересуем. Так что, когда они приблизились, я просто встал и, вскинув автомат, крикнул:

– Стой!

Почти сразу дал очередь в три патрона над головами бандитов. Держал я на прицеле возницу, тот это видел и глупить не стал, натянул поводья.

– Ты чего, парень? – как-то неумело раздвигая губы в улыбке, спросил тот. – Ума лишился?

– Чего я лишился, мне виднее. Теперь все, шестеро, осторожно, не перекрывая друг друга, сходим с возка и выстраиваемся в шеренгу. Судя по наколкам у троих, думаю, они знают, что и как делать, подскажут. Быстро!

Шанса я им не давал, так что, медленно двигаясь, держа руки поднятыми выше головы, выстроились. Не дураки, понимают, что шансов у них против автомата нет.

– Слушай, это незаконно, под суд пойдешь, – попытался взять слово один из шестерки. – Мы законопослушные граждане.

– Были бы законопослушными, давно бы в армейской форме ходили и с немцем воевали. Ты крайний, белобрысый который, подними полы пиджака и покрутись... Ну вот, наган, а вы говорите законопослушные.

– Ну и хрен с тобой, ты должен нас отвести в милицию, так делай это.

Дав длинную очередь, перечеркнув тела трех бандитов, я отпустил спуск и громко спросил в оглушающей тишине:

– Что я там кому должен? Я вам и прокурор, и судья, не выходили бы на грабеж, живы бы остались. А у меня один приговор – расстрел.

Если в первые секунды воры стояли в шоке, то после последних бросились врассыпную, доставая оружие. Двух я сразу срезал, а вот на третьего бросился Волк, тот выронил ТТ из прокушенной руки, но почти сразу взмахнул ножом, блеснув на солнце лезвием, однако я уже подоспел, и короткая очередь оборвала жизнь и этого бандита. Волк в ярости трепал его руку, так что пришлось успокаивать и отводить в сторону. Посмотрев в сторону дороги, от нее к нам пылила «полуторка», сразу возмутился:

– Да твою ж мать, они что, издеваются?

В кузове грузовика покачивались уже такие знакомые зеленые фуражки погранцов.

– Вы меня преследуете, что ли? – сердито спросил я, когда машина остановилась рядом, и Шальский вышел наружу, осматриваясь. Погранцы как горох посыпались из кузова, рассредоточиваясь.

Среди уже знакомых погранцов появилось двое новеньких, я их не знал, видел впервые. Один сержант, явно из старослужащих, возраст за тридцать. В руках он держал такую же самозарядку, как и у четверых других пограничников, включая старшину. Второй парень лет двадцати, пулеметчик, у него был ДП-27. Вот он машину не покидал, поставил пулемет на сошки на кабину и контролировал все со стороны деревни. Сержант, тот самый незнакомый мне, направил на меня свою винтовку и что-то хотел было рывкнуть свирепое, типа: «А ну оружие на землю, мордой туда же!» Однако тут заговорил старлей, и сержант сразу сменил выражение лица на нейтральное, да и вообще сделал вид, что он так, бандитами заинтересовался. Вытащил один из револьверов из-за пояса ближайшего и стал его обхлопывать по бокам, доставая все, что было по карманам. Один из бойцов уже расстелил плащ-палатку, и все найденное сносилось туда, в отдельные стопки укладывалось. Были женские кольца, сережки, золото, серебро. Давно, похоже, озоруют.

– Да тебя вообще нужно под плотное наблюдение взять. Как ни встретимся, так одни убитые вокруг, – спокойно сказал Шальский. – А так именно наш патруль по этому направлению работает, так что наша встреча не удивительна, скорее это уже тенденция.

– Чего сказал? – не понял я.

– Все ты понял.

– Ага. Патроны дашь?

– Обойдешься.

– Класс.

Мы поздоровались, рукопожатие у него было крепким, и отошли чуть в сторону, чтобы не мешать работать бойцам. Те это делали спокойно и привычно, видно, что не в первый раз.

– Давай рассказывай, что тут случилось, и как ты вообще тут оказался.

Прежде чем рассказывать, я обернулся и пристально осмотрел склон, где исчезала вьющаяся к деревне полевая дорога. Нет, точно макушка деда видна, рассматривает в бинокль, что тут происходит. Помахал рукой, показывая, что я его вижу и у нас все нормально, тут же сделал рывок в сторону и перекатом отобрал свою снайперскую винтовку у бойца, что ее поднимал с травы. И как углядел только?

– Не тронь. Это мое.

Отобранную винтовку повесил на плечо, к автомату, и вернулся к Шальскому, с интересом за мной наблюдающему. Потрепав Волка по макушке, встал рядом, но начать рассказывать не успел, старлей спросил, кивнув на деревню:

– Твои, что ли?

– Ну да. Так что, я начну?

– Давай.

Старлей лично записал все, что я рассказал, мои действия были им одобрены. Тот пояснил свой интерес. Оказалось, ему удалось выяснить, что за бандиты были на смолокурне. Неподалеку, за неделю до событий на этой смолокурне, немцы совершили налет на одну из железнодорожных станций. Там в тупике при немногочисленной охране стояли два вагона с особо опасными преступниками. Рядом легла бомба, и охрана была изрядно прорежена. Остальных добились зеки, сумев выломать доску в простом грузовом вагоне, в теплушке. Своих с десятком потеряли, но охрану всю положили. Помогли освободиться тем, что находились во втором вагоне, и в бега. Ушло почти шестьдесят зеков. Около тридцати уже отловили или перебили, сюда входят и мои, для уточнения, остальные еще бегают. Вот и сейчас, имея на руках описание внешности бежавших, пограничники, осмотрев тела, признали четверых, двое были незнакомы, видимо местные. У всех было оружие, наган или ТТ, но также имелось два обреза «трехлинеек». Вот такие дела.

– А так ты молодец, – неожиданно сказал старлей. – Беженцев полно, сколько раз говорим, отходите в кусты, не делайте это в одиночку. Сотни тел с насильственной смертью, ножевые ранения в основном, ограблены, многие изнасилованы... А сколько не нашли, и так и лежат непогребенные? Развелось криминальной шушеры, никого не боятся. Мы кого-то ловим, кого-то отстреливаем, вот и ты тоже нам помог. Так что спасибо.

Шальский первым заметил, что к нам от деревни кто-то спускается. Обернувшись, я невольно хмыкнул. Марина на велосипеде тихо, притормаживая, катила к нам. Ясно, на разведку послали. Задумчиво посмотрев на погранцов, спросил:

– Вы сами как, пообедали? Ужинать с нами будете?

– Завтракали только, и то всухомятку, – улыбнулся Шальский. – Будем.

– Ну и отлично. Кстати, насчет возка. Хозяев теперь не найдешь, советую сдать медикам для перевозки тех же легкораненых.

Те трофеи, что я на смолокурне взял, туда и сдал. Вот только велосипед оставил. Он у нас общий, семейный. Правда, ездит больше Марина, остальные так, балуются.

В это время, потренькав звоночком, подкатила Марина. Не особо ловко остановившись рядом и соскочив, чуть не упав, я успел придержать, она сразу поздоровалась со всеми и спросила:

– Встанем тут? Дед сказал, в деревне кузня есть и кузнец тоже. Старенький только, но они поговорили, починиться тут можно.

– Встаем. Ужин готовьте. На всех, – кивнул я на бойцов.

– Ага, – она быстро пробежалась по ним, считая. – Ой, два новеньких. Мы быстро.

Сестра развернула велосипед, я подтолкнул ее, но сил ей хватило метров на сорок, там она соскочила и, толкая велосипед, побежала наверх. Ну да она говорила, что после катания некоторые мышцы болят с непривычки, вот, видимо, и не хватило сил подняться в гору.

– Есть проблемы? – поинтересовался старлей, он уже закончил с оформлением происшествия, что случилось тут, и интересом к нам прислушивался.

– Да так, рабочие вопросы. Колесо на телеге поменять, а то лишимся его, ну и перековать. Давно идем, подковы разболтались, кузнец нужен.

– Понятно.

Все тела бандитов сложили в рядок у обочины, один из погранцов сел в возок, я, кстати, к нему вместе со старшиной, не так тесно и вполне удобно, и мы поехали в деревню. Проехали ее всю и на околице в тени рощи обнаружили наших. Малышня уже махала руками, показывая, куда сворачивать. Старшина отходил, нашел местного, что был за старшего, и попросил его похоронить бандитов, тот обещал все сделать, созывая мужиков, не много, все в возрасте, но четверо набралось.

Погранцы задержались у нас на час, когда гороховый духовитый, на копченом сале, суп был готов, мы поели его с еще теплыми лепешками. Потом попили чая с медом, я горшочек меду взял на рынке Дна, кстати, и запасы чая там пополнил. Те попрощались, посоветовав мне все же избегать встреч с бандитами, ну и уехали. Кстати, Шальский и тут справки о моем участии в уничтожении бандитов не пожалел, с благодарностью за помощь в поимке, как было в ней написано. Бюрократом меня все называл.

Мы же сразу занялись делом. Мама и бабушка принялись за постирушки. Валька с Лукой им помогали. Мы с дедом, освободив телегу и повозку от грузов, направились к кузнецу. Дед с ним уже провел предварительные переговоры, тот действительно был пожилым, оба сына и один внук в армии, но дело знал туго. Тут дед остался присматривать, два старика с удовольствием курили самосад, общаясь, один с трубкой в руке, другой с самокруткой. Я же таскал воду от колодца, заодно залил в обе канистры, запас должен быть. Закончив со срочными делами, нашим прачкам пока вода не нужна была, в тазике все стирали, я сел и занялся чисткой, почистил автомат, а винтовку не трогал, пострелять мне из нее не пришлось. Блин, а трофеев нет.

Ужинали, конечно, рано, времени и шести вечера не было, но на ночевку тут встанем, тем более дела есть. До наступления темноты кузнец успел перековать всех наших лошадей, благо запас подков нужного размера у него был. Дед проверил, отлично все сделал. Сейчас же, подставив под телегу полено, он осматривал снятое колесо. Сказал, что не починить, новое нужно, слишком разболтанное. Вот тут проблема, все что у него было, тот уже поставил, мы не первые, кто сюда заворачивал из беженцев. Да и хватало их в деревне. Жаль, колеса с возка не подходили, там на дудиках были, да и не перекинешь, оси не подходили. Кузнец почесал затылок и отправился к одному из местных жителей. У того вроде был запас. Действительно, нашлось новое колесо, но уж больно тот цену гнул. Дед долго и не без удовольствия торговался, я тут уступил ему, и колесо мы все же купили, так что к лагерю перегнали все в полночь. Расседлали лошадей, стреножили, напоили и отправили отдыхать. Тут луг хороший, пусть пасутся. Волк за ними присмотрит. Уже понял, что от него требуется, и подчиненных своих гонял. Не стеснялся драть за холку при непонимании.

Утром, после завтрака, мы погрузили все, что имели, собрались и направились дальше. На трассу не выезжали, несмотря на то что там дорога прямая, а нам приходилось крутиться от деревни к деревне, но я пошел на такое замедление скорости движения. Тише, но безопаснее. Часть пути Марина ехала впереди на велосипеде, в движении набирая навыки езды на двухколесном транспорте. Уже неплохо у нее получается, не падает, как было раньше.

Ехали весь день, лишь ненадолго остановившись для обеда. Потом двинули дальше. Вроде и писать не о чем, но все же было, еще как было. Не зря я противотанковое ружье вез, пригодилось. В этот раз немцы снова пролетали практически над нами, да еще невысоко. Когда раздался крик малышни, они как всегда их первыми заметили, встав на козлы, я осмотрелся и погнал дальше, там деревья были. Уже в тени дерева мы остановились, ссадили с моей телеги всех пассажиров, ко мне дед перебрался, и мы отъехали метров на триста дальше, встав на открытой местности. Там я приготовил ружье. Дед стоял рядом с подсумками с патронами. Так что, когда те приблизились, я и стал стрелять. Первый выстрел – ничего, второй, и переносу на следующую цель. Стреляли именно по кабинам. Девять выстрелов, и три самолета, вырвавшись из строя, врезались в землю. Один не так и далеко от нас, в полукилометре, два других пролетели, падая, над головами, они упали дальше, в той стороне, куда мы ехали. Я уже не мог стрелять, выл от отдачи, такое впечатление, будто плечо выбил, так что за ружье встал дед. Десяток пуль выпустил и ничего.

Немцы же, сдвинув строй, полетели дальше. Похоже, они так и не поняли, почему упали их товарищи, если кто стрелял, то кто? Нас могли даже и не заметить. Повозку деда так точно,

а на нас внимания не обратили. А так я стрелял, тщательно рассчитывая каждый выстрел, все же запас патронов не бесконечен. Лошади немного мешали, пугали их выстрелы, но ничего, прицел мне не сбивали, успевал я реагировать на дерганья телеги. Дед сел за возницу, а я в кузове на ходу, пока мы возвращались, умудрился снять рубаху и осмотреть плечо. Нет, не выбил, но на уже желтеющие старые разводы синяка наложились новые. Снова выше плеча руку поднять не могу. Как теперь почистить ружье и убрать его на дно под сено? Деда попрошу.

Вот так, забрав своих, снова вернулись на дорогу и проехали еще четыре километра, встав на берегу небольшой реки, скорее даже протоки. Тяжело было править лошадыю одной рукой, вторую я в косынку поместил. Бабушка, осмотрев синяк и горестно вздыхая, измазала его какой-то мазью и марлей закрыла. Место хорошее выбрали, но главное рядом с водой. Неподалеку была воронка и валялись обломки фюзеляжа, это врезался в землю один из сбитых мной бомбардировщиков. Парашютисты были, аж семерых мы с дедом насчитали в голубом небе, успели покинуть самолеты, но охоту я устраивать не стал, не в том состоянии был. Как оказалось, зря. Мой просчет, хотя я и смог локализовать опасность.

Ночью, когда мы все спали, вдруг заворчал Волк, ему заворил и наш сторожевой. Они явно кого-то учуяли. Но не лаяли, успели отучить. Дед тоже проснулся, когда я выбрался из-под телеги с ТТ в левой руке, он тоже стоял со своей берданкой в руках.

– Чужие, – сказал он. – Может, беженцы?

– Ночью? Вряд ли. Дня хватает, чтобы устать так, что всю ночь спишь без задних ног.

В это время так не вовремя проснулся Кирюха и показал мощь своей глотки. Попытка сунуть пустышку или покормить не увенчалась успехом, как надрывался, так и продолжал. Мама стал его пеленать, разобравшись в причинах ора, а я сказал деду:

– Пойду пробежусь вокруг, посмотрю, кто там бродит. Смотри не пристрели меня при возвращении.

Мы с Волком отошли в сторону и направились туда, где он учуял чужих, знал тот, куда вести. Оказалось, два немца, опознал их по летным комбинезонам, подоברались к нам на свет костра, это когда мы ужин ночью готовили, и пережидали в стороне, явно пытаясь понять, кто стоит в лагере, гражданские или военные. Видимо, ближе подошли, когда мы уже костер затушили и легли спать, а ночью не разобрать, но Кирюха своими воплями развеял все сомнения немцев. Гражданские. От военных можно отхватить неслабо, вот они и думали, что делать, а тут такое подтверждение гражданского лагеря. Есть хотелось, вот и решили на нас налететь, как раз обсуждали детали. Правда, чуть позже я понял, что немцев все же трое. Последний лежал под ногами чуть в стороне и банально дрых. Сперва за валун его принял, а когда тот пошевелился, всхрипнув, разобрался.

Медлить я не стал, из пистолета поразил того, что был коренастым, после чего снял двух оставшихся. Живыми они мне без надобности, я вообще считаю всех летчиков люфтваффе военными преступниками. Этих так точно, без сомнений. Подбежав ближе, произвел контроль, после чего убрал ТТ в самодельную кобуру на поясице. Сделали мне ее все же. В деревне, где мы вчера проводили обслуживание транспорта, был и кожевник, вот я ему и оплатил стачать столь необычный заказ. Молодец, справился.

Достав из котомки фонарик, осветил немцев и помигал в сторону лагеря. Дед поймет. Тот действительно понял и подошел, когда я ворочал тело еще первого немца. Разобравшись, в чем дело, тот помог мне, и мы закончили со сбором трофеев. Все три летчика имели часы и пистолеты, к сожалению, запасных стволов не было. У одного разве что нашли швейцарский перочинный нож. Его дед себе забрал, понравился он ему, с пяток инструментов там было. Будет теперь чем трубку чистить. Особенно порадовали парашюты. Двое прихватили их с собой, вот третий его не взял, гад такой. Тела мы утащили в кусты и там закидали ветками. После чего вернулись в лагерь. Был один планшет, видимо, один из немцев был штурманом, но карты ни

у кого не оказалось, скорее всего уничтожил или прикопал. Мне без надобности пока, своей хватает.

Утром мама с бабушкой осмотрели и ощупали парашютный шелк, наложили на них свои руки и убрали в повозку деда. Мы им их и принесли, так что пусть, что хотят, то и делают. Позавтракав, все так же не снижая темпа, мы покатали дальше.

Вот так шли день за днем, пять дней ехали, преодолев порядка ста пятидесяти километров, уйдя подальше от фронта. Правда, немцы летали над головой все также. Не скажу, чтобы их интенсивность снижалась. Однако была и хорошая новость, даже две. Мы трижды видели наши самолеты, летают значит еще, ну и с золотом я вопрос решил. Мы проезжали рядом с трассой у того леса, и я на опушке разбил лагерь. Немного раньше, чем обычно, это вызвало удивление, но я еще больше удивил их. Частично разгрузив телегу, посадил всех пассажиров и, пока готовился ужин, объехал лес и добрался до точки. Там по опушке подъехал к нужному месту. Сходил за золотом и, погрузив все на дно телеги, вернулся к своим. Ездил я в действительности не один, две лайки меня сопровождали и охраняли, ну и Шарик конечно же. Мы его от телеги вообще не отвязываем, так что куда она, туда и он.

Вот так и шло наше путешествие. В данный момент мы уже вернулись на шоссе и двигались по нему. И быстро, и крутиться по полям согласно вывертам полевых дорог, не требовалось. Мы уже подъезжали к Старой Руссе. От нее шла прямая дорога на Москву, через Торжок и Тверь. Пятьсот километров без малого. Однако есть повод для гордости, половину дороги мы преодолели.

– Только половину, – вздохнула Марина.

Она медленно катила рядом с моей телегой, училась медленно ехать и удерживать равновесие. Я такое умел, показал ей, и теперь она тренировалась. Падала, вон до крови коленку и локоть разбила, но упорно училась.

– У нас была самая тяжелая часть пути, немцы на пятки наступали. Это сейчас все позади. А так мы от них уже оторвались, но в городе задерживаться не будем, на пару дней максимум. Тем более он наверняка беженцами забит.

– Ой, мы там и сойдем, – сказала молодая женщина, наша попутчица вот уже как два дня. Жена командира-пограничника, что с двумя детьми идет от самой границы, вон сколько им пришлось выдержать. Как их не подвезти?

– Не советую, – сразу отреагировал я. – Немцы там скоро будут. В Тверь идите или в Москву. Их не возьмут.

– Почему?

– Остановят, – коротко ответил я.

– А Старую Руссу возьмут? – все допытывалась та, я знал, что она оттуда родом.

– Ее возьмут.

– Хм.

– Кстати, кто помнит, сегодня двадцать второе июля или двадцать третье? Что-то я сбился.

– Двадцать третье, среда сегодня, – ответила Марина и, показав мне язык, поехала вперед, там уже были видны окраины Старой Руссы.

В сам город мы не въезжали, ссадили всех попутчиков и объехали город. У меня такая привычка, чтобы между нами и немцами всегда был хоть какой-то населенный пункт, пока они его зачищают, у нас будет возможность удрать. Искать жилье в городе я не собирался, не видел смысла, у нас получался отличный передвижной дом. Так что, объехав город, мы встали на опушке рощи и разбили лагерь. Вечерело, чтобы посетить город, время позднее, так что оставили это на завтра. Пока хозяйюшки занимались бытом, а дед лошадьми, свистнув своих лаек и прихватив винтовку, я побежал в лес. Обещал, что без свежей дичи не вернусь.

Обещание выполнил, вернулся с двумя зайцами, лес крупный, дичь имелась, следов других охотников не увидел вообще. Зайцев я уже разделал, так что, когда вернулся, передал их бабушке, она их отмыла, а дед на доске стал рубить. Доска кухонная, на ней резали все, но и для рубки она годилась, толстая. Лежанки для ночевки уже сделали, так что, забравшись на свою, я пользовался любой возможностью отдохнуть, полежал так с полчаса, прикрыв глаза. Была усталость, не без этого. Потом, взбодрившись, эх, река дальше, далековато до нее, мы мост проезжали, нужно было рядом встать, но я там подходящего укрытия для лагеря не нашел. А искупаться хотелось. Кстати, а почему нет? Ужин через час подготовят, вон у нас и рис есть, мама с бабушкой решили к супу еще плов сделать, из зайчатины. Мама знала, что я очень люблю это блюдо, и все, что нужно для приготовления, у них было. Даже слегка пожухлая морковь.

Велосипед был прислонен к повозке деда, он, кстати, тоже отдыхал, возраст все же какой, его Марина, бывало, меняла на козлах, я сел было в седло, как ко мне с криком чуть не под колеса бросились Димка и Лука. Узнав, что я на речку искупаться решил съездить, чуть не в рев. Тоже со мной хотели. Так-то я старался устраивать лагерь рядом с водоемами, так что возможностей искупаться у них хватало, и надо сказать, они пользовались этим вовсю, плескались так, что шум стоял. Покумекав, я кивнул. Димку на багажник сзади, а Луку посадил в седло, она за меня держалась, ну а я стоя крутил педали, вполне неплохо получалось. Уехать успели до того, как остальные сообразили, куда мы. Ничего, будет и на их улице праздник. Тут всего километра три до реки было, причем ехали мы к оборудованному пляжу, тут аборигены купались. Сама река вполне судоходная, мы когда мост проезжали, деревянную баржу видели, что тянула моторная лодка. Сейчас же, сделав пару гудков, прошел буксир.

Раздевшись, я сразу бросился в воду. Димка с Лукой в одних трусах плескались на мелководье, приходилось постоянно приглядывать за ними. Хороший пляж, песчаный, мне тут понравилось. Купался я недолго, с полчаса, мне хватило, дольше мелочь вытаскивал из воды, вот уж кто выходить не хотел. Столько возмущения было, привыкли по несколько часов из воды не вылезать, пока мы очередной лагерь обустраиваем и на ночевку встаем. Кстати, купались мы не одни, малые успели за это время познакомиться с молодежью своего возраста. Тоже беженцы, и купались, и постирушки устраивали. Наконец одел их, усадил на велосипед, и мы покатали обратно к лагерю.

Там было все в норме, ужин готов, вовремя приехали, так что мы расселись вокруг стола. Кстати, другие малые на меня дулись, что их не взял купаться. А вообще с часами удобно, можно с точностью до минуты договориться о возвращении или по ним же отслеживать время приготовления блюд, когда надо снимать котел с огня. Часы были у всех, я подарил деду, он их носил не снимая, самые крупные из моей коллекции, дед считал, чем крупнее, тем лучше и фасонистее. У мамы и у Марины часы самые маленькие по размеру, но все равно мужские. Чисто женских часиков у меня просто не было. Но и им были рады. Еще часы имелись у Луки, у нее день рождения был, мы справили его три дня назад, девять исполнилось, я и подарил. Радости было по самое не могу. Та и так серьезная была, а тут совсем с задраным носом начала ходить. Правда, о своих с Валею обязанностях не забывала, малые все на них были, на купании именно они присматривали за ними. Кстати, и Валя, которой уже было десять, и Лука так же старательно, как и Марина, стали учиться ездить на велосипеде. У Валентины это получалось лучше всех. Это как раз понятно, у ее подружки-одноклассницы был свой велосипед, так что она каталась с ней.

Утром, оставив бабушку с Кирой, Наташей и дедом в лагере, последний охранять лагерь будет, а особенно лошадей, мы на моей разгруженной телеге покатали в город, тут и рынок нужно посетить, пополнить припасы и еще много что по мелочи. Новое платье для Ане купить, ее совсем истрепалось, кое-какую обувь, но главное, Марину завезти к стоматологу, посмот-

реть, как там у нее зуб. она особо не жаловалась, но посмотреть надо. Сначала мы заехали на рынок, раннее утро, начать стоит с него. Неплохо закупились и все вместе поехали в местную больницу. Там после небольшой очереди врач осмотрел Марину. Похвалил, лечение было хорошим, как и последствия. Так что пусть и дальше белозубо улыбается.

Вроде и дел немного, однако, уехав ранним утром, вернулись уже в обед, чуть не опоздали, бабушка с дедом уже волноваться начали.

– Куда столько меда? – удивился дед, с бабушкой осматривая покупки и помогая мне сгружать их, потом рассортируем, кто что повезет.

– Деда, я ведь не один чай с медом пью, все теперь пить так стали, даже Наташа, которая еще плохо говорит. Прошлая крынка с медом за четыре дня закончилась. А этого нам до Москвы хватит.

– Думаешь? – скептически осмотрел тот бочонок.

– Да, может и не хватит. Но до половины точно.

– Поживем – увидим.

– Во-во, я только что то же самое хотел сказать... Тихо!

После моего рыка все замерли, позволив мне прислушаться.

– Стреляют. Не охотничье оружие. Недалеко, пистолеты... Два немецких... «Парабеллум» один, второй вроде «вальтер»... Во, автомат протрещал. Тоже немецкий. О, наша «мосинка» хлопнула... Еще раз автомат.

– Далеко? – спросил настороженный дед.

– Пистолеты слышно. Нет, рядом где-то в лесу. Я там, когда зайцев добывал, дорогу езженую видел. Может, на ней?.. Вот что, деда, давай садись в засаду, а я пробегусь по лесу, посмотрю, что там. Нужно определить, грозит нам опасность или нет.

– Лучше сейчас уйдем, соберемся и поближе к городу отъедем.

– Пока запрягать будем, нас десять раз перестрелять успеют. Все, прячь всех и сам укрытие найди. Я свистну, когда подходить буду. Возьму Волка и Белку, они хорошо по лесу ходят, остальные молодые еще.

Убедившись, что все задвигались, ища укрытия, тут дед командовал, он, кстати, МП вооружился, но и берданку держал под рукой, я свистнул лаек и побежал в лес. Три со мной ушли, молодой еще, ладно, пусть будет. Именно он и учуял свежую кровь и гавкнул, привлекая внимание. Подошедший к нему Волк лапой по морде ему съездил. Нет, сам бы не увидел, не поверил, но опытный вожак учил молодого, что на охоте нужно вести себя тихо. Вмешиваться я не стал, пусть молодого строит, тем более тот обиделся и показал зубы, вот Волк его и потрепал за холку. Хорошо потрепал, но без загибов. После этого вернулся ко мне. Я уже осмотрел тела. Наши, три бойца в красноармейской форме и командир. Обнюхав их, на руках молодого бойца уловил едва чувствительные нотки сгоревшего пороха, это он успел выстрелить. Хм, а оружие, похоже, немцам было не нужно, с убитыми оставили.

После этого, пробежавшись вокруг, я стал внимательно изучать место захвата машины, а произошло именно это. Немцев было девять, видимо, некоторые из них переоделись в советскую военную форму, думаю трое, судя по следам, под патруль сработали, остановили машину и расстреляли пассажиров и водителя. Только молодой боец успел выстрелить прямо из кузова. Гильзы в винтовке не было, значит, выбил перезаряжая, но гильзу на дороге и обочине не нашел, вот и получается, что та в кузове осталась. Похоже, не попал, ни крови, не раненого я не обнаружил. Они погрузились в машину, судя по ширине колеи, Газ-ААА, и уехали.

Пока я ползал по дороге, изучая следы, послышался рев нескольких машин. Похоже, грузовиков, я даже смог выделить по тональности два ЗиСа, три «полуторки» и еще что-то, а что, не понял, я такой звук мотора еще не слышал. Но тоже явно грузовое. Сходить с дороги я даже не думал, еще не закончил изучать следы и составлять мысленно схему действий немцев, так что, чтобы не задавить, водитель передовой машины остановился и дал сигнал клаксона, но

я лишь отмахнулся. Доводить до конфликта тот не стал, ну или батальонный комиссар не дал, что сидел в кабине его машины. Хлопнули дверцы, и комиссар и водителем вышли из машины, было видно, что под обстрелом они были, у комиссара рука на кобуре, водитель держал в руках винтовку Мосина, поглядывая по сторонам.

– Что случилось? – подходя ближе, спросил батальонный комиссар.

– Стоять! – рывкнул я. – Куда?! Вы мне все следы затопчете, я там еще не смотрел.

– Что происходит?! – по тону было слышно, что тот начал злиться.

– Шесть минут назад три немецких диверсанта в нашей форме, под видом патруля остановили наш грузовик, вон следы, сами видите. Это Газ-ААА. Водитель, старший лейтенант, что сидел в кабине, и два бойца в кузове были убиты, лишь один боец успел выстрелить в ответ. Самый молодой. Не вижу, чтобы попал. Они там, в кустах лежат, можете смотреть и топтать, я там уже все изучил.

– Это, наверное, те зенитчики, что нас обогнали. Торопились куда-то, – подал голос водитель.

– Лукин, глянь, – скомандовал батальонный комиссар, но с места сам не сдвинулся, с интересом изучая все мои действия.

Когда его окликнули из-за машин, водители и сопровождающие недоумевали причинами остановки, тот махнул рукой, созывая их. Тут и Лукин голос подал, сообщил, что нашел. Все верно, убитые есть.

– Даже оружие их не забрали, все тут лежит. Только пистолета в кобуре старшего лейтенанта нет, – закончил тот докладывать из леса.

Когда подошли еще четыре красноармейца и командир, младший политрук, комиссар отправил их в лес, вынести тела убитых. Младшему политруку все приказал задокументировать, но быстро, колонна не должна задерживаться.

– Все, можно подходить, – разгибаясь, сказал я.

– Твои? – кивнул комиссар на лаек, протянув руку, чтобы погладить, и под рычание отдернув ее, добавил: – Правильно воспитанный пес.

– Отца, а пока мои.

– Кто таков, документы есть?

– Что-то да есть.

Тот, изучив справку из охотоводства, вернул:

– Охотник и следопыт, значит. Разобрался, что тут произошло?

– Да. Это боевая группа, девять человек, один точно пулеметчик, там дальше след приклада от МГ. У двоих наши СВТ, немцы, кстати, их охотно используют. Есть автоматы, два-три, не могу сказать. Диверсанты, но работают не по уничтожению личного и командного состава РККА, а реально по диверсиям. Мост взорвать или что захватить. Поймаете, сами узнаете, какое у них задание.

Выброшены были сегодня ночью. Видимо, на другой стороне леса. Я ночью шума моторов не слышал, значит, далеко от моего лагеря.

– А он где находится?

– Там, на опушке, – махнул я рукой, не видя смысла скрывать, комиссар был неподдельным.

– Ясно. Продолжай. С чего ты взял, что они именно сегодня были выброшены?

– Вот, этикетку нашел, упаковано три дня назад, свежачок. Плохо прикопали, землю потревожили. Это обертка от сала, специального, для диверсантов. Я его второй раз в жизни вижу, пограницы неделю назад угостили, старший лейтенант Шальский у них командир, трофей их. Как раз диверсантов брали. Немцы не все в нашей форме, в большинстве в своем в камуфляжных накидках, там волосинки остались на ветках. Определить не трудно. Вы бы поторопились, доехали до ближайшего поста и предупредили, чтобы поиски начались.

– Это правильный совет... Грузимся, тела забираем!

Крикнув своих псов, с винтовкой на сгибе локтя неспешным шагом я направился к своим, а колонна, после быстрой загрузки тел в кузов одной из машин, двинула дальше, следом за уехавшими диверсантами. Шагалось мне легко, с ситуацией разобрался, немцы уже далеко, так что можно и дальше стоять лагерем. Шагал легко, но все вокруг контролировал, да и лайки носились вокруг, приняхиваясь и изучая окрестности. Они же и спугнули глухаря, так что я сбил его выстрелом. Причем все на автомате, настолько был погружен в свои мысли. Очнулся только от толчка в левое плечо, хлопка выстрела, винтовка у меня куда тише бьет, чем армейское оружие, ну и шум падения в стороне. Почти сразу подбежал Волк с глухарем в клыках. Молодец, заслужил кусок к обеду.

Стрелял я практически на подходе к лагерю, так что там выстрел не могли не услышать, да и я буквально метром через пятьдесят увидел впереди просвет, свистнул. Дед вряд ли услышит, но остальные ему передадут. Так и оказалось, меня уже встречали, отдав глухаря бабушке, та понесла его щипать, пояснил всем, кто вокруг меня собрался:

– Немцы были, захватили нашу машину и уехали. Я там другим военным передал, будут искать. Они уже далеко, так что ночуем спокойно. А завтра направимся дальше.

Наши стали расходиться, обсуждая услышанное, ну а мама созывала на обед. Разогреть пришлось, все же я час отсутствовал, но ничего, очень все вкусно было, да и мы голодные съели все со стола. А про Волка я не забыл, шлепнул ему в миску солидную порцию вчерашнего плова с кусками мяса, все что осталось, так что пес стал есть. Но не жадно хватая, как молодой, а вполне спокойно и с достоинством, при этом контролируя трех других лаек, что жадно смотрели на его миску. Мало ли. Других я кормил похлебкой.

Я уже и забыл о той истории в лесу, когда вечером этого же дня вдруг на берегу речки остановилась легковая машина, черная «эмка». Лагерь мы не переносили, просто я запряг свою телегу, и мы вот прикатились купаться. Марина, Валька и Лука тоже, но сначала выполнили поручение матери, постирушки устроили, пеленки Киры стирали, ну и так по мелочи. Все влажное белье в двух бельевых корзинах, вернемся, повесят сушиться, дед им уже натянул веревку между деревьев для просушки. Сам я, уже накупавшись, сидел по пояс в воде, с малышкой играл. Наташенька, сестричка двухлетняя, говорить еще толком не могла, а из воды вытянуть получается с таким же трудом, как и остальных. Сейчас она голышом сидела рядом и, шлепая ладошками по воде, радостно визжала от брызг. Вот развлечение нашло.

Когда послышался шум мотора, я удивленно обернулся. Дороги к пляжу не было, так, тропинка, телега пройдет, машина в принципе тоже, но это надо специально сюда ехать. Из остановившейся машины вышли двое военных, командиры, по синим бриджам понятно, да по фуражкам, а вот следом вылез дед. Он-то что тут делает? Дед нас сразу рассмотрел, он как раз на зрение не жаловался, обошел нашу телегу, она в тенечке у кустов стояла, перед мордами лошадей ведро с водой, так что стояли и отдыхали, ожидали, когда мы купаться закончим. Похлопав по холке Орешка, дед спустился к кромке воды, за ним последовали и оба командира. Один аж майор, а вот второй старлей. Пехота, судя по петлицам.

– Сашка, вылезь, за тобой приехали, – сказал он.

– По старым грешкам? – уточнил я.

– Дело у них к тебе какое-то. Мне не говорят какое. Но срочно им надо.

– Ясно, – выбравшись из воды и передав обнаженную младшую сестричку деду, та вырывалась, обратно в речку хотела, я тихо спросил: – По нашим вещам не лазили?

– Нет, вежливые очень, но торопятся.

– Сейчас все выясним.

Как раз командиры подошли, с интересом меня изучая, ну да, не имею фигуру атлета, обычный мальчишка в черных трусах.

– Майор Лаптев, командир формирующегося стрелкового полка. Мой начальник разведки, старший лейтенант Андреев.

– Александр Поляков, – коротко представился я. – Звания и должности, которыми можно хвастаться, пока не имею.

– Нахал, – неожиданно улыбнулся майор. – Это ведь ты исследовал следы на дороге, где диверсанты машину зенитчиков захватили? Еще батальонному комиссару Свиридову об этом сообщил?

– Он не представлялся, а так все сходится, круг поиска сужается до одного человека. Меня. Чего хотели?

– До нас дошел слух, что ты следопыт, очень хороший. Да и дед твой Гаврила Иванович все подтвердил, в красках описал. Проблема есть. Приказ отловить этих немцев мне отдали, а у меня нет людей, нет возможностей. Полк одно название, даже на батальон численного состава не наберется. Только началось формирование. Следопытов опытных нет, а у тебя еще и собаки есть.

– Против диверсантов они не помогут, спецсредства против них существуют. У них они наверняка имеются, без них просто высадку не произведут, вся операция насмарку. Ладно, нашли вы меня, причину поисков указали, а зачем я вам, не объяснили.

– Сейчас проясню. Немцы, когда комиссар своей властью распространил информацию по постам, наскочили на пост, который о них как раз только что известили, ну и встретили их огнем. Сгруппировались, нужно было подпустить и в упор. Машина в решето. Однако из девяти диверсантов, тут ты правильно подсчитал, ушло трое, дело у леса было, дорога по опушке вилась. Одного на опушке нашли, раненый был, свои добились, но двое в этом лесу укрываются. Наши сунулись к ним, потеряли почти тридцать бойцов убитыми и ранеными. Работали пулеметчик и снайпер, очень хорошо организованная засада.

– Сработавшаяся пара, – скривился я. – Хуже просто не может быть. Такая пара, взаимодействуя, может атаку полноценного батальона остановить, не особо напрягаясь.

– Ты тут не заговаривайся, двое против шести сотен бойцов. Это даже не смешно, – буркнул майор.

– А я что, смеюсь? – серьезно спросил я, подняв вопросительно правую бровь. – У немца винтовка, более чем уверен, что наша СВТ в снайперском исполнении. У пулеметчика «МГ-тридцать четыре». Очень серьезное оружие, не зря эти пулеметы наши бойцы «мясорубками» прозвали. Пока снайпер уничтожает командный состав, пулеметчик прореживает бойцов, стреляет только по тем группам, где сможет собрать самую кровавую жатву. Постоянно маневрируя, лишив батальон всех командиров, пара просто будет вести охоту на бойцов батальона, пока полностью его не уничтожит. Это все зависит от времени и количества боеприпасов. Я сам снайпер, хоть и охотник, знаю, о чем говорю. У вас большие проблемы. Пару эту вы сможете взять только случайно, но на это надеяться не стоит.

На самом деле я немного сгущал краски, чтобы командиры прочувствовали, что за немцы против них работали, ну и цену себе немного набивал, не без этого.

– Хм, а ты я смотрю, неплохо осведомлен о тактике подобных подразделений.

– Три дня с бойцом осназа общался, тот меня и просветил, остальное мои умозаключения. Дайте я угадаю, вы приехали уговорить меня поработать со следами, вывести на немцев. Да еще собак взять. Так?

– Тоже верно, я смотрю, ты и анализировать умеешь.

– Рублю в этом, – кивнул я, фразу командиры явно не поняли. – Все хорошо, но в чем мой интерес?

– Ты не хочешь помочь своей Родине?! – изумился майор.

– Своей родине я и так изрядно помог, лично убил девять немцев. Вот у вас есть такое количество на счету? А у меня экипаж мотоцикла, экипаж бронетранспортера и три летчика

с бомбардировщика. Еще был летчик-истребитель с «мессера», но я его не считаю. Вот если бы каждый убил по девять немцев, война бы давно закончилась, да и не хватило бы на всех столько солдат противника. Так что я буду помогать не своей родине, а лично вам, вот меня и интересует, что мне за это перепадет.

Майор не успел еще возмущенно открыть рот, чтобы отчитать меня, как впервые подал голос старлей. Вот он с интересом меня слушал, изредка кивая головой. В отличие от майора, тот явно был фронтовиком, порошу понюхал.

– Что ты хочешь?

– Оружие снайпера, – быстро сказал я. – Все, что на снайпере, мое.

– Договорились, – также быстро отреагировал майор.

Видимо, по его мнению, названная мной цена не то что мала, ничтожна, за просто так я буду им помогать.

– Отлично, теперь выслушаем условия. В лес я пойду один, возьму их, сбегая за вашими бойцами. Живые нужны?

– Желательно.

– Я постараюсь. Мне нужен автомат, если можно, ППД. Пара запасных дисков и полторы сотни патронов россыпью. Это все, помощники не нужны, только мешать будут.

– Подожди, – подняв руку, поморщился майор. – Я не могу отпускать в лес ребенка, да еще с таким заданием.

– Вам нужен результат или нет?

– Ну конечно нужен, но не с такими же условиями.

– Придется выбирать. Мораль или долг, – сделав руки, как весы, перед собой, я покачивал ими, глядя на майора. Пусть выбирает, что перевесит.

Старлей, что стоял у того за правым плечом, откровенно потешался, но быстро скрыл улыбку, когда майор обернулся. Все же тот согласился на все мои условия. Правда с автоматом беда, на весь полк их всегда два и оба в разведвзводе, которым и командует старлей. Командира взвода пока не назначили, тот совмещал две должности. Оба автомата ППД, ППШ вообще на фронте не встречаются, похоже, производство этого автомата толком и не начато, а это как раз плохо. А патронами поделятся, я из-за этого автомат и просил, а так он мне без надобности.

– Поторопиться бы, через пару часов стемнеет, – сказал я, посмотрев на солнце.

– Едем, – кивнул майор.

Пока мы общались, я немного обсох, хотя трусы все равно были влажными. Пройдя к своей одежде, я натянул штаны, не застегивая их, потом намотал портянки и вбил ноги в сапоги. Притопнув, чтобы они сели, натянул майку и, взяв рубаху, ушел за кусты, там обычно влажное белье выжимают, снимая. Я же отошел не поэтому, а чтобы никто не видел, как я под рубашку надеваю кобуру с «вальтером». Потом накинул свою кожаную куртку, для лета в ней жарко, даже очень, но она отлично скрывает выпуклость кобуры и, что уж говорить, в лесу на охоте с ней тоже неплохо, можно и расстелить на земле в качестве лежанки, для отдыха. Кепки вот не было, на телеге оставил, а котомку прихватил, не без этого.

Машина с пробуксовкой по песку покинула пляж, я сидел сзади со старлеем, майор на месте переднего пассажира устроился, и мы общались:

– Где конкретно был бой и куда ушли диверсанты, предварительно побив группу, что им на хвост упала?

– Забавно говоришь, – усмехнулся майор и увидел, что я из-за голенища сапога достал карту, тут же возмутился: – Откуда?

– От немцев вестимо. Я же говорил, их летчиков, выпрыгнувших с парашютом, побил. Вот и трофей.

– Отдай, – протянул тут руку.

– Куда?! Вон немцев сколько летает, сбивайте и отбирайте. Этих я сбил из винтовки, так что мой законный трофей.

– Ты не хочешь помочь Красной армии?! – изумился майор. – У нас вообще карт нет, не выдают по причине отсутствия, а тут какой-то малец с картой ходит. Еще и врет, что немецкий самолет сбил.

– Вообще-то я пять их сбил. Всегда при свидетелях, это моя семья. А карту не дам, сами добывайте. У побитых вами диверсантов парочка точно должны быть. Сами суетитесь. Да и тыкать носом мне постоянно не надо, что я там кому-то должен помогать. Это что получается, малец воюет лучше серьезных мужиков, и ему еще за это пеняют. Не умеете воевать, не лезьте. И руки свои жадные к моим вещам не тяните, я по ним ой как хорошо умею бить. Все ясно?.. Так, товарищ старший лейтенант, где что было?

Старлей стал показывать на карте:

– Вот тут пост, вот здесь машину расстреляли. Вот сюда немцы ушли, а тут на просеке преследователям засаду устроили. Дальше они ушли, преследование организовано не было, некому. Мы уже позже подошли, изучили место боя.

– Угу, понятно. Тогда меня вот тут оставите, – указал я пальцем на точку на карте.

– Почему именно тут? – заинтересовался старлей.

– По их следам идти бессмысленно, да и опасно, если честно. Наверняка имеют при себе разное взрывающееся вроде противопехотных мин. Уверен, что они на тропке за собой что-то такое поставили. Лес большой, но реально у них тут три пути, а отсюда самый оптимальный маршрут, чтобы подрезать их и найти место, где они проходили. Там они уже подуспокоятся, спокойнее себя вести будут, так что шанс их взять тепленькими будет немалый.

– Хм, логично.

Пока мы общались, то въехали в город, там была короткая остановка, старлей вернулся с автоматом и двумя запасными барабанными дисками к ним, полными патронов, а также с сидором, где был дополнительный боезапас для автомата. Потом в сопровождении «полуторки», полной бойцов, мы доехали до указанных мной координат. Кстати, я заметил, что неподалеку от опушки со стороны города расставлены посты. Меня высадили, прощаться я не стал, закинул сидор за спину, повесил на левое плечо автомат и побежал на опушку, быстро углубившись в лес. Скорости я не снижал, внимательно поглядывая по сторонам, а особенно под ноги. Скоро темнеть начнет, хрен что увидишь. К счастью, следы я нашел быстро, но не те, тут проходили немцы, но вся группа, утрешние следы, видимо, после высадки меняли местонахождения. Так что побежал дальше, и буквально через триста метров снова следы, уже нормальные, двойка.

– Хм, а один, похоже, ранен, следы не ровные, качало его. Эти огромные следы подошв пулеметчика, я их еще там, у дороги запомнил, где был отпечаток приклада пулемета, а вот эти снайпера. Значит, снайпер ранен... Или нет, а чего это они так углублены? А-а-а, так он груз какой-то нес, вот его и шатало от усталости. А что за груз? Посмотрим по сути дела.

Судя по свежести следов, они минут двадцать назад тут проходили. Поспешим. Уже начало темнеть, а фонариком в этом случае не воспользуешься, когда я обнаружил временную стоянку немцев. У меня было предположение, что снайпер нес раненого ну или пленного, сколько точно было немцев и сколько осталось лежать в кузове и кабине грузовика, известно. Когда я, обойдя стоянку, подкрался к ним со спины, выяснилось, что тот нес большой десантный грузовой мешок, он стоял отдельно, прислоненный к дереву. А так оба немца, сильно усталые, все еще пытались отдышаться, негромко общались, больше прислушиваясь к лесу, ужинали. Вот гады, это же мои трофеи они доедают.

– Руки! – громко сказал я на немецком. – Бросить ножи на землю, поднять руки.

Почти сразу я выстрелил, и пуля взлохматила землю точно у яиц гиганта, того самого пулеметчика. Тут их нужно ошеломить, чтобы о сопротивлении не думали. Держал я в руках свой основной ствол, ТТ, что носил в котомке. Это волчары тертые, просто так в плен их не

возьмешь, да и как-то не стремятся они в плен, если честно. Бывает, даже подрывают себя гранатами, я от Шальского слышал. Оказалось, не только у нас доходит до самопожертвования, но и раненые немцы остаются на пути преследователей, отбиваясь до конца, чтобы товарищи ушли. Так что диверсантов взять все же можно, но команды нужно отдавать постоянно и зачастую противоречивые, чтобы ошеломить и не дать подумать о сопротивлении. Пока получалось, те реально в шоке были несмотря на усиленную моральную подготовку, других в эти группы не брали. Еще бы, их брал в плен ребенок, мальчишка, как тут не зависнуть.

– Не стоит меня злить. Теперь встаем, осторожно, чтобы я видел, расстегиваем пояса и все снимаем с себя.

Снял я с немцев только оружие, разоружил их, вытащил затворы у пулемета и винтовки, пистолеты и гранаты убрал в котомку, после чего все, что было в грузах у немцев, заставил их навесить на себя и, подсвечивая фонариком, быстрым шагом повел их к нашему лагерю. Не там, где ждет майор и его начальник разведки, а к своему. Что я сам, что ли, трофеи таскать буду?

Дед нас встретил на опушке, сильно удивился, конечно, но, позвав на помощь Марину, стал изучать трофеи. Я попросил ее список написать. Немцев мы раздели до исподнего. Да что уж говорить, и исподнее сняли. Те не сопротивлялись, мы им жизнь гарантировали, сами расстреливать не будем. Пока шли, я их до такой степени запугал, вслух прикидывая способы казни, что те сами просили побыстрее передать их в руки представителям Красной армии. Потом дед привязал их друг к другу, а это руку к руке, ногу к ноге, так что, чтобы сделать шаг, им нужно делать это вместе, один левой ногой, другой правой. Перед тем как уйти из лагеря, я выщелкал все патроны из автомата, да и из сидора достал. Все это ссыпал в свой мешок с боеприпасами в телеге. Дед в это время немчиков охранял. В общем, все трофеи остались у меня в лагере, и я повел немцев, как и обещал, к майору. Да, забыл уточнить, в лагерь немцев я не заводил, на опушку крикнул подойти деду, и там мы с ним их и раздели до нитки, дед в лагерь трофеи сам перенесет, ну а я побежал докладывать о выполнении задания.

Немцы оказались на удивление нежными. Пока бежали по лесу, они то и дело ойкали и айкали. То ветка по не защищенной коже пройдет, то на сучок наступят. Однако ничего, вышли, где нужно, и я помигал фонариком. Почти сразу со стороны поста послышался шум моторов, и рядом остановилось два грузовика и уже знакомая легковушка.

– Не думал, что у тебя получится, но ты молодец, – сказал майор, выходя из «эмки». – Они?

– Они.

– А чего они голые?

– Обнаженные вообще-то. А как они должны выглядеть? Вы же сами обещали, что все отдадите со снайпера, вот я и забрал.

– А пулеметчик?

– А что пулеметчик? Когда снайпер почти добровольно мне все отдал, этот в ноги упал, забирай его оружие и одежду. Я отнекиваюсь, зачем они мне, тяжело, тот в слезы, ну забирай, прошу тебя. Ну я подумал, если так просят, почему нет? В общем, уважил немчуру, забрал. Кстати, оба русский знают, плохо, картаво, но знают. Я их уже опросил, говорят, им приказали вывести из строя железную дорогу. Причем не просто взорвать ее, а с ремонтным поездом, что так оперативно восстанавливает ее после бомбежек. Если не получится, навести авиацию. Рация в расстрелянной машине осталась.

– Да, была, я читал список трофеев. Все, спасибо за помощь, возвращай автомат, и свободен.

– Ага, – кивнул я и протянул автомат сержанту, что подошел ко мне. Так же и сидор снял, в котором было два запасных диска.

– А патроны где? – удивился сержант, потом и запасные диски осмотрел. – Патроны куда делись?

– О, у нас же целый бой был, все расстрелял.

– Как расстрелял?! – принялся сержант к автомату. – Из него же не стреляли?!

– А я виноват, что у вас порох в патронах не пахнет. И нагара не оставляет. Да и вообще патронов мало дали, пришлось, когда патроны закончились, будучи раненым, подорвать себя гранатами. Как раз оба этих немца подошли, перевернули меня, ну гранаты и взорвались. Наповал и меня и их. Надеюсь, воинский салют мне будет, как павшему герою?

– Иди отсюда, клоун! – рявкнул майор со стороны, который прекрасно все слышал.

– Сами клоуны, не хрен глупые вопросы задавать, и злиться, когда такие же ответы на них получаете.

Махнув рукой, я заторопился нырнуть обратно в лес. Немцев уже погрузили в кузов грузовика, хорошенько связав, но уже отдельно друг от друга, и развернувшись, попылили в город. Я слышал гул моторов, удаляясь от них по лесу. Добежав до лагеря, тихо, чтобы не разбудить малышню, опросил деда с Мариной. Трофеи впечатляли, особенно радиостанция с запасным комплектом батарей. Оказалось, в мешке был не только запас продовольствия на десять дней для всей группы и боеприпасы, но также и запасная радиостанция с батареями. Живем. Однако Марину с дедом порадовало не это, а две коробки с патронами. С патронами к моему противотанковому ружью. У диверсантов на вооружении оказалось, и ружье противотанковое было. Я не знал, да и не давали мне почитать список трофеев, но зато мы обогатились на сотню патронов к ружью. В каждой коробке было по пятьдесят штук. Специальные, большинство бронебойные и зажигательные, откалиброванные.

Мы сложили все в сторону и поторопились лечь спать, я сказал деду, уходим с рассветом, то есть, когда рассветет, нас тут не должно быть. Дед понимающе хмыкнул в усы, но обещал поднять пораньше. Еще больше его радовали ботинки на шнуровке пулеметчика, как раз по его ноге, так что тот их отложил к себе в повозку. За время путешествия вторую пару по ноге подобрал, чудеса.

Телега негромко поскрипывала кузовом на ходу, мы ехали по ночному, хотя уже можно сказать по утрешнему лесу, солнце только-только появилось краешком над горизонтом, я видел просветление в небе, когда дед, передав поводья Марине, пешком быстрым шагом догнал нас и сел рядом со мной.

– Поговорить хочу, – сказал он, когда я вопросительно посмотрел на него.

– Давай поговорим, только тихо, будить малышню не будем.

Позади меня, обнявшись, лежали Димка, Ольга, Аня, Валя и Лука, плюс лайки и Шарик, остальные устроились на повозке деда, включая сонно клующую носом Марину.

– Вчера военные за тобой приезжали... Мы из-за этого убегаем?

– Скажем так, я хапнул больше, чем мне давали, причем, по моему мнению, хапнул серьезно. Платой за отлов немцев было все вооружение снайпера, одежда и имущество. Про пулеметчика уговора не было. Не то чтобы мне указали на это, но как-то нехорошо посмотрели.

– Может, отдать нужно было?

– А зачем? Мы когда плату оговаривали, я наблюдал за майором, не отдал бы он мне ничего, забрал бы все, сказал бы, что военная необходимость. Ну СВТ, да, винтовка армейская, отличная, не знаю, за что ее ругают, а вот пулемет им ни к чему. Согласно внутренним распоряжениям по РККА, советским войскам не то чтобы запрещается, а скорее не рекомендуется использовать трофейное оружие. Если им пользуешься, то все, оно значит лучше, ты предатель и следует трибунал с расстрелом. Это я, конечно, сгущаю краски, но политруки и особисты внимательно следят, не схватит ли кто оружие противника. Так что пулемет они бы все равно не использовали, отправили бы его куда-нибудь на склад. Так зачем им, когда он у меня так же

будет в порядке? Да и не смогут они у немцев боеприпасы для него получать, расстреляют их, а пулемет в кусты забросят. Пользуются советскими пулеметами, вот пусть и дальше с ними воюют. Так что гнилой тот майор, я его натуру сразу понял, связываться не хочу. Поэтому мы и не поехали по главной дороге, а вот по таким малоезженным тропкам покидаем этот район.

– Все понятно, возражать не буду, но ответь мне на такой вопрос. Зачем тебе столько оружия?

– Да мне ничего, кроме пары пистолетов и обеих снайперских винтовок, и не нужно, да и то больше для коллекции. А насчет остального оружия планы есть и планы большие. Сейчас для меня это оружие, а вот когда приедем в Москву, это будет доказательством. Потом поймешь, для чего. Я мемуары хочу написать. Чуть позже, когда взрослее будем. Как вот мы ехали по этой дороге, что видели, чему свидетелями были.

– Я помню, что ты что-то в журнал записывал.

– Память такая штука, многое стирается, вот и веду дневник нашего путешествия, чтобы освежить память, если потребуется.

– Ясно. А с немцами как? Что-то больно легко у тебя все получилось. Раз и нашел.

– Честно говоря, сам поражаюсь. Ситуация, как в истории, пришел – увидел – победил. Нет, я думал, что смогу выполнить просьбу военных, но там пятьдесят на пятьдесят. Немцы по лесу ходить умеют, я это еще у дороги это заметил, когда они машину брали, но тут реально повезло. Если бы не дождь что четыре дня назад в этих местах прошел, он нас не коснулся, влажная почва и то, что снайпер нес груз, следы глубокие, я бы до наступления темноты их не нашел. Так что то, что я говорил командирам там на пляже, в большинстве было блефом, бравадой, я играл, если честно, такого рубаху-парня, которому море по колено. Тогда я не был уверен в результате. Главное, патроны было заработать за дело. А так думал, вернусь ночью ни с чем, скажу, что немцы ушли к реке, там следы теряются, вверх по течению ушли или вниз. Мол, извините, времени ими заниматься у меня нет. Ну а патроны, сказал бы, утопил в реке. Придумал бы чего-нибудь. А тут даже сам поражаюсь, все так сложилось, на следы немцев даже дважды наткнулся, а потом этих двух нашел. Жаль, пристрелить их не получилось, но сдал я их майору, все же шепнул ему, кто они, чтобы шлепнули их потом.

– Не немцы?

– Немцы бы мне так просто не сдались, что-нибудь да попробовали сделать. А эти... В группе вообще три немца оказалось, командир, радист и еще один солдат, остальные добровольцы разных стран. Например, тот громила-пулеметчик, чьи тебе ботинки подошли, это француз, какой-то там провинции, из-за которой немцы с французами на штыках. Я не уточнял. А второй вообще поляк. Так что запугать их было хоть и трудно, но я смог подобрать нужные слова. Ну а дальше ты знаешь, имущество их у нас, сами они переданы майору.

– А откуда они наш язык знают?

– Поляк переводчиком работал в отеле в Варшаве, француз имел русскую горничную, из любопытства изучил язык, у него вроде как способности к этому были. Шесть языков знает. Но я не проверял.

– Нет, все-таки насчет оружия. Мы пока ехали к пляжу, этот майор все жаловался на то, что в его полку очень мало оружия, чуть ли не по крупницам собирают с разных складов. Думаю, это плохо лишать воинов оружия.

– Вот кто все склады с мобилизационным вооружением у границы разместил, отчего немцы их целехонькими захватили, вот тот и пусть им оружие добывает и отвечает за это, – спокойно сказал я, но с металлическими нотками в голосе. – Немцы к Москве рвутся, думаю, дойдут, и я не хочу оказаться перед ними с голой жопой. Там будет наш дом, и у меня должно быть, чем его защищать, а я буду это делать и не отступлю. Вас, может, отошлю, а сам останусь. Именно поэтому мне и нужно это оружие. Я ведь специально трофейное отбирал, которое в нашей армии не используется и если используется, то недолго, пока боезапас не закончится.

Дед завздыхал, а я задумался. Пока мы шли, я искал любую возможность узнать, как идет эта история. Так вот, я не заметил каких-либо изменений, все как и в моем мире. Конечно, я не знал точных дат, когда был отдан тот или иной город, когда это объявляли по радио, удалось трижды прослушать такие сообщения на улицах деревень и одного городка. Изменений не было, это меня тревожило и злило, а раз так, значит, и битва под Москвой будет. Естественно, меня добровольцем в ополчение не возьмут, возраст не тот, но попартизанить я смогу, вот к этому и готовился. Так что оружие мне реально было нужно. Нашим ничего не дадут пяток единиц, что у меня есть, так что особо я не переживал, что якобы ограбил бойцов, тем более у них я как раз ничего не брал, ну кроме патронов, но ими их и так снабжают, а у меня подобного снабжения нет. Вот и приходится придумывать разные способы законно пополнить боезапас, как я это сделал с автоматом. Совесть меня не мучила. Разве что я все чаще стал думать о том, что зря не попробовал пробиться к Сталину и не рассказать о будущем. Понимаю, что идея бредовая, ну кто меня бы слушать стал? Тем более особо ничего рассказать я бы не смог, кроме начала войны, не ученый и историк, а обычный бизнесмен, который умел жить и давал жить другим. Качества, скажем, не те, чтобы меня встретили с распростертыми объятиями. Да и свобода мне реально была дороже. Спасти тех, что пострадал, погиб или пропал за первые месяцы войны, да и вообще за эту войну? Я думал об этом, еще когда лежал раненый на печи у деда, очень долго думал. Не посчитайте меня трусом, но я тогда реально испугался. А если я все не исправлю, а история изменится и станет еще хуже? Эту версию я знаю, и как раз она, несмотря на потери, была самой приемлемой, именно поэтому и с отправкой писем тянул до последнего, чтобы минимизировать потери в первый год войны. Ведь как, я хоть и не историк, но все же разнообразно развитая личность и мне было известно, что в начале сорок первого года англичане чуть ли не заключили мир с немцами, там какая-то мелочь помешала. А тут хватило бы толчка от меня, как англичане вошли бы в ОСИ и было бы совместное нападение, а вот этого наши бы не выдержали, точно не выдержали. Этого и боялся, долго думал и гадал, что выбрать. Вот и решил отдать выбор на волю случая. Взял монетку, сделал свой выбор и подбросил. Выпала та сторона, где информацию подавать можно, но дозированно и очень осторожно. Вот такая история. А сейчас уже сомневаться начал, что монета упала нужной стороной.

– Да-а, вот оно как все повернулось, – вздохнул я.

Дед косо посмотрел на меня и тоже вздохнул. Так и ехали вместе дальше по тихому лесу. Хотя нет, уже не тихому, вдали явно загрохотали бомбы. Что-то бомбят. Достав карту, я провел пальцем по линии и задумался.

– Хм, а кого это бомбят, тут же нет нормальных целей? Может, нашу часть какую при передвижении по дороге? Да и рано, только-только рассвело.

Кто и кого бомбил, мы так и не узнали, как двигались лесом по разным дорогам, так и шли, а тут были кругом леса. Подлянок от майора я так и не дождался, но был один случай в этот же день, когда мы покинули лагерь у Старой Руссы. Не хочу его особо описывать, в общем я лишился «вальтера», того, что ППК, обзавелся синяком на солнечном сплетении и разбитой губой. Один командир НКВД, он остановился рядом и вышел дорогу спросить, заметив, что у меня сбоку топырится, побил и отобрал оружие, тут же прыгнул в машину и усвистал. Я даже сразу и не понял, что произошло, стою в майке, тот рубаху успел содрать, а потом оружие с кобурой и вдали пыль от уезжающей машины. Когда смог отдышаться, конечно, бросился к телеге, да поздно. Очень быстрый и резкий оказался, скотина, бил не жалея. Я пока СВТ откапывал, тот ушел. Не успел, до сих пор обидно. Семья в шоке от такого зрелища была. Ладно, через пару дней я успокоился и перестал строить планы вырезать весь наркомат, хрен с ним, пересекутся еще наши пути-дорожки.

Армейские посты встречались трижды за следующие четыре дня, пока мы не выехали на главную трассу до Москвы. Кстати, отнюдь не пустую, беженцев хватало. Появились пере-

полненные рейсовые автобусы, машины тоже были, включая гражданские, все двигалось, все ехало в сторону Москвы. Вот и мы, вернувшись к привычной скорости передвижения, километров по двадцать пять – тридцать в сутки, иногда отдыхая пару дней в отличных местах для этого, тоже с каждым днем приближались к столице.

После Старой Руссы я был несколько напряжен, ожидал подянки от армейцев. Когда первый пост засек, практически все снял с телеги и повозки, укрыв в кустах, а проехав его (на нас даже внимания не обратили), потом несколько часов бегал в обход поста, все перенося. Второй пост проехал с осторожностью с грузом, как-то не было желания больше все на себе носить или волоком тащить, первого раза хватило. Ну а третий пост ни я на них, ни они на меня не обратили внимания. Вот так и ехали, и чем дальше, тем меньше людей в военной форме мы видели. В последние дни так вообще ни одного, тем более когда добрались до Твери, мы там на пару дней остановились на окраине и пополнили припасы, ушли с основной трассы и двигались проселочными дорогами. Все уже привыкли к такой жизни, что, когда появился указатель «До Москвы 32 километра», некоторые не могли поверить, что все, завтра прибудем на место.

Остановившись у указателя, я стал созывать всех к нему. Маринка с Ольгой умотали дальше, она за все время движения от Старой Руссы мало покидала седло велосипеда и за дорогу стала вполне опытной велосипедисткой. Теперь еще и пассажиров катала, одну из сестричек. Она нашим дозором была. Конечно, мы уже давно оторвались от немцев, не наступают нам на пятки, да и с опасных земель ушли, не требуется, если приспичило в кусты, стоять рядом и охранять с винтовкой в руке, как мы это делали раньше, а то так зевнешь и утащат. Повезет, если вскрикнуть удастся. Да-да, мы сами не раз находили тела таких несчастных зарезанных и ограбленных, да и от других беженцев не меньше историй наслушались. Беда сплавивает, многие беженцы организовывались в группы и охраняли друг друга. Это помогало, число пропаж у них резко снизилось, вот одиночкам не везло. А тут последние недели все спокойно было, да, беженцев хватало, однако и ограблений стало меньше. Я не говорю, что совсем исчезли, то тут коня уведут, то там девушка красивая пропадет, таких по кустам надо искать, но в принципе безопаснее стало. Я уже перестал обшаривать кусты на предмет неопознанных тел, мне хватило первых криков малышни, когда они впервые такое тело нашли. Не стоит их им видеть, вот все и осматривал.

Марина, укатившая вперед, вернулась и притормозила рядом, соскакивая на землю.

– Что случилось?

– К знаку собираемся, хочу памятное фото на его фоне сделать. В семейный фотоальбом.

– Ага, мы быстро.

Обе сестрички, прислонив велосипед к борту моей телеги, тут же умчались к повозке деда и там со всеми остальными начали прихорашиваться у небольшого зеркала, под наше с дедом недовольство, ждать приходится. Одному Димке пофиг, бегал в догонялки вокруг телеги с лайками. Те тоже веселились не меньше. Кстати, малышня я старался почаще с телеги спускать, чтобы ходили побольше и бегали, так что игры в догонялки вокруг двигающихся телеги и повозки обычное дело, а то могут и отсидеть себе что-нибудь. Да я и сам часто шел рядом с телегой, по часу давал себе такие нагрузки, в день раз пять, пока двигались.

Наконец все собрались, я настроил фотоаппарат, наведя его на наших, поставил его на футляр от гитары и, убедившись, что все попадают в кадр, нажал на кнопку и рванул к ним, где занял свободное место. Три лайки также попали в кадр, когда сработал таймер и фотоаппарат щелкнул. Волк сидел у моих ног, остальные стояли, Шарик и еще одна лайка в кадр не попали. Надеюсь, фото неплохое получится. Обсуждая фотосессию, повторно делать фото я не стал, и так всего четыре не отснятых кадра осталось, побережем напоследок, я осмотрелся и сказал Марине:

– Ты давай вперед, как обычно поищи место для стоянки, обедать пора. И ищи рядом с водоемом. Жарища, искупаться охота.

– Ага. Как всегда, – кивнула та.

Ольга уже ждала у велосипеда, так что обе сестрички укатили вперед, ну а мы двинули следом. Сестрички то и дело мелькали вдаль, я изредка брал бинокль и присматривал за ними. Не всегда это получалось, складки местности мешали. Отлеживал больше по привычке, но привычка нужная, мало ли что. Не хотелось бы совсем расслабляться на подъезде к Москве, всякое может случиться. К счастью, ничего сегодня не случилось. Пообедали нормально, сестрички нашли спуск к реке, которая за эти дни то и дело появлялась слева от нашего маршрута. Не думаю, что Клязьма, какой-то мелкий приток. А так в Москве рек хватало, не одна Москва-река через нее проходила. Спуск с дороги был удобный, а вот чтобы искупаться, через кусты приходилось идти, но ничего, охладиться хорошо. Однако, несмотря на близость Москвы, движения мы не прекратили, снова собрались и двинули дальше. Причем забирая левее. Пересекли по мостику, не охраняемому, речку, в которой купались, и двинули вокруг Москвы. Родным мои маневры были не совсем понятны, но я сказал, что так надо. Дело в том, что я планировал встать лагерем на окраине Москвы со стороны Мытищ. Я вроде уже говорил про свою привычку если вставать лагерем, то чтобы между нами и немцами был населенный пункт, так и тут. Заранее все делал, ну и дом для приобретения планировал с этой стороны искать.

За этот день обойти столицу мы просто не успели, зато начали встречаться воинские подразделения, батарея крупнокалиберных зенитных орудий. Пять штук, что подняли стволы в небо, насчитал. До вечера мы увидели еще две батареи. Москву бомбили, причем налет был совершен как раз в последнюю ночь пути, завтра прибываем и встаем лагерем. Полночи в небе гудели моторы и хлопали зенитки, спать не давали. Вон как нас Москва встречает.

А так тащить всех в Москву, переполненную беженцами, я пока не планировал, до того момента пока не найду и не куплю дом, привыкли жить в походном лагере, так и будем жить, тем более со всеми удобствами. Ну кроме туалета, но и с ним неплохо, лето, кустов хватает. Мы сразу при организации лагеря отмечаем границы туалета, ямку копаем, потом перед отъездом закапываем ее. Культуру путешествия исполняем, не мусорим. Приучал я своих к этому.

Кстати, на подъезде к столице и посты появились. Нас они не досматривали, мы для них вообще как невидимки были, ну едет семья беженцев, тут таких тысячи. Так что я только порадовался такому отношению и огорчился, так в Москву что угодно можно провести. Нет, выборочная проверка, конечно, проводилась, но подозрительных лиц, мы же к ним, похоже, не относились. Это из-за многочисленных детей, как я понимаю.

Привычный вечерний концерт у костра был так же с одобрением встречен родней, радио нет, газеты редкость, так что мои песни хоть как-то скрашивали досуг и их очень ждали. Можно сказать, семейные фанаты у меня были. Тем более раз в неделю я выдавал что-то новое, приводя своих в восторг. Вон малышня то и дело горланили днем мои песни, сбиваясь и начиная сначала. Да и бабушка нет-нет, да что-то напевала, занимаясь делами. У нее, кстати, хороший голос.

Утром мы собрались и продолжили движение. Обошли Москву и, найдя отличное место для стоянки, снова Маринина находка, стали разбивать там лагерь, но не на одну ночь, а такой, основательный, мы тут будем жить, пока я не найду дом, потом все вместе осмотрим его и, если будет общее одобрение, приобретем. Встали на месте где-то по полудню по местному времени, но в столицу я не рвался, хотя до границы окраины домов было два с половиной километра, мы у них на виду располагались. Я занялся делом, натянул тент между деревьев, палатку поставил. Кухню сделал, очаг, дед рукомойник повесил, воды в него налил. На ветку полотенце. В общем, мы с дедом организовывали неплохой такой крепкий лагерь. Бабушка с мамой обед начали приготавливать, а то мы немного пропустили. Почти на два часа, место искали, а теперь навестывали его. Сам я, когда лагерь был готов, а обед еще нет, пробежался

вокруг. Встали мы на опушке небольшой рощи рядом с озером. И место для купания и водопоя, ну и источник воды.

Так вот, пробежавшись по роще, я не сразу, но нашел пару подходящих мест для схрона. Сбегав в лагерь, еле отбил от малышни, что решила меня сопровождать, и углубился в рощу. Там, подойдя к выворотню, дерево упало, стал копать. Отвлекся лишь на обед и чуть позже на ужин. А так оборудовал отличный схрон для оружия. Для золота и денег тоже, но отдельно, дупло нашел. Во всей роще единственное нормальное дупло, и то с трудом углядел, не сразу приметил. Так что часть вечера и часть ночи носил сначала в один, тот схрон, что на дереве организовал, потом с дедом в тайник под упавшим деревом. Последний закопал, но маскировку навел ранним утром, когда рассвело, еще до завтрака. В схроне было все трофейное вооружение и амуниция. А то, что я решил ставить себе, например, обе снайперские винтовки, эти на одно из деревьев поднял, в листве укрыв. Там же рация, ну и разная мелочовка.

После завтрака я стал собираться в город. Сколько желающих было со мной отправиться, не передать, то, что Шарик ехал, это понятно, вот насчет остальных я задумался. Всех взять, ну кроме бабушки и мамы, кто не изъявил желания, даже дед хотел с нами, я не мог, да и вообще всем ехать не стоит, но все же взял любопытных. Валю, Димку, Луку и Ольгу, остальные остались. Тут и маме помочь нужно, постирушки никто не отменял. Кира пеленки с постоянной периодичностью пачкал. Вот так собравшись, мы и поехали. Мама все про Таню вспоминала, однако я решил, что это и подождать может. Время уже позднее, пятнадцатое августа сегодня, нам ведь не только дом найти надо, что в переполненной столице не просто, но и документы получить, а также записаться в школу в том районе, где мы будем жить. Ученье свет, а я на врача дальше учиться собирался, значит, учебу не забросим.

Оставив лагерь, мы прокатились до окраины и въехали в город. Деда я все же не взял, объяснил ему почему. Народу вокруг хватало, не мы одни обустроили лагерь рядом с Москвой. Даже цыганский табор был, но далеко, так что пусть охраняет наших, мало ли что. Наивность мы давно потеряли, еще в начале пути к нашей цели, Москве. Всегда теперь настороже. Так что вот так в одиночку мы и поехали, Марину даже не взяли, она обиделась, так с надутыми губами к озеру и ушла с корзиной грязного белья в руках. Ничего, в следующий раз возьму. Вот Волк не обиделся и с лайками остался в лагере, деду помогать, нам и одного Шарика хватит, а то вымахал чуть ли не метр в холке. Здоровый пес.

Малышня, пока мы ехали по окраине, так и крутили головой с открытыми ртами, действительно, в последнюю неделю мы только один раз в населенный пункт заезжали, в деревню, где был магазин, так что то количество людей, что ходило по улицам, им было непривычно. А уж когда трамвай увидели, вообще глаза вытаращили на него, стараясь ничего не пропустить. Хотя трамваи уже видели, в той же Старой Руссе. Отвыкнуть успели. Я же ехал не торопясь, внимательно поглядывая по сторонам. Мне местные кумушки нужны, те самые справочники в юбках. Первых таких нашли у колонки, около нее поводья я и натянул.

– Здравствуйте, девушки, – поздоровался я, несколько не смутившись, что девушкам далеко за сорок.

Три женщины стояли у водонапорной колонки и что-то обсуждали между собой. Отстегнув флягу, заинтересовался:

– Не позволите ли воды напиться?

– Отчего же нет, вроде не купленное, пей, – ответила самая бойкая.

Я не только во фляге воду сменил на свежую, ее тут же малышня отобрала, пить хотели, но и термос, что в телеге лежал, наполнил. Потом снова флягу опустевшую долил. Все это время, зацепившись языком, общался с аборигенками, две были местными, а одна беженкой оказалась, родственницей местной. Они заметно удивились, что я ишу дом не на постой, а где какой продается, и сказали, что знают только два дома, выставленных хозяевами на продажу. Причем описали тщательно, где какой находится. Вот тут одна из аборигенок и сказала, что

нужно обратиться к их участковому, мол, если какие дома хозяева желают продать, они обязаны уведомить об этом участкового, так что, если и есть кто самый осведомленный, так это он. Меня эта информация заинтересовала, я, например, об участковых даже не думал. Правда, немного переиначил предложение. Не буду я искать одного участкового, а лучше скатаюсь прямо в районное отделение милиции и поговорю со всеми, кто будет там, кого повезет застать. Правда, сначала посмотрим те дома, о которых сообщили кумушки.

Поблагодарив их за те сведения, что удалось добыть, я вернулся к телеге и, заняв место возницы, направился по первому адресу. Дом не понравился. Не то. Потом второй, даже с телеги не слез, мимо проехал, этот сразу нет. Изба в два окошка, да еще покосившаяся на один бок. Меня не устраивало то, что участки не имели выхода к водоемам, а мне нужно, чтобы можно было через огород спускаться к реке. Были тут такие участки, я видел. Так что, выяснив, где милиция, мы проехали по деревянному мосту и добрались до нужного здания.

– Из участковых на месте только трое... – задумавшись после моего вопроса, ответил дежурный по отделу. – Хотя нет, Павлов уже ушел. Значит, двое. А зачем они тебе?

– Да мы, товарищ младший лейтенант, беженцы, дом продали, решили в Москве на окраине купить, вроде хватает. А у кого это лучше узнать, как не у участковых.

– Это ты правильно решил к ним обратиться, – серьезно кивнул лейтенант. – А какой дом тебя интересует? Просто рядом с домом, где я квартирую, продается изба. Хозяин-старик умер, вот дочь и выставила на продажу. Вроде ничего такой домик. Я сам городской, в деревенских избах мало понимаю, а так на вид справный.

– Да тут дело в том, что мне еще участок у воды нужен, чтобы к реке можно было спуститься прямо через участок, по огороду, например. Всю жизнь в лесах прожил, вблизи водоемов нет, а тут хочется, чтобы свое было.

– А-а-а, – задумчиво протянул дежурный. – Тогда тебе те участковые, что на месте работают, не помогут. Ну-ка...

Лейтенант достал из закрытого ящика в столе рулон с картой и развернул ее, это был район, который контролировало это отделение милиции. Крупный, кстати, район.

– Точно, у них на участках выходов к рекам нет, озера и пруды, я так понимаю, тебе не интересны. А река у нас проходит через участки... Ага, старшего лейтенанта Павлова, это который только что ушел, и старшины Игнатьева. Нормальные мужики, если что есть, подберут, помогут. Кстати, Павлов собирался на наш колхозный рынок зайти, он тут недалеко, там ряды с навесами. Если увидишь, он в форме, высокий, с усами как у Чапаева. Не спутаешь. Поторопись, если не успеешь, держи адреса, где оба живут. Там местные подскажут, если что.

– Спасибо, товарищ младший лейтенант. Вы, кстати, когда я обустроюсь, тоже если потребуется, обращайтесь ко мне за помощью. Чем смогу помогу.

– А что, есть чем? – заинтересовался тот.

– Охотник и следопыт. Очень неплохой. У нас в районе сотрудники милиции меня и моего отца лесника не раз привлекали для розыска бандитов. Во время начала войны даже участвовал в поисках немецких летчиков, сбитых над нами. Из пятерых одного нашел по следам. Остальные далеко выбросились, шансов найти не было. В перестрелке участвовал, тогда был серьезно ранен, пулю из плеча вынимали. Прикрыл нашего раненого участкового, на выстрелы прибежал, я тогда как раз на охоте был, с винтовкой. Мы с ним на пару пятерых положили, а вот когда оба ранены были, один ушел. Бандиты кассу взяли в леспромхозе. Меня за это грамотой наградили со свистком. Потом, еще когда по Дороге Смерти шли...

– Что за дорога смерти? – тут же заинтересовался лейтенант, к нам подошел еще и сержант, видимо дежурной смены, с интересом слушая.

– Так беженцы называли дороги, где они шли под постоянными бомбежками и расстрелами с воздуха, ну нападений из засады. Бандиты там много награбили. В первое время очень много людей пропадало, когда с дороги сходили в одиночку, на ночь или там в кусты. Их

находили, убитыми, женщин часто изнасилованными, ну и ограбленными, конечно. Потом уже привыкли идти вместе, охраняя друг друга. Но там не сотни, там тысячи людей на обочине мертвыми лежать оставались, так что Дорога Смерти, правильно ее назвали. На этой дороге мне и с немцами повстречаться приходилось, постреляли, а я стрелок хороший. Ну и с бандитами. За последних мне благодарственные справки выдали, но они не со мной, в лагере у мамы остались. Она их хранит.

– Так у тебя оружие есть?

– У меня отец лесник, у него четыре единицы, мы все вывезли. Это оружие и спасло нам жизнь, честно говоря.

– А документы на них есть?

– Знал, что спросите, поэтому взял. Вон разрешение на отца, вот это на меня из лесничества.

– Ну твоя справка, это филькина грамота, а так... Да, оружие вы можете возить и хранить. В принципе, документы в порядке. Только потом, когда заселитесь, не забудь оформить их.

– Это обязательно, – кивнул я, принимая обратно бумаги и убирая их в планшет, что висел на боку.

– Немецкий? – кивнул сержант на планшет.

– Да, трофейный, с немецкого унтера-мотоциклиста снял, застрелил и снял. Удобно.

– Расскажи, – чуть подался вперед лейтенант.

Глянув в окно, там мои у телеги скучали, ожидая, я кивнул, время еще было, тем более мне тут жить, нужно налаживать хорошие отношения с представителями власти, в будущем может пригодиться. Так что описал в подробностях, как мотоциклистов смог положить, потом не удержался и про экипаж бронетранспортера рассказал. И Заславского, что у меня мотоцикл и оружие отобрал, не мог не вставить этот эпизод, оба милиционера синхронно ругнули. Непорядочно тот поступил, оба это признавали. Причем не могли не поинтересоваться, откуда у меня короткоствольное оружие. Сказал, что тоже трофеи, с бандитов. А сейчас нет его, военный патруль все забрал, мол, не положено. На это оба так же синхронно кивнули. В общем, сумел их расположить к себе, уже нормально на меня смотрели, не как на мальчишку. Так и распрощался, нормально расстались.

Устроившись на телеге и пересчитав все ли мои на месте, я стегнул поводьями по крупам обеих лошадей и покатил к рынку, где он находится, мне хорошо описали. Павлова там не нашел, видимо, уже ушел, так что прикупил немного продовольствия, большие объемы ни к чему, так восполнил то, что закончилось, и покатил по первому адресу. Ближайший был Игнатьев, вот к нему и двинул. Старшины дома не оказалось, обходил свой участок, я решил было двинуть к Павлову, как Димка усмотрел на параллельной улице сотрудника милиции, что там разговаривал с двумя женщинами. Свернул к ним и попал в точку. Это и оказался старшина Игнатьев.

К сожалению, ничем помочь он мне не смог. Действительно подходящие под мое описание дома были на его участке, но ни один не продавался. При этом он записал мои данные и где мы встали лагерем, рощу ту он знал. Мол, если что появится интересное, весточку пришлет. Ну а мы двинули дальше. По пути окруженное кустарником озеро встретилось, а возможно и пруд, слишком привольная окрестность у него, так что отпустил малышню, давно они в туалет просились. После их возвращения двинул к Павлову. Тот оказался дома, повезло застать, тот это сам признал.

– Дом с участком, выходящим к реке? – задумчиво пробормотал тот, явно прикидывая варианты.

Мы стояли у деревянных ворот на улице у его дома, дочку младшую попросили отца позвать, и вот когда он вышел, познакомились и я задал свой животрепещущий вопрос, нет ли подходящего на продажу. Тот стоял босой, в темно-синих галифе и белой нательной рубашке,

прикидывая, есть у него что подходящее или нет. Кстати, к участковому также обращались беженцы и насчет постоя, подбирал.

– А ты знаешь, Александр, есть такой дом. У меня на участке один инженер проживает, главный инженер завода, а он эвакуируется, оборудование вывозят, соответственно и рабочих с руководством тоже. Не знаю, куда уезжает, но тот дом имеет в собственности, вот он и продает его. Только дорого, но это единственный дом с участком, подходящим под твоё описание. Кстати, у них там даже пирс есть и своя лодка весельная. Ещё, кажется, лодочный сарай, но не уверен, хозяин планировал снести его, старый, хотел и новый поставить, а сделал или нет, извини, не уточнял. Думаю, нет, война все же. Не до того.

– Вроде неплохое предложение, да и единственное. Стоит хотя бы посмотреть.

– Тут еще кое-что, – подумав, сказал участковый. – Дом не простой, а двухквартирный. Вход у обоих по бокам, с торца здания. Деревянный, на каменном фундаменте, под железной крышей, даже водопровод имеется в половине инженера, но все же на две семьи.

– А какая проблема?

– Проблема как раз есть, семья у инженера большая, одних детей четверо, да еще сестра с ними проживает с ребенком, вот тот и хотел расширить жилплощадь. У него это получилось, еще осенью прошлого года старушка, что жила в соседней квартире, преставилась, вот они выкупили в рассрочку вторую квартиру. Продает сейчас как бы обе, поэтому и цена такая большая, очень высокая, нет желающих ее взять.

– Тут как получится договориться, это тоже уметь надо.

Честно говоря, я был заинтересован, даже очень. План сразу сложился у меня в голове. Да что думать, двухквартирный дом идеально подходил для моих планов. В одной половине бабушку с дедом пропишу, на них и оформлю квартирку, а в инженерной мы будем жить. Все на маму оформлю. Кстати, а что тут с документами? Задав этот вопрос, узнал у участкового, что получить можно, сложно немного, мутно, но можно. Вот и дал описание этой процедуры. Видимо, немало беженцев, что осело на его участке, имели схожие проблемы, и он помогал их решать, так что знал, что говорить и что делать. Смогут получить документы не только мама, но и дед с бабушкой.

Узнав адрес, я тут же воспылал желанием осмотреть сам дом. По словам участкового, дореволюционной постройки, правда, но не старый, вполне себе крепкий. Сам участковый не мог меня сопроводить, есть пара срочных дел, но как выехать на нужную сторону, описал тщательно. Мы доехали до паромной переправы, тут моста не было, а река за двести метров шириной, так что на пароме перевозили за определенную цену. Если проходило какое судно, а река была судоходной, канат погружали в воду. Отработанная процедура. Оплатив доставку до другого берега, я за узду завел коней и телегу на паром и стал ожидать. Когда народу набралось достаточно, единственный работник парома, это была крупная женщина, стала крутить барабан, и паром двинул к противоположному берегу, где был деревянный пирс. Малышня столпилась у борта, глядя на урчащую воду, ну а я как стоял, держа лошадей, так и стоял. Лишь приглядывал за ними, чтобы в воду не упали, малые они такие, глаз да глаз нужен.

Немного удивляло, что так нарезали участки, что у Павлова еще были земли за рекой, граничили с районом соседнего райотдела, но тот, видимо, не видел в этом проблемы, неудобства были, но небольшие. Перебравшись на другой берег, мы снова заняли места в телеге и покатали дальше. Сразу как доехали до перекрестка, свернули влево и двинули по улочке, рассматривая дома. Нужный я приметил сразу, все, как и описал участковый, даже четыре печные трубы сходились по описанию. По две отопительные печи в каждой квартире и по две кухонные. Все верно.

Подкатив к палисаднику, в котором росла сирень, я накинул поводья на штaketник и завязал, после чего велел малышне ждать, постучал в ворота. Те, что справа от дома, именно с этой стороны и проживал инженер. Тут же в песочнице играли две девочки близнецы лет

шести на вид, мои сразу к ним присоединились, и началось общение, быстро они друзей и подружек находят. Только Валя осталась у телеги, она как раз себя взрослой считала, чтобы с малыми общаться, десять лет все же. Кликнув одну из близняшек, а то на стук никто не выходил, попросил позвать отца. Его дома не оказалось, на работе, но это и понятно, зато мама была дома, ее она и позвала.

Женщине было на вид лет тридцать пять, ничего такая, ухоженная. Сперва она на меня настороженно смотрела, но узнав, что информацию о продаже я от участкового получил, кивнула и пригласила осмотреть. Заодно поинтересовавшись, почему я один, и где родители.

– Отца в армию призвали. Мама со мной, мы на окраине остановилась, у нас братик недавно родился, все внимание к нему. Так что, если я что найду, мы все вместе потом еще раз приедем и посмотрим.

Вот так с хозяйкой мы и ходили по участку. Раньше огород разделял забор, но его, видимо, убрали не так давно, следы от столбов остались, теперь это был общий огород, хозяйка обеих квартир-то теперь одни. Осмотрел участок, грядки ухоженные, дальше на склоне ряды картошки, потом хозяйственные пристройки, оставив дом напоследок. Кстати, бывшую конюшню хозяин дома превратил в гараж, он там служебную машину держал, сейчас ее не было, но снова превратить гараж в конюшню не сложно. Мы спускались и к берегу реки, туда тропка была сделана, даже из дикого камня ступеньки, было видно, что инженер вложил душу в дом. Наверху беседка для отдыха со столиком и навесом, удобно тут по вечерам пить чай и поглядывать на реку, а вид действительно открывается великолепный. Сам дом стоял на холме, метрах в пятнадцати от уровня воды в реке. Крутая, можно сказать, тропинка к берегу, но все сделано тщательно, где нужно перила. Лодки не было, пирс был, а лодочного сарая и лодки не было. Сарай снесли, чтобы новый поставить, да не успели из-за войны, а лодку хозяин уже продал, еще только когда задумали о переезде. Вот так общаясь, я задавал хозяйке разные вопросы. Оказалось, жили они в этом доме, потому что квартира хозяйке досталась по наследству от родителей, а так как и все на служебной квартире жили. Вот насчет нее сам хозяин был против, он деревенский, привык жить в избе, квартиры ему не нравились. Потом мы направились в дом.

Кстати, пока мы ходили с хозяйкой, осматривая все, такие же любопытные малые также ходили по участку. Обе близняшки, дочери хозяев, водили за собой моих брата и сестриц, деловито и важно рассказывая, где что находится, и если хозяйка показывала мне дом и участок, то близнецы показали, где у них места для игр, где хорошие тайники можно сделать. На каких кустах вкусные ягоды или яблоки, а где нет. Спускались к пирсу, показывали песок на берегу. Мол, их отец сам его носил ведрами. Привез несколько машин к дому и переносил, чтобы пляж сделать для купания. В общем, у них были свои интересы. Валя сперва пометалась, к какому экскурсоводу присоединиться, но потом все же выбрала нас, с нами ходила. Да и сам берег входил в домовый участок. На это есть документы. Сам инженер оказался мужиком хозяйственным, с обеих сторон забор с соседями и доходил он до самой кромки воды. Так что фактически с домом продавался и обустроенный пляж, да еще с крепкой пристанью. Называть пристанью этот мосток, конечно, преувеличение, но для лодки или стирки самое оно, мостик скорее. Одобряю. Помимо разных хозяйственных строений привлекала взгляд новенькая баня из липы. С лодочным сараем хозяин возиться не стал, но баньку срубил этим летом. Начал весной, а тут война, но закончил ее, даже электричество внутрь провел.

Обе квартиры я тоже осмотрел, раньше они имели одинаковую площадь, но когда инженер выкупил вторую половину дома, то уменьшил площадь. Фактически на второй половине остались кухня и одна комната, квадратов по двадцать пять каждая. Сени и крыльцо я не считаю. Там живут, да и сейчас проживают сестра хозяина и ее сын, примерно моих лет. Их сейчас нет, сестра на работе, сын где-то бегает. Они тоже уезжают, причем навсегда, так что и их половина была выставлена на продажу, тут участковый не ошибся. Вот во второй половине

и поселю дедушку с бабушкой, как раз им площади хватит, тем более кухонная печь имела лежанку, дед за время путешествия о ней часто вспоминал, любил греться на печи. Еще одна свежепоставленная кухонная печь была за домом у беседки, так называемая летняя, чтобы в доме жару не разводиться. Тоже летом поставлена, успели до начала войны сделать.

В инженерской половине было три спальни, общий зал и кухня, удобства у обеих квартир снаружи, «скворечники». На кухне раковина, действительно есть водопровод. Так же имела газовая плита и баллон. Во второй квартире ничего подобного не было, воду от колонки носили в ведрах, готовили в печи. Тут тоже в печи можно, если газа нет. Да и думаю, газом пользовались, чтобы дрова экономить летом, а зимой печь так и так топили, так что в ней можно готовкой заниматься. Вот как раз когда я осматривал газовую плиту и слушал объяснения хозяйюшки к нам и подошел участковый, пройдя в дом. Я его сразу услышал, сперва Шарик гавкнул, подавая голос что, мол, чужой подходит, потом дворовый пес хозяев лай поднял. Мы с хозяйкой выглядывали в окна, смотрели, кто пришел.

– Иду мимо, вижу знакомую телегу. Осматриваешь еще? – обратился тот ко мне, поздоровавшись с хозяйкой.

– Да, почти два часа вожусь. Малые вон, давно купаются внизу, а я все осматриваю.

– Ну как? – спросил участковый.

Хозяйка отошла в сторону и убавила громкость репродуктора, по радио после очередных неутешительных новостей какой-то ансамбль выступал.

– Нравится. Я бы взял, если в цене сговоримся, но сначала маму и бабушку с дедушкой привезти сюда надо, чтобы тоже посмотрели. Думаю, деда с бабушкой поселить в той небольшой квартире, а сами тут, но тут как получится сговориться.

– Если все удастся, предупреди меня, помогу с оформлением.

– Хорошо, спасибо большое.

Участковый довольный ответом ушел, ну а мы, закончив, стали договариваться. Без хозяйки она отказывалась говорить о цене, а он будет только вечером. Я лишь кивнул, сказал, что привезу всю семью, вот тогда и поторгуюсь, пока они дом и участок изучают. В восемь вечера обещал быть. Темнеет тут в полдесятого, так что время на осмотр дома есть. Да и я подобной находкой был доволен, мы его купим, деньги есть, только вот попрошу хозяев цену указать меньше, а то уж больно задрали, чтобы вопросов к нам не было, откуда такие средства. А так я заплачу любую сумму, благо наличка была, мне участок и дом реально понравились, о лучшем и мечтать не стоит. То, что надо.

Кликнув своих, подождал, когда они обсохнут, и мы вышли на улицу. Шарик дремал в тени под телегой, лошади тоже отдыхали, я подтянул ослабленные уздечки, не стоит мучить животину, тем более я предполагал, что долго дом буду осматривать, вон даже стропила и подпол смотрел. Погрузившись, мы доехали до парома, перебрались на другой берег, на пароме участкового встретили и подбросили его до дома, отправившись к лагерю. Время к трем подходило, когда мы вернулись, и не безрезультатно. Наши уже волновались, обещали к обеду быть, а все нет и нет. Так что вздохнули с облегчением, даже успели порадоваться, что нашли подходящий дом. Повезло в первый же день найти подходящее жилье, да еще какое. Это удача.

Мы, обедая (нам оставили), очень красочно описали продающийся дом. Малым особенно понравился вид сверху на Москву-реку, ну и на другой берег, а уж пляж вообще в восторг привел. Мол, корабли по воде так и ходят туды-суды, и лодок много, волны большие. Да, водного транспорта тут хватало, так что я чуть позже надеялся подобрать себе что-нибудь подходящее. Да не надеялся, был уверен, что подберу. Часов в семь отправимся, чтобы к оговоренному сроку быть, однако нужно решить, кто из взрослых останется в лагере. Те малые, кто дом видели, точно остаются, ну а из взрослых решили, что бабушка останется, присмотрит тут за всем. Вот остальные, кроме деда, что сидел рядом со мной и попивал крутой чай, сразу же озаботились одеждой, зарылись в корзины и мешках, доставая выходную одежду и осматри-

вая ее, в порядке или нет. Так что готовились почти все время, я даже подремать успел. Лишь достал нужное количество наличности и убрал в свой планшет, приготовил бумагу и карандаш, для расписки на случай покупки дома, хозяин будет писать, что аванс получили или полную сумму, как сговоримся.

Пужинав, мы собрались и, оставив часть малышни в лагере с бабушкой, та за Кирой присматривала, покатали в город. Едва успели, не думал, что к парому вечером такая очередь. Однако ничего, добрались, и даже хозяин был дома. Все, что надо, я видел, поэтому сразу вступил в яростную торговлю, пока остальные осматривали как дом, так и участок. Дед только крикнул, когда услышал сумму за все. Причем хозяин, степенный уса́тый мужчина, лет сорока пяти на вид, все с дедом пытался разговоры и торговлю вести, так что приходилось его поправлять, тут со мной на эту тему нужно общаться. Как бы то ни было, но мы ударили с ним по рукам. Запросил инженер сразу всю сумму, я как знал – взял. Сбить мне удалось не так и много, процентов пять, так что я был для виду печален. Дед под конец торговли тоже присоединился к нам, но даже с его помощью нам не удалось снизить цену, инженер знал, что продает и сколько все это стоит. Причем мне удалось договориться, что тот подключит свои связи, и оформление дома, и получение документов, то есть трех паспортов, ускорится. Тот без особого напряжения согласился помочь, видимо, было к кому обратиться.

Сам инженер был явно доволен, завод только начал демонтаж оборудования, а ему уже нужно было уезжать на место, чтобы там фактически отстраивать завод заново. А уезжали они в Куйбышев, решили там два дома купить, себе и сестре, навсегда уезжают. Вот такие дела. Расписку я убрал в планшет, после чего мы покинули участок и поехали обратно к лагерю. Уже темнеть начало, не успеем до наступления темноты, ночью вернемся. Были мы немного возбужденные, еще бы, такое событие, дом покупаем, однако отошли за время поездки. Бабушка не спала, нас ждала. В лагере все спокойно, лошади из повозки деда рядом пасутся, не увели, все в норме.

На завтра много дел, включая посещение паспортного стола, уже можно заявления писать, ну и оформляться начнем. Еще участкового в курс дела поставить нужно. Сам инженер обещал освободить жилплощадь в течение недели, нам не трудно это время пожить в лагере. Тем более почти всю мебель он оставлял, не видел смысла везти в другой город, все на месте можно приобрести, да еще новое.

Хотя бы относительно новое. Это нас тоже устраивало. За эту неделю все оформим, ну и документы взрослые получают. Так сказать, проведем легализацию.

Утром, после завтрака, оставив за старшую в лагере Марину, мы покатали в сторону города. Кроме бабушки, мамы и деда с нами был только Кира. Но это правильно, его в лагере не оставишь. Заехав к участковому, его не было, но через жену удалось передать, что дом мы берем, мол, уже оформляем. Добравшись до райотдела милиции, я дождался, когда мама, дед и бабушка напишут заявления на получение паспортов, ну и сообщат, что мы скоро станем местными жителями. Мама писала и за бабушку, главное, чтобы она присутствовала и поставила роспись в виде крестика. Женщина, что оформляла заявления, сказала, что все будет готово в течение недели, можно будет прийти забрать паспорта. Прописку в жилконторе уже оформляют. Потом мы поехали в контору, где к назначенному времени нас должен будет ждать инженер, продавец. Мы даже раньше оказались у места, тот чуть позже подъехал на служебной машине с водителем. С его прибытием все быстро решилось. Причем оформлялись сразу обе квартиры, тот оформлял продажу одной квартиры деду, другую маме. Все, как и договорились. Местные работники все обещали сделать за два дня. Насчет паспортов инженер сказал, что решит этот вопрос и нам их выдадут тоже дня через два-три. Единственно, служебный телефон, а к нему была проведена линия, отключат и уберут. Есть и более важные люди, чем мы, им отдадут освободившийся номер. Я особо и не возражал, сам предполагал, что его не оставят.

Тут мы и расстались, больше присутствия фактически бывшего хозяина квартир и не требуется, заявления на паспорта и на покупку квартир написаны, дальше мы уже сами. Задерживаться у жилконторы мы не стали, инженер уже уехал, у него у самого дел много, а мы же, вернувшись к телеге, покатали к лагерю. Нужно оставить взрослых, все, что нужно, они сделали, потом лишь свожу их получить паспорта и сделать прописку. Ну и уже потом после освобождения квартир будет заселение. Вернулись без проблем, вполне довольные результатами поездки. В самом лагере все было нормально, малышня на берегу озера, Марина, Валя и Лука суется по хозяйству. Вернее, Марина и Валя, Лука у берега за малышкой присматривает.

Пока я поил лошадей, остальные спорили, кто со мной едет. Я собрался к Тане скататься, тем более семнадцатое августа воскресенье, должна отдыхать. Надеюсь застать ее в общежитии. После долгих споров, криков и слез решили, что едут все, в лагере кроме взрослых оставались только Кириуха и Наташа. По просьбе мамы я собирался привезти Таню сюда, в лагерь, чтобы она с нами побыла. После обеда мы погрузились в кузов телеги и покатали обратно к городу. Ехали долго, все же в центр необходимо, но ничего, до ДТП дело не дошло, вроде по правилам ехали, так и добрались до Танькиной общаги. Малые и остальные остались в телеге, а я прошел к вахтерше у входа. Танька была у себя, уже большое облегчение, с нее бы случилось к нам рвануть. Значит, молодец, послушалась меня. Узнав, что я ее брат, вахтерша пропустила без разговоров. Да и помнила она меня, когда я в начале лета тут суеился, помогал старшей сестре с оформлением и обживанием.

Поднявшись на второй этаж, вежливо постучал и стал ожидать. Открыла не Таня, незнакомая девушка. Видимо, соседка, ее я не знал, после моего отъезда вселилась.

– Тебе кого? – спросила та, удивленно меня рассматривая. Ниче так, симпатичная, рыженькая.

– Сашка?! – услышал я радостный возглас, сестрица, оказалось, на кухне была и сейчас возвращалась со сковородой в руках. На ручку была намотана тряпка, чтобы не обжигаться. Сама сковорода имела не снимаемую чугунную ручку. Я ее помнил, все же сам покупал.

– Смотри не урони с радости, – кивнул я на сковороду, она передала ее соседке и тут же облапала меня. Потом затащила в комнату, а то на шум стали выглядывать соседи.

– На троих накрывай, – велела сестренка соседке.

– Я не буду, только недавно плотно покушал, – улыбаясь, ответил я и достал из планшета шоколадку. – Трофейная, немецкая. Это вам к чаю. А это пачка галет, тоже трофейные.

– Откуда? – тут же спросила Таня, изучая подарки, соседка от нее не отставала. Кстати, завтракать они собрались яичницей.

– От немцев вестимо, повстречались с десятком на одной дорожке. Постреляли немного. В результате они в земле, а я тут. А это я в ранцах нашел. Кстати, у меня и ранцы с собой, если хочешь, задарю. Валька с Лукой себе уже взяли, как портфели школьные будут. Димка один забрал, вещи там хранит.

– Так ты не один?

– Конечно нет, со всеми. Только отец в армии. Он тебе не писал?

Последнее я спросил с изрядной надеждой. После того как его забрали, ни слуху ни духу о нем, а тут хоть какой-то шанс узнать.

– Два письма пришло, – закивала она и, достав из-под подушки солдатские треугольники, протянула их мне. – Так где наши?

– Дед с бабушкой, мама, Наташка и младший брат, кстати, у тебя еще один братик появился, в лагере у города, остальные здесь, внизу у телеги.

– Что ж ты сразу не сказал?! – возмущенно взвизгнула, и только ее видели, лишь дверь хлопнула, как она убежала.

Чтобы не мешать любопытной соседке завтракать, я отсел на кровать сестры и стал читать письма отца. Я за него действительно тревожился. В первом письме тот сообщал, что находится

в учебном полку, проходит обучение, перед распределением. Значит, перед приходом немцев к нашему району его увезли достаточно далеко и тот не попал в окружение. Тот тоже тревожился за нас. Второе письмо Таня получила буквально неделю назад. Теперь есть номер полевой почты отца, его части, можно писать. Тот все также тревожился за нас, писал, что воюет, все нормально, живой. Получил должность ротного старшины в одной из рот мотострелковой дивизии. Воюет и служит.

Я как раз дочитал, когда в комнату ввалилась толпа, следом шла Таня с Ольгой и Аней на руках. Малые поздоровались с соседкой и тут же расселись на кровати, с любопытством осматриваясь. Заметили, вернее, унюхали яичницу и насторожились как перед добычей. В общем, все съели, те еще проглоты. Марина забрала у меня письма и стала не менее жадно читать, ей тоже хотелось узнать, что с отцом. Почти час мы сидели, вываливая друг на друга ворох новостей, малые, не особо стесняясь, рассказали как я убил немцев на их глазах и как стрелял в самолеты и те падали. Про покупку дома тоже рассказали, как он им понравился. Но не дом описывали, а пляж. Кто о чем.

– Ты собирайся, – посоветовал я сестре, убирая письма отца в планшет, маме будет тоже интересно почитать. – Мама ждет, к нам скатаемся, вечером я тебя обратно привезу, чтобы завтра на уроки не опоздала.

– Я быстро.

Нас с Димкой тут же выставили в коридор, пользуясь моментом, мы на кухню прогулялись, попить, после чего мы все вместе спустились, и на телеге, там все нормально, Шарик бдит, покатали к выезду из города. В направлении нашего лагеря.

Пока мы неторопливо катили по улицам, шикнув на малых, я стал более подробно расспрашивать Таню о ее жизни, все же почти три месяца не виделись. Ей оказалось и рассказывать нечего, кроме того, что она за нас волновалась. А так работает санитаркой, только больница была переведена на военные рельсы, став госпиталем, но смена в следующую ночь, познавала город, а когда начались уроки, узнала, в какую группу ее определили. Успела познакомиться с такими же новичками, и вот училась. Тяжело, отдыхают только в воскресенье, но она уже стала привыкать, так что нормально, выдержит. Радостных новостей было две, отец отписался и мы появились.

В ответ сестрица попросила рассказать, как у нас прошло путешествие. Пришлось обдумывать каждую фразу, чтобы лишнего не сказать, но не сильно получилось с теми шестью детекторами лжи, что сидели в телеге, болтая ногами и активно грея уши. Уж они-то дополняли мой рассказ подробностями, ловя на неточностях. Так что описание нашего путешествия прошло достаточно подробно, сестра ахала, охала и качала в огорчении головой, переживая все, что нам досталось. Правил я так, чтобы проехать мимо нашего будущего, да что будущего, уже нашего дома. Хотел показать его старшей сестре, тем более крюк небольшой, фактически по пути.

Заходить не стали, поздоровались с близнецами, они снова у двора были, и покатали дальше. Нас в лагере ждали. Паром привел Таню в восторг, жаль, его из беседки не видно, тут у реки излучина была, поворот, так что наш огород и дом с парома также было не видно. Дальше понятно, уже через полчаса мы были в лагере. Столько восторгов, радости и слез было. Мы с Димкой отошли в сторону, эти эмоции чисто женское дело. Деда не было, узнав, что он на лугу, косит, мы с братом отправились туда. Таню от мамы и Киры, сверток с которым сунули ей в руки, было не оторвать. Деда мы действительно нашли у рощи, с другой ее стороны.

– Ничего себе, он тут что, все время косил, как мы уехали за Таней? – удивился я, обозревая размеры скошенной площади. Там чуть дальше уже было скошено и стояли снопы. Это кто-то из Москвы, кто недалеко жил, запасал сено на зиму. Туда мы не лезли, чужое.

Мы дошли до деда, тот нас уже приметил и срезанным пучком травы оттирал лезвие, поглядывая на нас.

– Привезли?

– Да, в лагере.

– Пойду, поздороваюсь, – кивнул тот.

– Дед, ты уже запасы на зиму заготавливаешь?

– Конечно, нужно уже сейчас озаботиться, и так уже опоздали. Я сеновал на нашей половине смотрел, хороший, сухой, много вместит. Правда, прошлые хозяева не корову держали, а коз, но все равно сеновал хороший.

– Ага, только ты имей в виду, что у нас останется один конь, остальных, скорее всего, вместе с повозкой реквизируют в армию. Себе оставим одну лошадь и телегу, она полегче. Если дадут, конечно, оставить, могут все забрать. И еще, насчет коз. В скотнике нашем будем именно коз держать, чуть позже купим, чтобы для малых молоко было.

– А продналог? С птицей мы уже договорились с хозяевами, кур и трех гусей они нам оставляют, только пса дворового и кошку забирают.

– Ты удивишься, дед, но в Москве продналога нет, он только в деревнях и селах. На территориях столицы такого нет. Я поэтому именно в Москве дом искал, а не в одной из ближайших деревень. То есть это одна из причин.

– Хм, хорошая новость. Ладно, я пойду, с Таней поздороваюсь.

– Давай.

Забрав у деда косу, я стал размеренно работать, и скошенная луговая трава аккуратными стопками ложилась на землю. Димка с дедом убежал, так что я работал спокойно один. Наверное, час без перерыва прошел, целая просека за мной осталась, а косить я умел, в прямом и переносном смысле, когда заметил, что из-за рощи выезжает мотоцикл, и рассмотрел в люльке Димку. Управлял мотоциклом милиционер, не знаю его, а вот за ним пассажиром сидел уже знакомый сержант из дежурной смены, вчера, помнится, познакомился, когда участковых искал, чтобы подсказку на дом дали. Фамилию тот не говорил, но лейтенант, к нему обращаясь, Валерой называл. Мотоцикл подкатил ко мне, когда я пучком травы лезвие вытирал, заодно попробовал его на остроту. Править надо, затупилось уже, а наждак дед в кармане унес. Кстати, как раз и он появился, пройдя рощу насквозь, с граблями в руках. Видимо планируя собрать траву, но не в снопы, не высохла ее, а в ряды.

– Сашка, это к тебе! – крикнул братишка, когда мотоцикл остановился.

– Да я уже понял. Что случилось, товарищ сержант?

– Помочь не передумал?

– Сам предлагал, – пожал я плечами.

– Вот и добре, дело есть, очень важное и срочное.

– В чем помощь нужна? Это для уточнения, что с собой брать нужно.

– Банда. Уйти смогла, запутав следы. По реке ушли, оцепили район, мы тоже участвовали, прочесали, как в воду канули. Выяснить надо, куда ушли.

– А, ну это до лагеря нужно прокатиться, кое-что взять требуется. Димка, вылазь, устроился.

– Я с вами до наших доеду, можно? – спросил тот.

– Можно, – улыбнулся я.

Дед уже подошел, так что, отдав ему косу, сообщив, что лезвие нужно поправить, заточить, устроился на крыле в коляске, чтобы Димку не придавить, и так мы доехали до лагеря. Там малышня окружила мотоцикл, чирикающая о своем и задавая множество вопросов. Мы-то уже привычные, а вот оба милиционера оказались слегка дезориентированы, особенно когда шквал вопросов сыпется со всех сторон. Успокоив маму, мол, попросили помочь как следопыта, я забрал свою винтовку, повесил котомку, перекинув лямку через голову, ссыпал в карманы немного патронов и, подбежав к мотоциклу, забрался в люльку, ставя винтовку прикладом на дно между ног.

– Едем.

Водитель сразу же запустил мотор, и мы покатали, но не к городу, а по окраине в объезд, пересекли реку на паромной переправе и уже через полчаса были на месте. Километров на десять от города уехали. Военных тут хватало, при нас как раз грузилась в транспортные машины рота НКВД, но мы проехали мимо и остановились у «полуторки» и фаэтона, того, что с откидным верхом, Газ-А который. Около него как раз стояли сотрудники милиции в количестве двух десятков голов, уже знакомый младший лейтенант-дежурный и незнакомый капитан, как я понял, начальник райотдела. Покинув машину, я поздоровался за руку с обоими.

– Так это и есть следопыт? – капитан удивленно посмотрел на лейтенанта.

– Говорит, что знает, мы не проверяли. Сейчас и узнаем, сбрыхал или нет.

– Увидите, – спокойно сказал я. – Где немцы проходили? Мне нужно их следы изучить, понять, что они собой представляют. И еще, они по реке от вас оторвались? А вот это не типично, бандиты так не поступают, в случае опасности врассыпную бросаются, а тут, как я понял, вместе шли.

– Приходилось встречаться с бандитами?

– И не раз, всегда битыми они оказывались, – ответил я, на что капитан задумался, переваривая сказанное мной.

Лейтенант указал, где те проходили, но остался на месте, чтобы еще больше следы не затоптать. Я пробежался, тут изрядно походили наши, следы характерные. Но все же разобрать след семерых человек, что спустились к кромке воды, разулись и ушли в реку, видимо двигаясь у берега и таким путем сбрасывая хвост, смог. Задумчиво поглядывая в сторону грузовиков с бойцами НКВД, они стояли на месте, вернулся к милиционерам. Те не уезжали, а у одной из машин стояла группа командиров, что за нами с интересом следила, я даже бы сказал, откровенно пристально наблюдала.

– Товарищ капитан, какая Ламумба вам сказала, что тут бандиты проходили?

– А что не так? – не понял тот. – Налетели на магазин, продавщицу расстреляли, двух покупателей, а потом двух прохожих, что рядом были, и ушли. Собаки довели до реки и чихать начали. Видимо, что-то подсыпали, чтобы запах отбить. Бойцы НКВД прошли по пять километров вниз по реке и вверх, никаких следов.

– Ясно. Тут все не так. Такие следы я уже видел. Это следы подошв от десантных полуботинок на шнуровке, и используют их немцы. Тут было семь диверсантов, возможно, некоторые в гражданке. Честно скажу, мне с ними встречаться уже приходилось, тогда повезло, взять часть удалось, остальных побить, но волчары они тертые, элита. Как-то не хотелось бы снова с ними пересекаться. Раз на раз, как говорится, не приходится.

– Боишься?

– Боюсь, – честно сказал я. – Но не за себя, а за своих, у меня семья большая. Поэтому договоримся так, я выведу вас на немцев, укажу, где они, а дальше сами. Я вперед не полезу, но прикрою со спины, все же стрелок.

– Вот за то, что не отказываешься помочь, вот за это спасибо, – обрадовался капитан.

Видимо, начальство серьезно накрутило его на результат, правда улыбка начала сползать, немцы, да еще диверсанты, это не бандиты, так что он задумчиво посмотрел в сторону бойцов нужного ведомства. Это как раз их специализация. Тут его лицо просветлело, диверсанты это действительно работа НКВД, соответственно можно взвалить все на их плечи и доложить начальству, что диверсантами РККМ теперь не занимается, мол, есть кому, забрали у них это дело с налетом на магазин. Очень эмоциональным оказался капитан, было интересно следить за сменой выражения его лица. Тот заметил, что я за ним наблюдаю, и спросил:

– Ты уверен, что сможешь найти немцев?

– Будет трудно, но я постараюсь. Кстати, в реку они не заходили. Они вас облапошили. Дошли до берега, сняли обувь, чтобы отпечатки босых ног остались. Посыпали спецсредством,

сбить нюх собак, и по своим следам вернулись на дорогу, двигались задом. На дороге надо смотреть, но сейчас это бесполезно, все шинами раскатали и затоптали, так что дальше нужно пройтись, чтобы найти, куда они ушли. Это не быстрое дело. Но дальше, если встану на след, догоним. У них фора в час, как я понимаю?

– Примерно столько.

– До вечера не догоним. Я сейчас определю, в какую сторону они ушли, вроде сбили вас со следа, могут и не петлять, и на машинах обгоним их. Там определимся на местности. Так быстрее будет.

– Хорошо. Томин, давай с нашим следопытом, при нем будешь.

– Есть, – козырнул сержант, что меня привез.

Капитан с лейтенантом заторопились к командирам из ведомства Берии, а мы, далеко обогнав их, пробежав между двух ЗиСов с бойцами НКВД, вышли на дорогу. Тут я велел сержанту не мешать и стал внимательно осматривать обочину. Когда нашел следы, капитан успел пообщаться с будущими коллегами из конторы, они все направлялись к нам, судя по недовольному лицу милиционера, слезть с этого дела у него не получилось, наверное, для количества оставили или в оцепление.

– Есть что сообщить? – с ходу поинтересовался подошедший командир.

Посмотрев на петлицы этого командира, я сказал:

– Не вы меня пригласили, товарищ старший лейтенант госбезопасности, не вам и докладывать буду. Товарищ капитан, сообщаю, что следы немецкой диверсионной группы обнаружил. Они в сторону того высаженного ельника ушли. Но их там точно нет, птицы вон на ветках сидят, значит, уже давно ушли, птицы там сидели, еще когда меня привезли, я это точно помню. Для скорости преследования предлагаю на машинах объехать ельник, и там, когда пойму, куда немцы двинули дальше, определим их основное направление. Не думаю, что они тут петляли, им нужно было как можно дальше уйти. У немцев нет раненых и больных, все сильные, полные сил, и с каждым мгновением они все дальше и дальше от нас уходят. У четверых, похоже, груз, они тяжелее остальных. У меня пока всё.

Закончив доклад, я сделал движение рукой, что, мол, теперь и сотрудникам НКВД все можно передать, все же капитан тут был в роли подчиненного, это было заметно. Все это движение заметили.

– Не любишь органы? – прямо спросил старлей.

– Терпеть не могу, – честно ответил я, глядя ему в глаза. – С тех пор как месяц назад под Старой Руссой лейтенант-козел из вашего ведомства отобрал у меня «Вальтер-ППК», взятый мной трофеем у лично захваченного в плен немецкого летчика-истребителя, на наших глазах расстреливающего беженцев с неба, но сбитого в тот момент. Тот его в качестве второго дополнительного оружия носил. Так вот что я вам скажу, пока не вернете, согласен на точно такое же оружие, а не на тот самый, я с вами даже разговаривать не буду. Все что хотел, сказал. Пока пистолет не вернете, причем вместе со специальной оперативной кобурой для скрытого ношения, как у меня раньше была, разговаривать нам не о чем. Вернете, снова друзьями станем... Ну что, товарищ капитан, едем?

– Да, грузимся, – ответил тот, увидев кивок старлея, что смотрел на меня уже без настороженности, скорее с легкой насмешкой.

Поехал я, естественно, с милиционерами, соответственно на головной машине. Когда начали объезжать ельник, я встал на подножку грузовика и внимательно осматривал обочину на тихо едущей машине. Трижды просил остановиться, но все не то, не наши беглецы. А вот в четвертой раз оказались они, наши следы.

– Нашел! – крикнул я, соскакивая с машины и осматривая следы.

Когда подошли командиры, то я спросил у капитана:

– Карта есть?

У того не оказалось, но была в планшетке у старлея, вот он ее передал капитану. Сначала мне, но я не взял, я принципиальный, ППК мне до сих пор было жалко. Догадавшись, тот протянул капитану, а он уже мне.

– Ага, – быстро пробежавшись по карте, достал карандаш из котомки и поставил точку. – Тут их надо ждать.

– Почему тут? – поинтересовался старлей.

Хотелось бы, чтобы капитан повторил, все же я ему помогаю, но ладно, это все ребячество, так что ответил:

– Не знаю почему, но они задержались в ельнике. Наверное, за вами наблюдали со стороны. Следы минут тридцать, трава примятая, только поднимается. Следы семерых. А вообще странно, что они днем, никого не боясь, так спокойно перемещаются, тут же наших войск полным-полно. Да и этот налет на магазин странный. Известно, что взяли?

– Касса разбита, деньги исчезли, – задумался старлей, и лицо его приснилось. – Продолжайте?

– Да, похоже. А это значит, они тут давно, если все запасы подъели. Не удивлюсь, что у вас в последнее время не обнаруженная радиостанция в окрестностях часто в эфир выходит.

– Не часто, но есть. Что-то ты больно много знаешь для своего возраста.

– Общался много с нужными людьми. Учили, включая бойца осназа из вашего наркомата. Отличный парень был, умер рядом со мной. Я с ним познакомился в госпитале, палатка для безнадежных. Много кто там был, со всеми общался, много что слышал. Опыт получил огромный. Причем реальный, люди при смерти не врут. Я гитарист, играл им, чтобы легче было. Жалко до слез, хорошие мужики.

Настороженность снова начала исчезать из глаз старлея, но он все же спросил:

– А в госпитале что делал?

– Да у меня на дороге мать надумала рожать, ладно госпиталь этот рядом был. Вот пока стояли лагерем рядом с ним, я брал гитару и играл раненым, в основном в палатке для безнадежных, но и в соседних было слышно, просили погромче петь. Палатки, госпиталь на открытом воздухе был.

– Ясно. Кто родился?

– Брат, Кириллом назвали в честь брата отца. Отец воюет, ротный старшина в мотострелках.

– Понятно. Едем.

– По машинам! – крикнул один из сержантов.

И чего орал? Приказа покинуть машины у бойцов не было, только командиры к нам подошли, а остальные как сидели в кузовах, так и сидели. Мы снова расселись по машинам и двинули дальше, нужно на местных полевых дорогах так проехать, чтобы успеть перерезать путь немцам. Один из водителей, что перевозил милиционеров, окрестности знал отлично, он нас и повез, возглавив колонну из десятка грузовиков и двух легковушек.

Мы не успели совсем чуть-чуть. Я ехал в передовой машине, в кузове, поглядывая по сторонам, поэтому сразу заметил, что следующий за нами ЗиС свернул с дороги, там что-то углядели, пулеметчик поставил свое оружие на сошки на кабину и почти сразу открыл огонь. Привстав (наша машина тормозила), увидел метрах в четырехстах у кустарника цепочку людей, как раз семеро. Шестеро успели нырнуть в овраг, слишком быстро они исчезли из виду, а вот седьмого, замыкающего, боец НКВД все же достал. Точно он, так как один стрелял. Легковушки объезжали ЗиС, грузовики встали и из кузова согласно отданных командам покидали бойцы. Из нашей машины тоже посыпались на землю милиционеры, так что пришлось последовать за ними.

– Здесь оставайся, дальше мы сами! – крикнул пробежавший мимо старлей.

– Вы что, преследовать собрались? – удивился я, он как раз никуда не торопился, приказа такого не было.

– А что ты предлагаешь? – поинтересовался тот, останавливаясь рядом у строя милиционеров, цепь бойцов НКВД уже двигалась в сторону обнаруженных диверсантов.

Авторитет мой за последнее время взлетел на довольно высокую планку, его не снизил даже мой конфликт с командирами ведомства Берии с претензией за отобранный пистолет. Это принципиально.

– Они наверняка одного в прикрытии оставили. Тот прижмет бойцов к земле огнем, дав своим оторваться. Потом налегке догонит их. Он без мешка будет, насколько я видел, там было именно четыре мешка, видимо, с награбленным продовольствием из магазина. Нам тут делать нечего, обгоним их по дорогам и заждем в кольцо... О, вот и выстрелы захлопали и цепь залегла. Я же говорил, задержит он их.

– Едем, – обернувшись, кивнул капитан и тут же пригнулся, одна из пуль разбила лобовое стекло в их легковушке. Тут и так защиты нет, теперь и стекло потеряли.

Милиционеры снова погрузились в машину, немногочисленные бойцы НКВД, что остались у машин, удивленно посмотрели нам вслед. А нам реально удалось практически догнать немцев. Еще бы немного и опередили бы их, но они слышали шум моторов и открыли огонь. Раненый водитель «полуторки», в которой мы ехали, свернул в сторону, уходя от огня, и опал на бок, лейтенант, что был в кабине, его вытащил через свой дверной проем. Мы также покинули кузов, у нас еще два раненых были, вытащили из машины раненого водителя, и пока одни устроили перестрелку с немцами, другие перевязывали раненых. К счастью, до убитых не дошло. Тут была небольшая низина, примерно на высоте полуметра свистели пули, но ниже нет, мы были в мертвой зоне. Прижали нас.

– Товарищ капитан! – крикнул я капитану, что залег у колеса фаэтона, с наганом в руке.

Судя по тому, как пули дырявили машину, ей конец. Все же тот услышал и повернулся ко мне.

– Прикажите прекратить огонь, они мне мешают.

Тот кивнул и стал отдавать приказы, постепенно огонь с нашей стороны стихал, пока совсем не прекратился, так что довольный капитан прекратил надирать голос.

Со стороны немцев хлопали выстрелы карабина и бил пулемет, причем немецкий, МГ-34, я уже определил, где он сейчас, приподняв винтовку над укрытием, прикинул правильно ли прицелился на слух, и выстрелил. Сразу же пулемет замолчал. Я стрелял, чтобы пуля прошла над стволом пулемета.

– Не вставайте. Их там двое, сейчас второй ляжет за пулемет, я и его сниму, тут всего восемьдесят метров.

Как только прекратил говорить, пулемет снова заработал, и я проделал ту же процедуру, поднял винтовку над головой, а лежал я на спине, и выстрелил. Снова пулемет замолк.

– Четверо с грузом ушли, двое тут, один, судя по стрельбе, все еще перестрелку устраивает с бойцами НКВД. Судя по тому, что немцы уходят все дальше, не зря, задержал. Ну что, товарищ капитан, сходим на пулеметчиков посмотреть?

– Идем.

Я уже давно стоял в полный рост, и никто по мне не стрелял, так что и тот поднялся, за ним и остальные. Часть милиционеров остались у расстрелянных машин, пока шла перестрелка, еще один ранение получил в плечо, перевязывали их, а мы, растянувшись по приказу капитана в цепь, двинули к позиции пулеметчика. Я шагал рядом с капитаном, лейтенант с правого фланга, сержант с левого, так и дошли до оврага, тут и стоял уже знакомый МГ, за рукоятки держался немец с повязкой на плече. Вот кого зацепил пулеметчик из роты НКВД.

– Прямо в глаз, – восхищенно ахнул один из милиционеров, что отцепил руки мертвого немца от пулемета и перевернул его.

Не ожидая такой подлянки, я среагировал соответственно.

– Граната! – крикнул я и тут же упал, где стоял, закрывая голову.

Остальные тоже попадали. Несколько секунд лежали, но взрыва так и не было.

– Нет тут никакой гранаты, – несколько растерянно пробормотал молоденький милиционер.

– Да чтобы вас приподняло и прихлопнуло! – орал я, вставая и отряхиваясь. – Вы что, не знаете, что немцы минируют тела своих павших товарищей?! Этот тоже мог быть заминированным, с гранатой под телом. Перевернул, скоба освободилась и привет, архангел. Поэтому, прежде чем трогать тело, осторожно рукой проверяешь, есть что под телом или нет. Вбейте себе в голову такую мысль, не трогать ничего без проверки. В дома не врываться с ходу, сначала на веревке дернуть дверь, мало ли там растяжка стоит, и только потом штурм и все остальное. Учить вас и учить.

Говоря, я все больше успокаивался и сердце не так бешено колотилось.

– Ну, Силантьев, – покачал головой капитан, тоже вставая, отчего молодой милиционер стал совсем как помидор.

– Тот был убит первым, вот он наверняка заминирован, у немцев это вбито в подкорку. С этим безглазым тебе повезло, теперь проверь тело ранее убитого, для закрепления.

Сам я сверху склона посмотрел, куда попал первому. В скуле была маленькая дырочка. Для меня немцы выглядели привычно, камуфляжные костюмы, амуниция, обувь, оружие, в общем, серьезные такие ребята, а вот милиционеры видели их впервые, поэтому глазели только так. Правда, рассредоточившись, чтобы округу контролировать. Любопытно им было. Милиционер, которому я велел осмотреть тело, сунул под него руку, вдруг замер и шепотом, едва слышно сказал, побледнев:

– Есть.

– Какой ты интересный экземпляр, то краснеешь как помидор, то бледнеешь как снег, ты бы сердце поберег, сожжешь его так. Гранату крепко зажми пальцами, главное скобу удерживая, и неси сюда. Нашел скобу?

– Да, я ее удерживаю.

– Ну так и неси.

– Ты как понял, что граната под первым? – спросил капитан, но не подходя, еще и отошел.

– А вот когда этот парень немца у пулемета переворачивал, у него из кармана чека выпала, видимо, выкинуть не успел, машинально в карман куртки сунул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.